

БОЗРЕВАТЕЛЬ **OBSERVER**

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

**Битва под Москвой:
коренной перелом в сознании народа и армии**

Е. СЕНЯВСКАЯ

**Парад,
ставший легендой**

В. ШТОЛЬ

**НАТО:
вымыслы и реальность**

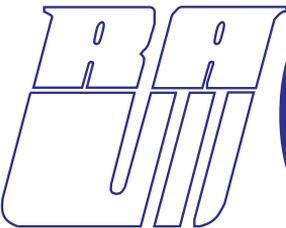
М. ВИДЯСОВА

**Куда идет
тунисская «революция»?**

Т. ДАДУАНИ

**Ответственность
за преступление геноцида**

**Политическое цунами.
Миропроектная конкуренция и модели будущего**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО - АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

От редакции 4

**Октябрьская революция в контексте исторических противоречий
между Россией и Западом** 6

В. Павленко

В статье исследуется проектная основа современных глобальных процессов. Автор доказывает, что основным их содержанием, как и на протяжении всей второй половины второго тысячелетия, является непрерывная конкуренция Запада и России, в рамках которой ведущие центры западного мира стремятся ликвидировать нашу страну, являющуюся главным препятствием на пути к англосаксонскому мировому господству. Указывается на тесную связь «глобальной элиты» с последователями нацизма. Автор утверждает, что предотвратить развитие событий по этому негативному для человечества сценарию «конца истории» возможно только в случае разработки и осуществления Россией нового глобального проекта, восстанавливающего ее историческую преемственность.

Военный парад в осажденной столице 40

А. Цветков

На основе документальных материалов автор показал предысторию исторического военного парада Красной армии 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве, подготовку к нему и его проведение.

Битва под Москвой: коренной перелом в сознании народа и армии 45

В. Литвиненко

Статья посвящена одному из крупнейших событий Великой Отечественной и Второй мировой войны — Московской битве. Показан переломный характер битвы под Москвой для морального духа народа и армии, в том числе мобилизующая роль военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. Освещается также международный резонанс, связанный с началом контрнаступления советских войск под Москвой в декабре 1941 г.

Парад, который стал легендой

55

Е. Сенявская

Публикация документов и воспоминаний посвящена уникальному событию отечественной истории — военному параду в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, состоявшемуся 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве и ставшему символом народной стойкости и веры в победу в самые тяжелые дни Великой Отечественной войны.

НАТО: вымыслы и реальность

73

В. Штоль

Указав на распространяемое определенными кругами мнение о том, что НАТО в настоящее время не представляет угрозы для России, автор приводит данные, свидетельствующие об обратном, т. е. о наращивании потенциала ОВС НАТО, и делает вывод, что России никогда не следует забывать о том, что НАТО — это не благотворительная организация, а военно-политический союз со всеми вытекающими из этого последствиями и относиться к нему надо подобающим образом.

Куда идет тунисская «революция»?

79

М. Видясова

Развивая тему о причинах и ходе «революции» в Тунисе, автор не пытается дать исчерпывающий ответ на все вопросы, связанные с событиями в этой стране и в так называемом арабском мире, который не представляет собой нечто целостное. Идея единой «арабской нации», особо популярная в 60-е годы XX в., не умерла: она вновь поднята на щит некоторыми политическими партиями Туниса. Им предстоит конкурентная борьба на выборах в Учредительное собрание.

Политическое цунами.

Миропроектная конкуренция и модели будущего

97

С. Кургинян

Известный политолог С. Е. Кургинян излагает основы миропроектной конкуренции, которые рассматриваются через призму современной политической и геополитической трансформации региона Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Отмечая политическую поддержку, оказанную «революционерам» основными центрами англосаксонского Запада, прежде всего США, автор выдвигает гипотезу о существовании тесной взаимосвязи между доминирующими в западном мире постмодернистскими тенденциями и контрмодернизмом радикального исламизма.

Перспективам миропорядка, основанного на этом, автор противопоставляет выдвижение Россией альтернативного миропоекта «Сверхмодерн», соединяющего советские идеалы и практический опыт государственного, политического и социально-экономического строительства в СССР с рядом новых элементов коммунизма.

Международно-правовые основы уголовного преследования за преступление геноцида: проблемы становления

119

Т. Дадуани

Автор рассматривает проблемы становления международно-правовых основ уголовного преследования за преступление геноцида, являющегося с позиций современного международного права одним из самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего мирового сообщества и подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕРЕМЕНКО И. Н. – исп. директор, к. т. н.; НОВИКОВ Ю. Д. – зам. гл. редактора; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; БЕРКОВ А. А. – к. ю. н.; БОЙКО Ю. П. – д. п. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н.; ГУСЕВ А. А. – д. п. н., проф.; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; ЗИМЕНКОВ А. Л. – д. п. н.; КОМАРОВ И. К. – д. э. н.; КРУГЛОВ В. В. – д. в. н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. п. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н.; ПАВЛЕНКО В. Б. – д. п. н.; ПЛЯИС Я. А. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В. В. – член-корреспондент РАН
- ГАБАРАЕВ Б. А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
- ГАЛОГАНОВ А. П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В. В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М. Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЖУРКИН В. В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В. С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л. Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- КРЕМЕНЮК В. А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф. И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- МУРАДОВ Г. Л. – заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудничество»
- ПЕТРАКОВ Н. Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю. С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е. М. – академик РАН
- СУХАРЕВ А. Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М. Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А. В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
- ШАХНАЗАРОВ К. Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЩЕРБАКОВ И. А. – директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
- ЯКОВЛЕВ В. Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Уважаемые читатели!

В декабре этого года не только народы России, но и все граждане бывшего Советского Союза отмечают 70-ю годовщину исторической Московской битвы, завершившейся разгромом немецко-фашистских войск под Москвой. Великим событием этой битвы, переломившей ход Великой Отечественной войны, был парад, посвященный 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, состоявшийся на Красной площади столицы ранним утром 7 ноября 1941 г.

Потерпев неудачу в попытке с ходу прорваться к Москве, гитлеровское командование осенью 1941 г. начало активную подготовку к новому наступлению, главной целью которого была советская столица.

Директива на проведение этой операции, получившей кодовое наименование «Тайфун», была подписана Гитлером 6 сентября 1941 г. Он видел это наступление как последний, завершающий удар объединенной Европы по Советскому Союзу.

«В полосе от Крайнего Севера до Крыма стоите вы сегодня вместе с финскими, словацкими, венгерскими, румынскими и итальянскими дивизиями... Испанские, хорватские и бельгийские соединения присоединяются теперь, остальные последуют за ними, — говорилось в обращении Гитлера от 2 октября к солдатам Восточного фронта. — Предстоящее наступление, может быть, впервые будет рассматриваться всеми нациями Европы как общая акция по спасению континента... Сегодня, наконец, создана предпосылка для последнего жестокого удара, который еще до начала зимы должен разгромить противника, нанести ему смертельный удар...»

Началась историческая Московская битва, в ходе которой планам Гитлера не суждено было сбыться, хотя захватчики стояли у самых ворот столицы, и казалось, что Москва вот-вот будет взята.

Гитлер на весь мир объявил, что 7 ноября устроит парад на Красной площади, что именно в этот день победоносные германские войска пройдут по еще одной покоренной столице Европы; уже были отпечатаны и разосланы пригласительные билеты.

И парад действительно состоялся. Только мимо стен Кремля торжественным маршем прошли не немецкие, а советские войска.

В полях под Москвой произошел коренной перелом в сознании людей — как на фронте, так и в тылу. Если до этого наряду с верой и надеждой в победу были и растерянность, и сомнение, и отчаяние, то в ходе Московской битвы возникла уверенность: враг действительно будет разбит и победа будет за нами! При этом точкой бифуркации, после которой надежда переросла в уверенность, стал именно военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 г., показавший всему миру, что прифронтовая Москва сдаваться не намерена. Москва намерена победить. И победила.

Парад сыграл важную роль не только в исходе обороны Москвы, но и создал моральные предпосылки для успешного перехода советских войск в решительное контрнаступление.

Он ознаменовал восход зари нашей победы над немецким фашизмом в Великой Отечественной войне.

Естественно, редакция не может пройти мимо такого исторического события и в настоящем номере публикует ряд статей, посвященных этой важнейшей дате в истории нашей Родины.

Октябрьская революция в контексте исторических противоречий между Россией и Западом

Владимир Павленко

Известный политолог В. А. Никонов неоднократно рассказывал о забавном эпизоде, который как нельзя лучше объясняет природу и характер существующих на современном Западе комплексов по отношению к России. Его коллега из Канады, исчерпав весь имевшийся в его распоряжении запас недоумения по поводу того, почему Россия не может объединиться с Западом и быть с ним по всем вопросам заодно, высказал мысль, безусловно претендующую на роль афористичной квинтэссенции всех западных заблуждений в этом извечном вопросе наших двусторонних отношений: «Были б вы чернокожими, – выпалил он в конце очередного спора, – никаких вопросов! Но вы же белые, как мы. Почему же вы такие другие?!»¹

Ответ канадцу прост и сложен одновременно. Если коротко, то суть его сводится к тому, что Россия – не Запад, а другая цивилизация.

Повестка дня для России: восстановить цивилизационную проектность

Существует около двухсот определенных категории «цивилизация». Международный энциклопедический словарь «Глобалистика», изданный известными своей либерально-западной окраской Фондом Фридриха

Эберта и международным «Горбачев-фондом», например, трактует его следующим образом:

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ (лат. *civil* – гражданский, государственный) – культура городского типа, материальные, духовные и структурные ат-

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. *E-mail*: pvb.55@yandex.ru

Ключевые слова: Россия, Запад, цивилизация, глобальное управление, глобальный проект, проектные трансформации, проектная преемственность, проектная экспансия, англосаксонское доминирование, марксистская теория государства.

рибуты которой отличаются рядом характерных черт. Ее духовный фундамент составляют язык (письменность), обычаи и культуры, а также развитые религиозные, национальные и/или социальные представления. Материальное бытие цивилизации основано на разделении труда и производящем хозяйстве. Ее структурная организация предполагает сословное и имущественное расслоение общества, наличие властной вертикали и ее аппарата физического и морального воздействия (принуждения) на общество.

Обычно все цивилизации мира подразделяются на два типа – восточные и западные. Смысл данной дихотомии заключается не в географии <...>, а в содержании материальной, духовной и структурной составляющих цивилизаций. Характерные черты восточных цивилизаций: хозяйство нерыночного типа <...>, строго иерархическое деление общества <...>, мировоззрение, выдержанное в духе религиозной, национальной или классовой идеологии <...>. Кроме того, восточным цивилизациям было свойственно ярко выраженное стремление к хозяйственной и культурной изоляции <...>.

Западные цивилизации опираются на принципы существования, прямо противоположные восточным <...>².

Несмотря на явную и преднамеренную узость и идеологический характер этого определения, из него следует, что понятие «цивилизация» не является однозначным. Именно поэтому в цивилизационных исследованиях выделяются два подхода – материалистический и культурно-исторический.

Материалистический подход исходит из представлений о «цивилизации» как более высокой стадии развития или «уходе от варварства», которая противопоставляется традиционной и потому якобы «отсталой» культуре. В рамках этого подхода обнаружива-

ется стремление частичного или полного распространения европейского, и в целом западного опыта на все человечество, а также придания ему глобального характера. Идеологами Римского клуба, вслед за рядом западных ученых, особо подчеркивалось, что космополитическая общественность формирует и воплощает в государственных и международных институтах некую наднациональную политическую сферу. При этом она руководствуется принципом «конституционного патриотизма», соотносимого не с конкретной нацией или государством, а с абстрактными, распространяемыми повсеместно методами и принципами демократической политической культуры³.

Культурно-историческое направление цивилизационной теории, более востребованное не на Западе, а на Востоке и в России, отражено в идеях и трудах Н. Я. Данилевского, мыслителей евразийской школы, ряда современных ученых, например, Ш. Н. Эйзенштадта. Значительный вклад в его развитие внесен циклической концепцией О. Шпенглера, рассматривающей цивилизацию высшей и завершающей стадией эволюции локальных культур, теорией локальных цивилизаций А. Дж. Тойнби, концепцией этногенеза Л. Н. Гумилева. Как указывается этими видными учеными, локальные цивилизации характеризуются устойчивостью социокультурных общностей, объединенных религией, мировоззрением, культурой, этничностью, историей, географией, сохранением своеобразия и целостности на больших исторических промежутках, несмотря на внешнее давление⁴.

Ряд исследователей, например В. В. Аверьянов, обращают внимание, что различия материалистического и культурно-исторического подходов, а также обусловленное ими видение

цивилизации противопоставляют друг другу имперское и национальное начало в том виде, в каком последнее сформировалось в «большую эпоху» Модерна.

«Корень противопоставления национального государства и империи лежит в том, что имперская государственность в принципе несовместима с глобализацией. Имперская государственность сама представляет собой частную глобализацию на своем пространстве. Поэтому имперские проекты не могут не противоречить той глобализации, которая является по отношению к ним внешней.

<...> Уже в XIX веке у нас были такие выдающиеся и самобытные теоретики как Н. Г. Дебольский, построивший развернутую концепцию „национальности“, „национального начала“. И в его трактовке как раз получается, что народ изначально нагружен очень серьезными и культурными, и государственными, и религиозными связями, системными связями. Без них он неполноценен и по существу народом назван быть не может. У Дебольского есть очень интересная мысль <...> о том, что с либеральной точки зрения, будущее народа строится по неким предвзятым, отвлеченным правилам, а с точки зрения начала национальности это будущее должно быть укоренено в прошлом <...>.

Здесь Дебольский подчеркивает, что **если мы хотим стандартизировать себя по лекалам англичан или других стран, которые создали национальные государства, то фактически мы встаем на путь именно либерального национализма <...>.**

Немецкий исследователь Кон делит национализм на два типа: западный и восточный <...>. А Бирнбаум то же самое называет другими словами: государственный и культурный типы национализма. Отмечают, что западный, или государственный национализм тесно связан с либеральной идеей, он либерален по своему происхождению. И здесь, помимо Дебольского, вспоминается К. Н. Леонтьев, который указал на то, что западный, либеральный национализм фактически способствует денационализации в глубинном, коренном смысле слова. **Это парадокс национализма космополитического, <...> который, по мысли Леонтьева,**

через государственные институты губит культурный и бытовой национализм. То есть ведет к лишению народа его сущности, его специфичности.

Итак, мы имеем дело с двумя национализмами.

С одной стороны, **либеральным**, создающим те самые *national state*, „нации“, из которых, как из кирпичиков, складываются и старые европейские союзы, и Лига Наций, и затем ООН, и нынешнее „международное сообщество“, которое обеспечивает согласованную расправу сильных держав над „тиранами“ и теми, кто не вписывается в передовые стандарты демократии, политкорректности и глобализации.

Но, кроме него, существует **древний «национализм», который у разных народов именовался по-разному, на языках этих народов.** Это понимание «нации» можно трактовать как приверженность «алтарям и нивам» родины, «ларям и пенатам» своего города и своего царства, <...> оно связано с такими идеалами и ценностями как Отечество, Семья, Земля, <...> с народными представлениями о вере предков <...>.

Понятно, что такой национализм не противоречит имперской идее, но органично с ней стыкуется. Такой национализм, если бы он развился до международного уровня, дал бы совсем иные плоды, чем «либеральный национализм» англосаксов <...>»⁵ (курс. – Авт.).

Как видим, проектным потенциалом обладает каждая цивилизация. Но не каждая его реализует. И лишь единицы способны делать это по историческим меркам долго. Представляется, что критерием проектности является способность цивилизации к внутренней консолидации и выработке четкой идентичности, к защите своего ареала и расширению за его пределы. Поэтому претендовать на нее могут только государства, осуществившие вокруг себя трансграничную цивилизационную консолидацию, став ее ядром. Например, Великобритания и США на Западе. А также уже состоявшиеся государства-цивилизации – Россия, Китай, Индия.

Из того, о чем пишет В. В. Аверьянов, следует, что «частная глобализация» в масштабах самой западной цивилизации в целом завершена. На повестке дня другой вопрос: распространение ее на все человечество, которое осуществляется с помощью допускаемых в «прихожую» Запада представителей незападных элит, формирующих то, что мы именуем проамериканским «агрессивно-послушным большинством».

Не принадлежащие же к Западу цивилизационные центры перспективу интеграции с ним в своей массе отвергают, хотя многим влиятельным представителям их элит, преследующим, в основном, собственные частные выгоды, она кажется привлекательной. При этом они ввиду различия проектных задач по сей день не консолидированы, хотя и не находятся в состоянии острой междоусобной проектной конкуренции. Индия все более тянется к Западу, что обусловлено спецификой ее двуязычной элиты, оставленной англичанами при предоставлении стране независимости. Китай, цивилизационное развитие которого долгое время осуществлялось по замкнутому циклическому кругу, ведет экспансию в направлении Юго-Восточной Азии и Тихого океана. При этом необходимо заметить, что формально объединяющая эти государства-цивилизации группа БРИКС (ранее БРИК) является не самостоятельным субъектом глобальной политики и даже не механическим объединением ее участников, а продуктом неких закулисных договоренностей, реализуемых в режиме долгосрочного стратегического планирования и управляемых все тем же проектным центром Запада⁶.

Россия в этой ситуации обречена либо и далее утрачивать самостоятельную проектность, либо, восстановив ее, принять активное участие в между-

цилизационном объединении незападных цивилизаций, являющемся, как полагают некоторые специалисты, например, вице-президент Академии геополитических проблем К. В. Сивков, единственным, что способно остановить западную экспансию⁷.

Для того, чтобы объяснить, почему мы ставим вопрос именно таким образом, обратимся к весьма интересному анализу соотношения европейских, американских и российских ценностей, проведенному заместителем директора Института Европы РАН Ал. А. Громыко.

«„Европейская мечта“ является наднациональной системой ценностей эпохи **постмодернизма**. Среди ее главных составляющих: универсализм, общественный домен и экономика соучастия, мягкая сила, секулярность, приоритет качества жизни над максимизацией материального достатка, социальный рынок, концепция устойчивого развития, многокультурье (мультикультурализм), опора на социальную составляющую прав человека, многосторонность (стремление к консенсусу при решении внутри- и внешнеполитических задач), взаимозависимость на международной арене, „пул суверенитетов“ в границах Европейского союза (ЕС).

Что касается ценностей „американской мечты“, то она сложилась в эпоху **модернизма** и представляет собой комбинацию христианской эсхатологии и утилитаризма. Среди ее составляющих: партикуляризм (избранность, мессианство, мета-нарративы), индивидуализм и антропоцентризм, ассимиляция („плавильный котел“), жесткая сила, религиозность, идеал обогащения, материальный, линейный прогресс, абсолютизация права собственности, односторонности и автономности („кто не с нами, тот против нас“, «коалиции желающих»).

<...> Промежуточное положение России с аксиологической точки зрения между Западной Европой и США объясняется тем, что **наша страна еще развивается в координатах эпохи модернизма**. Ценности, вышедшие на передний план после 1991 года, сближают ее с США, а культивирование ряда ценностей советского и досоветского периодов – с «евро-

пейской мечтой». Так, в российском менталитете от этих прошлых исторических эпох сохраняется влияние ценностей универсализма (в советское время – интернационализма) и коллективизма»⁸ (курс. – Авт.).

В приведенном нами фрагменте есть с чем поспорить. Например, с тем, что «христианская эсхатология» сложилась в эпоху Модерна. В чистом виде она на самом деле является продуктом Средних веков, а в сложившейся в США форме «христианского сионизма» («диспенсациализма»), послужившего метафизической основой неоконсерватизма, вообще опирается на ветхозаветный фундамент, что также исключает ее принадлежность к Модерну. Важнее другое: все более явное взаимное переплетение европейских и американских ценностей, осуществляемое на постмодернистской основе. Ибо универсализм, «устойчивое развитие», мягкая сила (сетевые центры управления «цветными», в том числе арабскими революциями), «приоритет качества жизни», почему-то противопоставленный «материальному достат-

ку», также характерны для США, как и для Европы. А что уж говорить об обратном влиянии на Европу американских ценностей с помощью новых членов ЕС! Таким образом, правильнее будет говорить о едином, постоянно прогрессирующем постмодернизме Запада, обращенном против застрявшей в Модерне или около него России, и это в условиях перемещения центра этого Модерна, как верно указывает С. Е. Кургинян, на Восток, где «много бедного, молодого, дисциплинированного населения»⁹.

В этих условиях все разговоры о присоединении нашей страны к Западу равнозначны включению ее в Постмодерн, места в котором России нет, а если и есть, то лишь в качестве обслуживающего персонала экспортной трубы, численность которого – самое главное – должна поддерживаться на минимально достаточном уровне. Поэтому не общее нужно искать с этим Постмодерном, а особенное, позволяющее России обойти и избежать его, продлив собственную проектность.

«Образ» и «качество» жизни.

Война цивилизаций или западная цивилизационная экспансия?

Пока у нас в стране ведутся дискуссии о том, является ли проектный генезис цивилизаций выдумкой или реальностью, на Западе проектное противостояние уже давно поставлено в центр всей геостратегии. В своей напугавшей книгу «Столкновение цивилизаций» (*The Clash of Civilizations*) известный американский политолог С. П. Хантингтон, отличавшийся достаточной близостью к центрам принятия решений в западной интеллектуальной и политической элите, утверждал, что цивилизационная конкуренция протекает в форме «войны цивилизаций». Получает или нет под-

держку эта концепция в научной среде – отдельный вопрос. Но создается устойчивое впечатление, что в практической политике Запад, и США в особенности, именно этим подходом и руководствуются.

Его и у нас подхватили и разнесли, не вникнув до конца в смысл. Цитируя вдоль и поперек Хантингтона порой только для того, чтобы оправдать обращение к цивилизационному подходу, особенно противопоставить его привычному классовому методу анализа, многие ученые начинают забывать о том, что основной целью этого исследователя являлась не столько дискреди-

тация марксизма, сколько обоснование легитимности западной проектной экспансии. Главное у Хантингтона – не факт борьбы, а кто с кем борется.

Знаменитая формула «*The West and the Rest*» означает «Запад и все остальные», то есть Запад против всех остальных. В своем последнем, эсхатологическом смысле эта формула сливается с концепцией «конца истории» Ф. Фукуямы. Ибо описываемая им вселенская победа Запада означает завершение конкуренции и объединение человечества – отнюдь не добровольное, жестко контролируемое и управляемое. Поэтому можно до хрипоты спорить о том, нравится или нет межцивилизационное объединение нашим прозападным интеллектуалам, но сути дела это не меняет. Чтобы о таком объединении поставить вопрос, нужно обладать альтернативной Западу проектностью. Причем не модернистской и не постмодернистской, а иной. Актуальность проекта «Сверхмодерн», о котором длительное время говорит и пишет С. Е. Кургинян*, – можно и нужно обсуждать. Это – серьезнейшая концепция. В отличие от попыток любой ценой втащить Россию в Запад «хоть чучелом, хоть тушкой», в которых нет ничего, кроме эсхатологии «конца истории», помноженной на стремление обеспечить благополучие элитарного меньшинства – «продвинутого» и не очень.

Итак, главное противоречие между двумя школами цивилизационных исследований заключено в отношении к проектности цивилизаций, то есть в наличии у них цельного мировидения, затрагивающего как прошлое и настоящее, так и будущее. Материалистическая школа утверждает про-

ектную монополию Запада, отказывая в будущем незападным империям, по В. В. Аверьянову, «частным глобализациям» и возводя в абсолют их интеграцию под эгидой Запада в единую, единственную и универсальную либеральную «новоимперскую» глобализацию. Культурно-историческая школа демонстрирует подчеркнутый плюрализм и оставляет место разным «частным» имперским «глобализациям». Она утверждает, что не бывает более или менее «цивилизированных» цивилизаций. Бывают иные цивилизации – с иным набором цивилизационных признаков и ценностей и иным местом в истории.

Поэтому лишь очень naive и недалекие люди могут полагать, что всеобщее торжество «демократии и прав человека», особенно на нынешнем витке исторического развития, станет прорывом в будущее. Скорее, наоборот. Ибо «конец истории» – это не продолжение, а завершение всякого развития – как на Западе, так и Востоке. Остановка развития раз и навсегда, означающая наступление глобального фашизма, что не является преувеличением именно потому, что фашизм по своей содержательной сути как раз и есть остановка развития.

О том, что произойдет дальше, написано в религиозной и светской литературе, спектр которой практически безграничен, рассчитан на любые взгляды, убеждения и вкусы и простирается от «Апокалипсиса» Иоанна Богослова до «Машины времени» Г. Уэллса.

Что может воспрепятствовать «концу истории»? Только продолжение конкуренции различных проектов мировидения в цивилизационном или даже межцивилизационном формате.

* Эта тема обсуждается в выпуске 7 видеопрограммы «Суть времени», которая ведется на официальном сайте Центра Кургиняна. (<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=92>).

Сегодня проектный подход все активнее пробивает себе дорогу.

Так, в этом направлении, пусть медленно и непоследовательно, но начинает разворачиваться и обновление российских государственных документов. Концепция внешней политики России в действующей редакции 2008 г. впервые формулирует положение о конкуренции различных ценностных ориентиров и цивилизационных моделей¹⁰.

В монографии Института Европы РАН «Россия в многообразии цивилизаций» указывается: «<...> Система ценностей служит сеткой координат, вне которой любая цивилизация утрачивает идентичность, если не сам смысл существования. <...> Хотя с течением времени ценности могут эволюционировать, <...> они устойчиво закреплены в нравах и обычаях народов, догматах и ритуалах религиозных конфессий, нормах законодательства»⁸.

В каком соотношении находится эта посылка с предшествующим провозглашением ее авторами России «частью Запада»⁸, пусть решают в самом Институте Европы.

Так что такое «ценности», и как они влияют на проектность? Это важный вопрос, ибо ценности находятся в основе любого проекта.

«ЦЕННОСТЬ (греч. *axios* — ценности) — понятие, используемое в философии и социологии для обозначения объектов и явлений, выступающих как значимые в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов. В различных подходах ценности рассматриваются как атрибут **материального или идеального** предмета или как сам предмет <...>.

Можно говорить о *двух формах ценностей*. Во-первых, ценность выступает как **общественный идеал** <...>. Во-вторых, ценность предстает <...> в виде произведений **материальной** или духовной культуры <...>.

Другим основанием типологии ценностей выступает классификация социальных общностей, отражением жизнедеятельности которых они являются. Наиболее общими являются ценности общечеловеческие. Их универсальность и неизменность отражает **некоторые**

*общие черты, присущие жизнедеятельности людей различных исторических эпох, социально-политических укладов, классово-национальной, этнической и культурной (а также религиозно-конфессиональной — Авт.) принадлежности. Вместе с дифференциацией образа жизни людей, принадлежащих к различным социальным общностям, дифференцируются и ценности, порождаемые конкретным общественным укладом и отражающие его специфику <...>*² (курс. — Авт.).

Итак, первое, что выделим: ценности подразделяются на две категории — идеальные и материальные.

Второе, что следует отметить, зафиксировать и постоянно удерживать в памяти, — собирательный и преимущественно **материальный** характер так называемых «общечеловеческих» ценностей, обусловленный тем, что они базируются не на идеалах, а на интересах. Различным эпохам, укладам, классам, нациям, этносам и культурам, как видим, свойственен лишь очень ограниченный круг по-настоящему общих ценностей. Их список в основном исчерпывается сугубо утилитарными представлениями о жизни как физиологическом процессе, а также о благосостоянии или «процветании».

Большинство же ценностей, в отличие от интересов, по своей природе **идеальны** и отнюдь не являются универсальными. Они порождены тем или иным специфическим общественным укладом, отражают его уникальность и формируют соответствующий этому укладу **идеал**, определяющий соответствующую идентичность — религиозную, этническую, национальную, социальную (классовую), государственную, цивилизационную. Каждая такая общность неповторима, у каждой — свое место на лестнице исторической эволюции.

Можно сказать, что если идеал выражается категорией «образ жизни», то квинтэссенцией интересов служит другая категория – «качество жизни».

В политической сфере культурно-исторический, имперский подход в отличие от материалистического, либерального, настаивает на первичности не эгоистических интересов отдельных подданных или граждан, а общественного идеала. Между тем кое-кто сегодня надеется на то, что удастся незаметно подменить и поменять местами эти понятия и выдать возведенные в абсолют интересы личности за последнее слово эволюции человеческой общественно-политической мысли.

Для чего это делается? Чтобы, спекулируя ценностями, реализовать интересы. Сознательно ввести нас в заблуждение, убедив в общности интересов с теми, у кого нет идеалов и, обманув, воспользоваться этим неведением в собственных, отнюдь не вегетарианских целях. Для России это особенно актуально. Периоды исторических подъемов и максимумов нашей страны неизменно обуславливались наличием мобилизующего общественного идеала. И наоборот: девальвация идеалов всегда вела нас в «болото» безвременья и распада.

Заметим: интересы индивида – единственное, что связывает между со-

бой различные цивилизации. Все остальное у них разное – религия, культура, история, географическое положение и т. д. Потому западные идеологи и превозносят индивида, пытаясь представить его «единицей исторического измерения», чтобы замазать эти различия.

Но у индивида не может быть иного «проекта», кроме личного преуспевания, которое не только не тождественно общественным интересам, но и нередко им противоречит. Примеры? Пожалуйста.

Индивид уклоняется от налогов, в которых общество нуждается, потому что ему необходим формируемый государством бюджет; индивид не хочет служить в армии, а государство, как и общество, без обеспечения безопасности существовать не может и т. д.

Удовлетворить интересы индивида можно только за счет интересов общества, и сам этот лозунг служит разрушению общей идентичности и атомизации индивидов. Все басни о неизбывной «гармонии» между этими интересами – «от лукавого»...

Итак, «проект» и «проектность» – характеристики не индивидуальные, а общественные. Цивилизационные и/или государственные. Ибо именно государство, как точно подмечает С. Е. Кургинян, является тем средством, с помощью которого народ и общество продлевают свое существование в истории¹¹.

Глобальный проект: цивилизационные и геополитические характеристики

Понятие «Глобальный проект» является новой категорией. Это обобщающее название уже известной. Проектное видение всемирно-исторического процесса уходит корнями в историю отечественной и мировой общественно-политической мысли.

Проблема была поставлена еще в XIX в. и оказалась в центре дискуссии между славянофилами и западниками, подробно описанной Н. А. Бердяевым, Н. О. Лосским и другими мыслителями и историками¹².

В. С. Соловьев, а за ним К. Н. Леонтьев рассматривали противостояние между като-

лическим Западом и православным Востоком как борьбу «политических идей общего значения» и попыток «унификации духовной и культурной идентичности европейских государств».

В постреволюционный период концепция цивилизационной проектности получила развитие в трудах мыслителей евразийской школы, которые соединили народ как культурно-историческую личность с геополитическим мышлением элиты, а имперскую традицию – с советской.

В трудах П. Н. Савицкого и Н. В. Устрялова говорилось о конкурирующих «стилях и способах человеческого бытия». Один из лидеров белого движения, правый эсер Н. Д. Авксентьев – именовал проектность «национальной задачей» и т. д.¹³

В прямой постановке категория «глобальный проект» как квинтэссенция мировидения и мироустройства упоминается в работах современных исследователей и публицистов – В. В. Аверьянова, А. С. Панарина, А. А. Прохорова, В. Л. Цымбурского и других¹⁴.

Автор этих строк посвятил немало времени изучению закономерностей формирования и эволюции глобальных проектов. И пришел к выводу о стержневом характере одноименной концепции в происхождении и развитии активно обсуждаемого в наши дни феномена глобального управления¹⁵.

В современной западной науке проблема глобальных проектов прямо не ставится, но акцентируется внимание на методологически важных функциональных аспектах, указывающих на проектный характер евро-атлантической стратегии.

Так, З. Бжезинский рассматривает фазы противостоящих друг другу «мировых гегемоний», особо выделяя при этом период холодной войны.

М. Тэтчер указывает на существование «систем, имеющих цели и опирающихся на философские теории».

Г. Киссинджер говорит о «мировом порядке», который устанавливается теми или иными ведущими державами и стремится к постоянству и т. д.¹⁶

О понятиях, очень близких, если не сходных с «глобальным проектом», говорили и писали такие столпы западной политической теории и практики как полковник Э. М. Хаус, Дж. Буш-ст., идеологи и организаторы Римского клуба А. Кинг, Б. Шнайдер, Э. Пестель, Э. Ласло и многие другие.

Непонимание проектного характера всемирно-исторического процесса ведет к глубоко ошибочному видению России частью Европы. Это загоняет нас сразу в две ловушки.

Одна из них – геополитическая. Абсолютно все концепции и школы классической геополитики – от Ф. Ратцеля и Р. Челлена до Х. Дж. Маккиндера, К. Хаусхофера и З. Бжезинского – считают нашу страну центральной частью евразийского «Хартленда» (*Heartland* – англ.) – «мирового острова». Европа – не более чем примыкающий к нему маленький полуостров.

Величины несопоставимые.

А. И. Фурсов, другие историки и политологи полностью правы, когда указывают, что Россия соотносится, ведет диалог и конкурирует не с европейскими странами по отдельности, а лишь со всем континентом и, шире, со всем Западом.

«<...> Есть один аспект проблемы континентальности России, на который не обращают внимания – по-видимому, он слишком лежит на поверхности, чтобы быть замеченным, – и который регулярно упускали геополитики, особенно те, кто мечтал о блоке континентальных держав. Проблема, однако, в том, что Россия не являлась континентальной державой. Точнее, континентально-державное качество России существенно отличается от такового и Франции, и Германии – они находятся в разных весовых категориях, в разных лигах.

Разумеется, географически и Франция, и Германия суть континентальные страны, однако с геополитической точки зрения полноценными континенталами они перестали быть с появлением в XVIII веке сокрушившей шве-

дов Российской империи. С появлением такого евразийского гиганта, за плечами и на плечах которого лежал континент, континентально-имперская интеграция Европы стала неосуществимой – „<...> с появлением России (петровской. – А. Ф.) Карл Великий стал уже невозможен“, – так афористически сформулировал эту мысль Федор Тютчев. Действительно, после Петра Великого Фридрих, Наполеон, Вильгельм, Адольф могли быть великими только в относительно короткие исторические промежутки времени, халифами на час.

С появлением империи-континента России стало ясно: сухопутные европейские державы суть всего лишь полуостровные – полуостровной характер Европы на фоне имперской России стал вполне очевиден. Или если эти державы считать континентальными, то Россию в силу ее евразийскости следует считать гиперконтинентальной. В любом случае разнопорядковость в „массе пространства“ очевидна. **(По взглядам К. Хаусхофера – основоположника концепции „Lebensraum“, то есть „жизненного пространства“ – пространство само по себе является фактором силы. – Авт.).** Именно она мешала созданию устойчивого континентального союза, поскольку это изначально (со всеми вытекающими последствиями) был бы неравный союз континента и полуострова (иначе: гиперконтинента, омываемого тремя океанами, и просто континента).

Гиперконтинентальное евразийское „количество“ превращалось в геоисторическое качество: ни одна «континентальная» держава принадлежащего Евразии полуострова (части света) «Европа» не могла реально соперничать с гиперконтинентальной державой евразийского масштаба, будь то Россия или СССР. Союз между полуостровным континенталом и континенталом евразийским был рискованным и опасным предприятием для первого: при прочих равных условиях Россия легко могла превзойти или поглотить его. Это очень хорошо понимали Наполеон в начале XIX века и немцы (Теобальд Бетман-Гольвег, а затем Гитлер) в начале XX века»¹⁷.

Эта «гиперконтинентальность» России и есть геополитический эквива-

лент ее цивилизационной самостоятельности.

Поэтому интеграция России с Европой, по поводу которой после распада СССР возбудились и перевозбудились некоторые недалёковидные российские интеллектуалы, а также представители властной корпорации, на Западе видится исключительно через призму расчленения нашей страны и включения ее в западную цивилизацию по частям. Ибо именно Россия – главное препятствие к овладению «Хартлендом».

Сегодня (да и давно) в США и Европе прекрасно отдают себе отчет в том, что всю Россию целиком, какой бы слабой она ни казалась, не сможет переварить ни Европейский союз, ни НАТО, ни любая другая контролируемая Западом международная организация. Ну, не помещается медведь, пусть и доведенный до полусмерти или даже до смерти, внутрь шакальего чрева.

Вторая ловушка – упоминавшееся одностороннее, материалистическое понимание цивилизации, закреплённое концепциями, объединёнными теорией модернизации. К ним относятся хорошо знакомые еще с советских времен концепции постиндустриального общества Д. Белла, стадий экономического роста У. Ростоу и некоторые другие. Вектор развития теорией модернизации прочерчивается от традиционных обществ к рациональным, уровня которых, как считается, достиг только Запад. Между ними помещается «переходная» стадия, на которой находится Россия, задача которой – якобы интегрироваться в Запад.

В России этой позиции придерживается историческое и современное западничество, выступающее в либеральном и националистическом обличьях. Вульгарно спекулируя «общими» христианскими или секулярными корнями, сторонники этого подхода пред-

ставляет нашу страну частью Запада, невзирая при этом ни на Великую схизму (1054 г.), ни на чуждую православию орденскую практику западного христианства, ни на верхушечную элитарность подобных воззрений в России, ни на многое другое.

Спекуляции о якобы «возврате в мировую цивилизацию» составили идеологическую основу «перестройки». Один из подобных «цивилизаторов» – А. И. Ракитов – призывал «сломать защитный пояс русской культуры, перестроить спрятанные за ним механизмы исторической наследственности»¹⁸. То, что встроить Россию в Запад можно только «сломать ей хребет», было признано и сознательно проводилось в жизнь пресловутым «архитектором перестройки» А. Н. Яковлевым. Как верно, хотя и поздно заметил один из вольных или невольных участников этой травли нашей страны А. А. Зиновьев, «целили в коммунизм, а попали в Россию».

Нынешние же последователи разрушителей конца 80-х годов даже и не скрывают, что вновь целятся именно в Россию, которая не дает покоя ни им, ни их западным хозяевам, отравляя их жизнь самим фактом своего существования и присутствия на политической карте мира.

Итак, мишенью является не какая-либо из конкретных идеологий того или иного проекта, осуществляемого Россией, включая коммунизм. Мишенью является российская проектность как таковая. Сама органическая способность нашей страны порождать проекты, в том числе и с помощью адаптации к собственной проектной основе любых иноземных идей, включая западные. В случае с марксизмом, как признавал Тойнби, имело место именно это, и ни что иное¹⁹.

Сказанного достаточно для выведения определения. Глобальный проект,

по мнению М. Л. Хазина, уточненному и скорректированному автором этих строк, – это **система ценностей, созданная совокупностью культурных, исторических, социальных, государственных и иных традиций претендующей на лидерство цивилизации. Она воплощена в системах смыслов и распространяется в идеальной и материальной сферах посредством экспансии, приобретающей различные институциональные формы**²⁰.

Система базовых цивилизационных ценностей образуют социокультурный фундамент глобального проекта – его идеальную базу (идею). Хазин называет проектную идею «безальтернативной истиной, переведенной в политическое измерение».

В каких сферах протекает проектная конкуренция?

Существуют две основные точки зрения. М. Л. Хазин и С. И. Гавриленков относят к таковым экономику, идеологию и демографию. В качестве примера ими приводится продолжительность затянувшейся на десятилетия холодной войны, которая объясняется устойчивым равновесием: в экономике доминировал Запад, в идеологии – СССР, в демографии наблюдалось примерное равенство. Обвал нашей страны, с их точки зрения, явился прямым последствием «перестройки» – капитуляции перед Западом в критически важной проектной сфере – идеологической. Капитуляции, проявившейся, в частности, в принятии к обсуждению западной повестки дня, а также в ведении дискуссии на его проектном языке, в центр которого поставлены такие мифологемы как «демократия», «права человека», *etc.*

Маленький штрих. Проектный язык – не игра слов, а очень важная теоретическая и практическая проблема. Причем самостоятельная.

Наибольший вклад в формирование адекватных представлений о проектном языке на сегодняшний день внесен С. Е. Кургиняном. Он не устает повторять, что сам факт принятия к обсуждению той или иной проблемы в дискурсе, построенном и навязанном на языке оппонирующей вам стороны, неизбежно ведет вас к быстрому проигрышу в любой дискуссии. Непонимание или недооценка патриотической общественностью именно этого обстоятельства долгое время позволяла разговаривающим на западном проектном языке российским «демократам» навязывать общественному большинству чуждую систему ценностей, а также идеологических и политических штампов и пристрастий.

Переломить эту тенденцию на практике Кургиняну также удалось первому, справившись с либеральным тандемом Сванидзе и Млечина в беспрецедентном телемарафоне «Суд времени», собиравшем по всей стране многомиллионную аудиторию, которая затем активно обсуждала все перипетии острой борьбы в формальной и неформальной обстановке.

Возвращаясь к сферам проектной конкуренции, уточним, что «перестройка» – лишь публичный акт капитуляции. На проектном языке Запада втайне заговорили еще в конце 60-х – начале 70-х годов при включении части советской элиты в деятельность Римского клуба. Именно здесь корни предательства «перестроечной» мутации капитулянтов, попытавшихся «обменять» российскую проектность на собственное «теплое место» в западном проекте.

Вторая точка зрения на сферы проектной конкуренции – более глубокая и основательная, чем у Хазина и Гавриленкова, представлена аналитиком Академии Генерального штаба Т. В. Грачевой. Раскрывая пространства и сферы проектной конкуренции,

она формирует их иерархию. Высшим признается духовное пространство, включающее религиозную, культурную и этическую сферы. Следующим по важности называется ментальное пространство, с входящими в него политической (идеологической), информационной и социально-психологической сферами. Низший уровень отводится физическому пространству, в которое входят территориальная, экономическая и демографическая сферы²¹.

«Сдача» капитулянтами коммунистической идеологии и здесь рассматривается важнейшей предпосылкой распада СССР, ибо это привело к реальной готовности нашей страны к сопротивлению только в физическом пространстве. Остальные были сданы без боя. Грачева упоминает и о том, что одним из последствий 1917 г. явилось снижение «планки» российской проектности с высшего, духовного уровня до среднего, идеологического. Но при этом оговаривается, что по мере отодвигания от кормила власти откровенных космополитов, близких к Троцкому, этот процесс был успешно обращен вспять. Из этого вытекает, что важнейшей исторической заслугой И. В. Сталина, которую в силу своей мелкотравчатости и мещанского образа мышления не хотят видеть его прошлые и нынешние оппоненты, следует считать разработку и осуществление стратегии, направленной на восстановление единства всех трех указанных пространств. Именно ему суждено было внести решающий вклад во всемирно-историческую победу советского народа в Великой Отечественной войне.

В том, что действия Сталина по реанимации духовной традиции не были спорадическим шагом лидера, «хватящегося за соломинку» в попытке избежать военного поражения, как пы-

таются доказать российские западни- ки, а представляли собой глубоко продуманную стратегическую коррекцию всего курса Советской власти, убеждает следующее пророчество вождя, сделанное им осенью 1952 г.:

«Необходимо <...> добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечивал всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к какой-либо профессии.

Советская власть должна была не заменить одну форму эксплуатации другой формой, как это было в старых революциях, а ликвидировать всякую эксплуатацию.

Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старым и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению (**это к вопросу о проектном языке.** — Авт.). Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие.

<...> Реформы неизбежны, но в свое время. И это должны быть реформы органические, <...> опирающиеся на традиции при постепенном восстановлении православного самосознания. Очень скоро войны за территории сменяют войны „холодные“ — за ресурсы и энергию. Нужно быть готовыми в этом. Овладение новыми видами энергии должно стать приоритетным для наших ученых. Их успех — залог нашей независимости в будущем»²² (курс. — Авт.).

Вы удивлены глубиной и нестандартностью этого анализа, читатель, его несоответствием образу Сталина, который впечатан в умы сограждан стараниями Сванидзе, Млечина, Федотова и Ко, имя которым «легион»? Это потому, что вы забыли о духовном, семинарском образовании советского

лидера, которое во все времена отличалось не только уклоном в изучение религиозной догматики и связанных с ней дисциплин, но и высочайшим общим уровнем и многосторонностью, прежде всего в гуманитарной области.

На фоне гениальности этого сталинского предвидения особенно ярко проявляется интеллектуальная и нравственная убогость современной российской элиты, которая реставрировала эксплуатацию в масштабах, невиданных как дореволюционной России, так и современному миру. Далеко не самые худшие ее представители, демонстрируя неспособность учиться чему бы то ни было на чужих или своих ошибках, и те упрямо продолжают изъясняться на западном проектном языке, изобретая абсолютно неадекватные текущей ситуации теоретические и управленческие конструкции. Пример тому — полная противоречий идеология «партии власти» — «Единой России».

Другим примером может служить на шумевшая в свое время разработка бывшего генерального директора информационного аналитического агентства при Управлении делами Президента Российской Федерации А. А. Игнатов «Стратегия глобализационного лидерства для России». В ней нашей стране в тесной кооперации с Западом предлагалось включиться в формирование «мирового прайвительства»²³.

Показательно, что Игнатову даже в голову не пришло задаться простыми вопросами. Например, нужна ли кому-нибудь на Западе Россия в качестве равноправного партнера по разделению труда и, особенно, в сфере передовых технологических разработок? Таким партнером он ее рисует в своем сценарии, более напоминающем красивую сказку, нежели геоисторическую реальность. Не случайно, что сегодня, по прошествии всего десяти лет, мало

кто помнит об этом амбициозном, претендовавшем на некую фундаментальность замысле, рассчитанном как минимум на полвека вперед.

Мы уж не говорим о попытках постановки сугубо материальных факторов развития в центр нынешней «модернизации», осуществляемой с помощью разработок Института современного развития (ИНСОП) под руководством бывшего советского профсоюзного функционера И. Ю. Юргенса. Нужно ли говорить, что они не затрагивают ни духовного, ни ментального пространств и ограничиваются только физическим?

Между тем исторические победы способно одерживать лишь дух народа как исторического субъекта, а не желудок «цивилизованного потребителя».

Помимо идеи, в фундаменте глобального проекта существует система смыслов (норма), которая адаптирует идею к повседневности. В отличие от идеи норма может корректироваться, обеспечивая возрождение проектности на следующих этапах исторического развития. Коррекция нормы осуществляется строго системно: каждый из смыслов существует только во взаимосвязи с другими, и при попытке изменения любого из них отдельно от остальных система либо адаптирует инновацию к себе, либо разрушается.

В трудах В. О. Ключевского и П. Н. Савицкого указанные факторы идентифицировались с точки зрения соответственно «идеальной и материальной» преемственности («заветов и благ»; миров «абсолютного» и «относительного»), формирующих «наследственные свойства и наклонности потомков».

Рассматривая их в контексте обобщения социальных интересов или «фактов жизни», Ключевский отмечал, во-первых, превращение идей в общепризнанные и обязательные правила и, во-вторых, их переработку в социальные отношения и порядок, поддержива-

ющиеся совокупностью общественного мнения, закона и институализированного насилия. (Важно подчеркнуть, что оба ученых, несмотря на существенные расхождения, вызванные приоритетом, отдаваемым соответственно материалистическому и культурно-историческому подходам в цивилизационных исследованиях, указывали на первичность идеальной базы по отношению к материальной).

Развивая и конкретизируя этот взгляд, В. О. Ключевский также подчеркивал, что идея нуждается в культурно-исторической обработке, то есть в легитимации, а также в организации, то есть в институционализации.

К. Н. Леонтьев расширил видение идеи, рассмотрев ее как систему отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских, художественных), непосредственно увязанных с той или иной цивилизацией.

Мыслители евразийского направления – П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский – сформулировали представление о механизме смены исторических эпох, в основе которого находится воздействие на идею, выраженную традицией, в ряде сфер – религиозно-философской, художественной, социальной. А. С. Панарин и В. В. Ильин говорили уже о проектной «мироустроительной» «панидее»²⁴.

У каждого проекта, как отмечают М. Л. Хазин, В. М. Коллонтай и другие авторы проектной концепции, имеется и материальная база – финансово-экономическая система, а также базовые технологии²⁵.

Таким образом, идеальная база глобального проекта – проектная идея и норма – соотносятся с материальной базой как идеал с интересом. Обе базы являются ценностями, но идеальная – ценностью высшего порядка, а материальная – низшего. Из этого следует не только абсурдность попыток представить «общечеловеческие» материальные ценности универсальными, «всеобщими», но и вывод о том, что экономический детерминизм есть не что иное, как перевернутая вверх ногами практика Запада, поставившего тех-

нологический и экономический факторы (интерес) вперед социокультурного (идеала). На этой основе сложился феномен технологического общества в том виде, в котором оно существует на Западе в результате перехода в период Реформации и Просвещения доминирующей роли от традиционного континентально-европейского цивилизационного центра – римского Святого престола – к островной англосаксонской, преимущественно протестантской субцивилизационной периферии.

В плену экономического детерминизма, вслед за Западом, оказалась и Советская власть. И пребывала в нем до тех пор, пока не началось восстановление разрушенных событиями 1917 г. традиционных форм социального, а позднее, и политического развития – то самое, что не принимавший этих перемен Троцкий назвал «сталинским термидором».

Парадоксально, но большой вклад в формирование цивилизационного подхода был внесен самим марксизмом, который, по сути, по собственной инициативе поставил под сомнение собственный базовый постулат – первичность экономики по отношению к политике. Еще до того, как стало ясно, что классовая теория общественно-экономических формаций не отвечает на вопрос о месте и времени конкретной цивилизации и страны на лестнице исторической эволюции, марксистскими теоретиками были сделаны весьма неординарные умозаключения.

Ф. Энгельс признавал заинтересованность английской буржуазии и рабочих в совместной эксплуатации колоний.

К. Каутскому принадлежит мысль об интеграции победившим национальным империализмом своих бывших конкурентов в глобальный «ультраимпериализм».

В. И. Ленин, находясь на пике своего политического и государственного опыта, призна-

вал националистическое, а не классовое своеобразие поднимающегося Востока. В отличие от грезивших революцией в Германии троцкистов, он видел задачу Советской России в том, чтобы продержаться до этого подъема, придав ему социалистический тренд.

О том же самом, но уже применительно к послевоенному периоду, в своей знаменитой речи на XIX съезде партии (октябрь 1952 г.) говорил И. В. Сталин²⁶.

Давайте согласимся с тем, что это вполне логично.

Ибо, как утверждал Ф. Бродель, экономика является пусть глобальной, но только одной стороной человеческой деятельности. Кроме нее есть ряд столь же самостоятельных сфер, к которым он относил культуру, политику, социальную иерархию. Н. А. Бердяев прямо критиковал К. Маркса за то, что «открытое в капиталистическом обществе своего времени, он признал основой всякого общества <...>»²⁷.

Современные неомарксистские концепции – и западные, и российские – исходят из того, что у каждой цивилизации (или, по Ю. И. Семенову, «параформации») – свое место и свое время на этой лестнице формационной эволюции²⁸ и т. д.

Еще один важный теоретический вопрос – стадии эволюции глобальных проектов. Их насчитывается три.

Первая – идеальная, связанная с появлением и оформлением проектной идеи.

Вторая – собственно проектная. Идея формирует норму, с помощью которой получает широкое распространение. С появлением проектной элиты и созданием опорной государственности происходит формирование проектной материальной базы.

Третья стадия – кризисная. Проект либо завершается полностью и окончательно, либо переходит в латентную, «спящую» форму и в этом случае, если удастся своевременно модернизировать норму, а в некоторых особых си-

туациях внести коррективы и в идею, появляется новый проект следующего уровня или порядка.

Подчеркнем, что опорная государственность, как правило, появляется не сразу, а по мере укоренения идеи. Рим воспринял христианство в качестве проектной идеи только через три столетия после его появления. Велико-

британия, наряду с Реформацией, пережила еще и Контрреформацию, окончательно став новой проектной страной Запада только на исходе XVII столетия.

Превращение России в опорную страну коммунистического проекта произошло через 70 лет после появления проектной идеи коммунизма.

Марксистская теория государства

Западный коммунизм, происхождение которого, по признанию Ф. Энгельса, тесно связано с масонством («общинами и ложами, распространившимися от Лондона до Швейцарии»²⁹), а еще точнее – с объединенной с масонством в 1782 г. леворадикальной, революционной доктриной ордена иллюминатов, на деле не столь однозначен. Поддерживаясь еще при Р. Пальмерстоне британскими спецслужбами в качестве инструмента дезинтеграции европейских империй, он быстро обнаруживает самостоятельность, решая выйти из западного проекта, сформировав для этого собственную «опорную» государственность. Пока этот процесс контролировался Лондоном, К. Марксу никто не мешал. Но как только им ставятся неудобные для англичан вопросы – о колониальной политике как инструменте классового примирения и формирования «рабочей аристократии», о поддержке ирландского «сепаратизма», о чем свидетельствует упоминаемый Ф. Мерингом секретный циркуляр Генерального совета I Интернационала (от 1 января 1870 г.) – терпение монархии лопается. Против Маркса бросаются сначала «раскольник» М. А. Бакунин с идеей «тайной организации, растворенной в глубинах народа», а затем, «втемную», – Парижская коммуна, большинство членов которой, по заключению французского историка П. Шева-

лье, являлись «масонами социалистической направленности»³⁰.

Не поддержать коммуны Маркс не мог, а ее поражение стоило ему завершения истории I Интернационала. В результате коммунизм начинает отпочковываться от своих прародителей из британской разведки, превращаясь в самостоятельный глобальный проект, продолжающий, после неудач с Ирландией и Францией, настойчивые поиски собственной «опорной» государственности. Именно таким путем, по-видимому, происходит трансформация идей, высказанных в «Манифесте коммунистической партии», в самостоятельную марксистскую теорию государства.

Во-первых, отмечается, что, отмирание государства, которое первоначально рассматривается Марксом через призму теории «непрерывной революции», исходящей из равномерности развития капитализма, – постепенный процесс, первой фазой которого выступает его превращение из «органа, стоящего над обществом», в орган, «всецело ему подчиненный». Во-вторых, подчеркивается, что решение этой задачи в ходе социалистической революции достигается с помощью диктатуры пролетариата. С формированием империализма, эти выводы корректируются В. И. Лениным – уже в контексте неравномерности развития ведущих стран и победы социалистической рево-

люции первоначально в нескольких или в одной из них³¹.

Формирование марксизмом собственной теории государства, означающее подведение теоретической основы под план создания «опорной» государственности, вызывает его раскол, связанный с выделением из коммунистического проекта социалистического (социал-демократического), который теоретиками и практиками революционного марксизма характеризуется как «оппортунистический». Коммунизм сохраняет проектность, но при этом начинает поиск «опорной» государственности за пределами «оппортунистической» Западной Европы.

С точки зрения проектного подхода, именно с этим связано размежевание Ленина с Троцким. В отличие от большевизма, который с 1915–1916 гг., несмотря на приверженность «мировой революции», все активнее ставит задачу нормативной адаптации коммунизма к России (победа революции в одной стране) «центризм» Троцкого и Мартова, наряду с меньшевиками и эсерами, стремится к ее включению через революцию в западную преемственность. Данный вывод подтверждается обновлением теории «непрерывной революции» Маркса сразу с двух сторон – как ленинской теорией империализма, так и троцкистской «перманентной революции». (Некоторые источники, правда, утверждают, что «перманентная революция» на самом деле – изобретение отнюдь не российских революционных умов, а британских спецслужб, разработанное для взаимного столкновения мусульман и христиан на Ближнем и Среднем Востоке, переданная Троцкому через его «куратора» по линии международных банковских кругов А. Л. Парвуса)³².

В противовес коммунизму, К. Каутский, Э. Бернштейн, Г. Кунов и другие

социалистические и социал-демократические лидеры с разных позиций подвергают самостоятельную марксистскую теорию государства критике как ошибочную, не учитывающую происходящую, по их мнению, трансформацию капитализма из классово антагонистического в классово солидарное (империалистическое) общество. «Опорная» государственность с этой точки зрения коммунистическому проекту не нужна ввиду возможности реализации его идеи в рамках уже существующих «опорных» государств Запада. Таким образом, эволюция социалистического (социал-демократического) проекта осуществляется путем его возвращения в капитализм (империализм)³³.

Тем самым в рамках империалистического глобального проекта происходит формирование левого крыла «широкого» либерального спектра, заложенного в основу двухпартийных систем. Либерализм в нем трактуется как «доминирующий тип политической культуры Запада, воплощенный в структурных характеристиках и принципах функционирования политических институтов, а также в основных идейно-политических течениях – от консерватизма до социал-демократизма».

А. Гизе, в 1985–1996 гг. Великий мастер Великой ложи Австрии, говорит о «широком» спектре как о масонской методологии, обеспечивающей партнерство в условиях политической конкуренции через членство в одних и тех ложах. (Получается, что двухпартийные системы Запада это нечто вроде борьбы нанайских мальчиков, исход которой решается «под ковром», на котором они борются). Официальное оформление базирующегося на нем общественного консенсуса, составляющего основу упоминаемой Г. Киссинджером концепции «лояльной оппозиции», осуществляется «на ковре» – II Интерна-

ционалом, а «под ним» – Фабианским обществом, а также европейскими Международным социалистическим бюро и Международным бюро масонских связей³⁴.

Таким образом, имеет место четкое отделение коммунизма как самостоятельного глобального проекта, альтернативного западной проектной преемственности, сформировавшего собственную теорию государства и занятого поиском «опорной» страны, от социализма (социал-демократизма), обменивающего проектность на возвращение в либеральный (империалистический) проект и занятой в нем определенных властных позиций.

Перегруппировка марксистских партий, секций и групп, обусловленная Первой мировой войной, приводит к их перекрестному объединению, в том числе к формированию Циммервальдской конференцией (1915 г.) коалиции революционных партий, оппозиционной европейским социалистам, и ее исполнительного органа – Интернациональной (Бернской) социалистической комиссии.

Однако после перехода Бернской комиссии под контроль шведских социалистов В. И. Ленин, отказывающийся от участия в III (Стокгольмской) конференции Циммервальдской левой группы, окончательно порывает со структурами распадающегося II Интернационала. Рассматривая Россию «слабым звеном» империализма, он определяет ее «опорной» страной коммунистического глобального проекта и переводит данный вывод из теоретической плоскости в практическую, формируя соответствующую политическую стратегию, известную под названием «ленинского плана социалистической революции».

После Октября берется курс на формирование, уже под руководством рос-

сийских большевиков, самостоятельного Коммунистического Интернационала, ставящего вопрос о решительном отказе от названий «социал-демократических» и «социалистических» партий и о наименовании их «коммунистическими». Провозглашаются три основных условия членства в таком интернационале:

- размежевание с социалистами – сторонниками «буржуазных правительств» в Первой мировой войне;

- поддержка социалистической революции и диктатуры пролетариата;

- отказ от ограничений советской власти «буржуазным парламентаризмом»³⁵.

После победы Октябрьской революции Ленин, не отказываясь от курса на «мировую революцию», начиная с X съезда РКП(б), все активнее продвигает идею экономической реформы, означающий отказ от провалившегося «военного коммунизма». Советы и НЭП, как указывается многими исследователями, – не что иное, как первые шаги по пути практической реализации курса на «строительство социализма в отдельно взятой стране». В рамках разрешения связанного с этим противоречия Ленин, с одной стороны, требует подчинения классовой борьбы пролетариата внутри страны его международным задачам и видит в Советской России, а затем в СССР модель будущей «Всемирной Республики Советов». С другой же стороны, им признается существование де-факто диктатуры пролетариата в одной стране³⁶.

В отличие от Ленина, Троцкий и другие сторонники «мировой революции» в руководстве РКП(б) – Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, М. Н. Покровский, М. Н. Тухачевский, Н. Н. Крестинский, А. В. Луначарский и др. – не только считают социалистическое строительство в стране невозможным

без победы «мировой революции», но и не рассматривают Россию самостоятельным субъектом мировой политики. Любые отклонения от курса на «мировую революцию» ими характеризуются как оппортунизм и предательство интересов мирового пролетариата³⁷.

После смерти Ленина срыв сроков «мировой революции» начинает рассматриваться как повод для формирования альтернативной ей концепции «строительства социализма в отдельно взятой стране», впервые упомянутой А. И. Рыковым еще в 1918 г. и сформулированной в 1924–1925 гг. в качестве «генеральной линии» уже И. В. Сталиным. В соответствии с этой концепцией, социалистическое строительство в СССР отделяется от «мировой революции»; последней отводится роль фактического обслуживания национальных интересов СССР. Уже на XII съезде (апрель 1923 г.) Сталин ясно подчеркивает тщетность надежд на «мировую революцию», приведя как пример, что Германия или даже Польша никогда не войдут в советскую федерацию наравне, например, с Украиной³⁸.

Начавшись в сфере идеологии, замещающей религию в духовно-культурном генезисе российской цивилизации, преобразование коммунистического проекта, во-первых, не могло не превратиться в объект ожесточенной идейно-политической борьбы; во-вторых, оно не могло не распространиться на РКП(б) и Советское правительство, а также на Коминтерн.

«Политическое завещание» Ленина, его последние работы («О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин») ориентируются на укрепление и слияние партийных органов с контрольными в противовес государству, то есть на действия в рамках социально-классовой парадигмы. И. В. Сталин, поставивший в центр концепции «стро-

ительства социализма в отдельной стране» план индустриализации, напротив, берет курс на усиление не партии, а государства, действуя в русле цивилизационной парадигмы, что следует из целого ряда соответствующих партийно-государственных решений.

Так, в течение 1934–1940 гг.:

- вводится преподавание истории (с отказом от «классовой» школы академика М. Н. Покровского);
- столица УССР переносится из Харькова в Киев, а президиум АН СССР – в Москву;
- одновременно ликвидируется конкурирующая Коммунистическая академия;
- упраздняется Реввоенсовет;
- Наркомат по военным и морским делам переименовывается в Наркомат обороны, а Штаб РККА – в Генеральный штаб;
- упраздняется институт военных комиссаров;
- вводятся высшее почетное звание «Герой Советского Союза» и персональные воинские звания и т. д.³⁹

Аналогичные процессы протекают и в Коминтерне, начиная с обновления в 1934 г. руководства и принятием в 1935 г. VII Конгрессом новой программы и завершаясь в 1943 г. его роспуском.

В годы же Великой Отечественной войны сталинский курс был лишь продолжен и укреплен целым рядом новых последовательных шагов.

Среди них возврат погон фактического ордена Российской империи, учреждение орденов Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, а также выход знаменитого фильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный». Гениальность этого поистине уникального произведения особенно ярко видна на фоне современного подметного, но имеющего четкую идеологическую подоплеку пасквиля Лунгина под названием «Царь» и т. д.

Сам этот перечень наглядно показывает генеральный тренд преобразований, осуществлявшихся Сталиным

задолго до гитлеровской агрессии, с помощью которой некоторые «перестроечные» и современные демагоги любят «доказывать» конъюнктурность изменений «генеральной линии», упирая на их «вынужденный», якобы «заискивающий перед народом» характер.

Но самое главное – на это указывает С. Е. Кургиян – советским руководством была не только успешно адаптирована, но и творчески развита уникальная, присущая только России модель немодернизационного развития, составляющая важнейшее достижение всего человечества. Регулятором такого развития в отличие от Запада эпохи Модерна, является не право и закон, а русская культура, составляющая его матрицу¹¹.

Именно подобную адаптацию коммунизма к национальным особенностям стран, в которых происходят социалистические преобразования, В. И. Ленин понимал под «своеобразием» революций на Востоке, а Мао Цзэдун – под известным тезисом «ветер с Востока одолевает ветер с Запада». Марксизм с русской или китайской «спецификой» – термин в высшей мере показательный, символический, ибо «специфика» как раз и составляет тот самый цивилизационный «зазор», который позволяет успешно реализовать коммунистическую проектность, соединив ее с культурной традицией.

Еще один пример: выбор такой формулы прославления павших героев Великой Отечественной войны как «Вечная память!». Сегодня, как и в советскую эпоху, это словосочетание без всякого спотыкания произносится как религиозным, так и светским человеком, хотя известно, что изначально эти строчки принадлежат православной литии – молитве об упокоении усопших. Саму эту формулу, в отличие от искусственной даты 4 ноября, можно

считать актом исторического примирения красных и белых, которое генерал А. И. Деникин охарактеризовал как доказанную большевиками, в отличие от белых армий, способность воссоздать Российскую империю в ее исторических границах.

В целом, борьба между космополитической (иллюминатской) и глобально-проектной (традиционалистской) тенденциями в советском руководстве продолжалась все 20-е и начало 30-х годов, завершившись в 1934–1936 гг. XVII съездом ВКП(б) и конституционной реформой. Решения съезда поставили в перечне партийных задач отстаивание национальной безопасности выше принципов пролетарской солидарности и связанных с ними идей «мировой революции». Новая Конституция де-юре ликвидировала советскую власть в ее первоначальном смысле, заменив многоступенчатую выборность представительных органов от предприятий их избранием по территориальному признаку.

Соответственно, автор рассматривает борьбу с левым и правым «уклонами», а также репрессивные кампании 1930-х годов, направленные на кардинальное обновление партийно-государственной элиты, отраженные внутриполитической борьбой. Массовые репрессии 1937–1938 годов, как убедительно, на наш взгляд, доказывает Ю. Н. Жуковым и рядом других видных историков, имеют несколько иную природу и, как бы ни хотелось противоположного некоторым современным «интеллектуалам» западного пошиба, объективно направляются, скорее, на подрыв власти Сталина, чем на ее укрепление⁴⁰.

Успешная адаптация коммунизма к традиционной проектности опровергает многочисленные политические и околонанучные спекуляции о якобы от-

существованию у него исторической перспективы. Эта перспектива у коммунизма, разумеется, не только имеется, но и существуют различные варианты и масштабы ее практической реализации.

Выскажем субъективное мнение: превращение этой перспективы в реальность – лишь дело времени. Ибо коммунизм остается единственным апробированным и при том эффективным средством борьбы с кризисом и загниванием капитализма, который угрожает – подчеркнем это еще раз – остановкой развития и «концом истории». Коммунизм также противостоит перспективам обусловленного подобным «концом» регресса, в особенности

наиболее деструктивным и агрессивным тенденциям, таким как фашизм и нацизм, религиозный фундаментализм и оккультизм, в том числе политический.

Но главное: именно коммунизм сегодня является едва ли не единственным идеологическим течением, способным выдвинуть общественный идеал, позволяющий человечеству не только «увидеть свет в конце туннеля», но и реально выйти из того тупика, в котором оно пребывает с момента распада СССР. Именно с того времени, когда этот идеал подменили материальными «общечеловеческими» ценностями.

Проектные трансформации. Российская и западная проектные преемственности

Сделав необходимый исторический экскурс, возвращаемся к теме глобальных проектов. Точнее, к процессу их эволюции.

Как писал Ф. М. Достоевский, «<...> Если идея верна, то она способна к развитию, а если способна к развитию, то непременно, со временем должна уступить другой идее, из нее же вышедшей, ее же дополняющей, но уже соответствующей задачам нового поколения»⁴¹.

Такое возрождение, обусловленное эволюцией получившей развитие проектной идеи, в авторском представлении называется «проектной трансформацией».

Россия и Запад прошли через четыре трансформации, создав две самые продолжительные в истории проектные преемственности. Это позволяет рассматривать их противостояние не только объективной и закономерной, но и главной исторической тенденцией всей второй половины второго тысячелетия.

Цепочка западной проектной преемственности выглядит следующим образом:

Первый – Латинский (католический) проект с центром в Риме, точнее в римско-католическом Святом престоле.

Второй – капиталистический (протестантский) проект с центром в воспринявшем протестантизм Лондоне.

Важный момент: процесс перехода проектного центра западной цивилизации из Рима в столицу Британских островов, естественно, затронул и такую сферу, как институциональное строительство. Помимо легальных институтов (создание англиканской церкви, выработка собственного символа веры и подчинение церкви монарху-реформисту), обеспечивающих новую проектность, возникла необходимость и в формировании тайных институтов. Та активность, с которой против британской монархии действовал католический орден иезуитов, напрямую подчинявшийся Папе Римскому, породила

встречное движение, послужив отправной точкой формирования собственного британского королевского ордена, которым стало регулярное масонство. С 1583 г. и по сей день регулярное масонство английского и шотландского обрядов возглавляется представителем королевского двора. Сегодня – это герцог Майкл Кентский. Это центральная фигура, стоящая у истоков придуманного для России «альтернативного» проекта, готовящего стране сепаратистский шабаш, а ее будущему «руському» обручку – монархическую перспективу во главе со ставленником Букингемского дворца и столицей в Киеве.

Третий – либеральный (империалистический) проект с переходом проектного центра в США, на другой берег «селедочной лужи», как называл Атлантику Тойнби¹⁹. Развитие он получил уже в XX столетии с формированием империализма и осуществлением первых попыток объединить мир на основе теоретических изысканий адептов того, что Киссинджер именует «американским идеализмом» или «вильсонизмом». В результате провала обеих попыток ратификации Устава Лиги Наций в Сенате Конгресса вступление США в этот первый наднациональный институт было надежно заблокировано республиканским большинством. Это отложило переход «мирового центра» за Атлантический океан до 1945 г.⁴²

Четвертый – западный (англосаксонский) или, по Каутскому, «ультраимпериалистический» проект, начавший разворачиваться после краха гитлеровской Германии, интегрировал весь Запад, в том числе саму Германию, которая до этого находилась с англосаксонским миром в состоянии субцивилизационной проектной конкуренции.

Особенности Запада как проектной цивилизации заключены в двух важных моментах:

Во-первых, в его обособленности от остального человечества. Э. А. Азроянц справедливо считает Запад «единственной нетрадиционной цивилизацией, которая выше ставит не консенсус и традиции, а право, законы и контракты»².

Во-вторых, кроме «нецивилизированных цивилизаций», не бывает и проектных «общечеловеческих ценностей». Этот симулякр призван оправдать глобализацию, то есть экспансию, с помощью которой Запад навязывает остальному человечеству свою секулярную, изрядно деформированную по сравнению с христианским оригиналом проектную идею.

Глобализация же ведет к конечной западной проектности – «новому мировому порядку». Россия – не субъект этого проекта, а объект. На этом поле у нас нет сколько-либо адекватной контригры. Выжить и продлить свое существование в истории наша страна сможет только с помощью продолжения собственной проектной преемственности. Она, как и западная, также включает четыре сменяющих друг друга проекта.

Первый. Благодаря крещению Киевская Русь, являвшаяся на тот момент северной славянской периферией Византийского проекта, стала прообразом будущей самостоятельной проектной цивилизации. Завоеванная самостоятельность Киевской православной кафедры в вопросах богослужения, в том числе осуществления его на родном, а не на греческом языке, материализовала эту заявку в первый русский проект. Итак, ключевые характеристики киевского проекта – православие и восточнославянское объединение.

Сегодня вокруг этого проекта идет ожесточенная борьба. С одной стороны, подкоп под него ведется прозападной частью украинской интеллигенции, воспевающей Украину как «подлинную

Русь». На стороне последователей С. Бандеры и Р. Шухевича, как это ни парадоксально, выступает и часть русских националистов, видящих будущее России в дальнейшем территориальном уменьшении, которое свело бы ее пространство к изначальному ареалу обитания древнего восточного славянства. С другой стороны, Московским Патриархатом, лично предстоятелем Русской Православной Церкви (РПЦ) Патриархом Кириллом активно популяризуется концепция Святой Руси, реализация которой возможна как в рамках централизованной «большой России», так и в условиях сохраняющейся территориальной раздробленности. Единственной заботой церковного руководства в последнем случае является ограничение распространения на канонической территории РПЦ экуменизма, что, однако, отнюдь не отменяет углубления межцерковного взаимодействия на экуменической основе как с западным христианством, так и с другими православными церквями. Иначе говоря, на вооружение, по сути, берется не столько унаследованная Русью от Византии симфония светской и духовной властей, сколько сугубо католическая транснациональная модель организации духовного и политического пространства.

Второй проект – Московская Русь. Новая форма русской государственности соединила православную проектную формулу Третьего Рима как преемственную по отношению к Византии с геополитическим наследством Золотой Орды. Это, на наш взгляд, ключевой исторический момент, ибо сочетание исторической преемственности русского православия от Византии – Второго Рима с геополитикой европейского «Хартленда» составило сохраняющийся и по сей день, несмотря

на все исторические передраги, стержень российской цивилизации.

Следует подчеркнуть, что возвышение любого другого потенциального проектного центра – Твери, Великого Новгорода и т. д. – скорее всего поставило бы формирование и реализацию проектной задачи в непосредственную зависимость от Запада. И лишь Москве, правители которой тонко рассчитали историческую перспективу, предвидев ее будущие генеральные тренды, а также грамотно распорядились оказавшимися в их руках средствами, собираемыми для выплаты дани Орде, не проев и не промотав их, а используя для увеличения своих владений, удалось по силам обеспечить самостоятельность страны. Особую роль в этом необходимо отвести двум важным историческим обстоятельствам, которые отечественными историками обычно недооцениваются: появлению концепции «Москва – Третий Рим» и династическому браку собирателя русских земель Ивана III с Софьей – племянницей последнего византийского императора Константина X.

Любителям спекуляций по поводу пребывания Софьи в Ватикане и стремления Папы использовать ее московскую миссию в экуменических целях (напомним, весьма прозаическую, если не сказать грубую процедуру ее встречи у стен Москвы). Именно она лишила римского первосвященника всяких надежд на привнесение в московскую среду экуменических настроений, надолго отбив у самой Софьи желание вмешиваться в русскую политику. Кровное же родство с византийской династией Палеологов, ради которого и затевался этот брак, свою задачу с рождением детей, между тем, выполнило.

Третий проект – «Российская империя». Несмотря на внешний европейский антураж, обусловленный внедре-

нием Петром Великим концепции «Россия как европейская империя», данный проект окончательно оформил российскую проектность как евразийскую. Именно после Петра – и это ясно видно из приведенного вывода А. И. Фурсова – Россия начала в полной мере входить в свою великоконтинентальную роль, а Европа с ужасом стала осознавать собственный полуостровной, периферийный по отношению к нашей стране характер.

Показательно: православие и ислам, пребывающие внутри страны и сегодня, несмотря даже на перманентный северокавказский кризис, воспринимаются преимущественно внутренним фактором, причем, по всей «большой России» – в границах бывшего СССР. В то время как те же религиозные течения за пределами страны – а православный мир, лишенный реального центра, функции которого формально исполняет Константинопольский Патриархат, включает более двадцати поместных и автокефальных церквей – безусловно, выглядят по отношению к России внешним фактором.

Особый генезис, как мы убедились, у **четвертого**, советского проекта, который – подчеркнем это специально для адептов пресловутой «десоветизации» и «десталинизации» – ни в коем случае не является «выпадением из истории» и который не только глубоко в ней укоренен, но и составляет ее равноправную, неотъемлемую, органично связанную с другими проектными эпохами часть. Тронь его, и шаг за шагом начнет разваливаться, рассыпаться все историческое наследие – от Николая II вглубь веков, вплоть до Александра Невского и Святого Владимира – Крестителя Руси.

Может быть, именно этого и добиваются современные «ниспровергатели» В. И. Ленина и И. В. Сталина?

Итак, каковы особенности проектного строительства и проектных трансформаций в России и на Западе?

На Западе первая же такая трансформация привела к смене и идеи, и опорной государственности, и элиты – с католической на протестантскую. Геополитическая проектная задача консолидации Запада перешла от сухопутной Священной Римской империи к «морской» Великобритании, а со второй половины XX в. к другой «морской» державе – США.

В России же при первых трансформациях идея оставалась в неприкосновенности. Корректировалась лишь норма и геополитическая задача, расширяясь до границ «Хартленда». Сочетание православной проектной идеи с евразийской геополитикой составило стержень российской имперской цивилизации, которая оформилась как прочный союз славянско-православного и тюрко-исламского начал.

Религиозный философ Г. П. Федотов писал о трех уровнях национального самосознания: этническом (великорусском, малорусском, белорусском и т. д.), государственном (общероссийском) и имперском⁴³. Империя же, завершив «частную глобализацию», дала малым народам защиту и выход в историю, одновременно расширив мощь центра. Но государство в империи, если она не хочет стать жертвой и строительным материалом для «всеобщей» глобализации, обречено быть формой и способом выживания народа, а не «ночным сторожем» индивида, как на Западе. Поэтому не надо ставить в вину нашим предкам ни этатизм, ни авторитаризм. Это выбор между жизнью и смертью и народа, и государства, и цивилизации.

С этой точки зрения ничего не изменилось и сегодня. Единственной альтернативой имперской «частной гло-

бализации», воссоздающей на постсоветском пространстве единую евразийскую идентичность и общность, является продолжение деления этого пространства по этническому, а затем и по региональному признаку. Апологеты этого подхода, как раз и ратующие за «европейский» «национальный» генезис России, на протяжении всей нашей тысячелетней истории противопоставляют подлинным героям нашего Отечества – Александру Невскому, Ивану Калите, Ивану Грозному, Петру Великому, Иосифу Сталину «героев» мнимых – Даниила Галицкого, Михаила Тверского, князя Курбского, гетмана Мазепу, генерала Власова и т. д. Это главная дилемма как российской истории, так и российской современности: централизованная (с Петра имперская) государственность против раздробленности – феодальной или современной.

Историческая правота имперского начала убедительно доказывается не только его неизменными победами, но и перманентным предательством национальных интересов, в которое этнические националисты всякий раз впадали практически на каждом крупном повороте отечественной истории.

Имперское сочетание цивилизационного и геополитического начал, продемонстрировав наибольшую органичность, значительно отсрочило секулярную коррекцию российской проектной идеи. Причем секуляризация у нас происходила не как на Западе в форме свойственного протестантизму упрощения богослужения и обмирщения бытия, а с помощью масонства, которое впадшие в диссидентство европеизированные «национал-интеллектуалы» противопоставили традиционной духовности и культуре. Если на Западе масонство противостояло бывшей цивилизационной идее – католицизму,

то в России – действующему православию. И подрывало абсолютно все устои.

Привязывало оно страну к Западу и в геополитическом плане.

Усугублялась ситуация и тем, что когда с масонством начиналась борьба, как в конце царствования Екатерины Великой, при Павле I, при «позднем» Александре I и Николае I, развитие получали иные нетрадиционные течения – вольтеррианство, католичество и другие, обеспечивавшие неизменность сильного внешнего влияния на российский просвещенный класс. Свою негативную роль в этом смысле сыграло и участие в разделах Польши, открывшее этому влиянию «внутренний канал».

Видному консервативному мыслителю М. П. Погодину принадлежит известное высказывание о том, что возможная отмена государственного статуса РПЦ способна была привести к уходу едва ли не половины «верхов» в католичество, а «низов» – в раскол (то есть в старообрядчество). Подобно современности, «продвинутая» часть российской элиты в то время стремительно расходилась с народом.

В итоге к началу XX в. западнические нормативные инновации вступили в антагонизм с проектной идеей. Февральская революция (1917 г.) на короткий срок прервала российскую проектную преемственность и попыталась включить ее в западную. Однако Октябрь пересмотрел итоги Февраля и продолжил противостояние России и Западу уже на другой проектной основе. Удалось сначала восстановить единую государственность, а затем и проектность, включив в советскую идею ряд важных традиционных норм и обезвредив космополитическую партийную верхушку. Точно таким же путем затем прошел и Китай, подтвердив историческую правоту И. В. Сталина.

Случайно ли, что, как свидетельствует ряд современных исторических изысканий, именно большевики в условиях прогрессирующего банкротства и деградации февральского режима, выстроенного на основе либерально-социалистического масонского консенсуса, стали той силой, на которую сделали ставку наиболее патриотичные и информированные круги российского Генерального штаба? Ведь не кто иной, как пользовавшийся в войсках и штабах непререкаемым авторитетом генерал Н. М. Потапов, признав Октябрьскую революцию, фактически встал во главе советского военного ведомства. Тем

самым был обеспечен высокий уровень советского военного строительства и массовый приток в Красную армию офицеров, не согласных с осуществленным военной верхушкой предательством, которое привело к отречению от престола императора Николая II⁴⁴.

Являясь высочайшими профессионалами, Потапов и его ближайшие соратники осознавали, что осуществление разработанного, по свидетельству западных историков, в Лондоне, плана Л. Г. Корнилова, более известного как «корниловский мятеж», означало бы полную деградацию остатков управляемости и неминуемый распад государства⁴⁵.

Чего следует ждать завтра?

Запад следующую проектную идею уже сформулировал. Это так называемый «новый мировой порядок». Подобие глобальной космополитической империи, обитатели которой полностью отделены от истории и лишены всякой идентичности, кроме пресловутого «мирового гражданства».

Каким окажется новый российский проект, и будет ли он вообще – большой вопрос. Нынешнее безвременье, больше всего напоминающее февральский «ликвидационный» режим, обречено. Но возвращение в историю зависит от ряда условий.

Прежде всего от закрепления уже имеющихся представлений о единой и позитивной преемственности всех четырех глобальных проектов, включая советский. Только тогда начнут просматриваться общие контуры национальной идеи, которую ищут и не могут отыскать уже два десятилетия. Наше будущее – в истории и исторической ретроспективе.

Представляется, что это «симфония» светской и духовной властей,

государственная идеология, восставленная социальная доктрина социализма, интеграция постсоветского пространства в новое геополитическое объединение с центром в Российской Федерации. И, разумеется, жесткое и последовательное антизападничество, диктуемое, прежде всего, объективной необходимостью – хотя бы тем, что Запад однозначно воспримет такие перемены в нашей стране «в штyki» и развернет с нами военно-политическое противостояние. Иначе говоря, наше будущее – это «красно-белый» альянс, сложившийся де-факто в сталинском СССР по мере строительства социализма «в отдельно взятой стране».

Маленькая оговорка: цивилизационное антизападничество не равно геополитическому. Ограничивать ареал влияния России в Европе – значит, давать «зеленый свет» дальнейшему продвижению на Восток НАТО и Европейского союза, реализующих тем самым стратегию «анаконды». Ее еще в XIX в.

выдвинул американский адмирал А.Т. Мэхен, а в XX в. взяли на вооружение ведущие англосаксонские геополитики – от Маккиндера до Бжезинского. В этих условиях выходом из положения может оказаться тактический антизападный союз с другими проектными цивилизациями, прежде всего с Китаем.

Самое главное, чего необходимо достичь любой ценой – восстановления суверенитета над внешней и внутренней политикой страны, то есть возврата в точку, в которой мы свернули «не туда».

В «Путешествии к центру Земли» Жюль Верна есть эпизод, в котором путешественники, спустившиеся под Землю по жерлу вулкана и блуждающие по запутанным подземным лабиринтам, выходят на развилку и, понимая бессмысленность размышлений, какой из двух путей выбрать, решают пойти по неверному. Оказавшись через два дня пути в тупике, они возвращаются обратно и идут уже в правильном направлении.

Прошло не два дня – два десятилетия. Что еще должно случиться со страной, чтобы мы осознали тупик выбора, сделанного нами в присно памятном августе 1991 г. во время совершенной тогда «великой криминальной революции»?

Следующее, что важно. Не было в истории успешных социально-экономических преобразований, осуществленных «демократическим» путем в странах, не окруженных со всех сторон морями и океанами, без раскрытого над ними кем-то «ядерного зонтика» и закачиваемых гигантских финансовых средств. Не забудем: американская модернизация прикрывалась шириной Атлантики и доктриной Монро, советская индустриализация начиналась с разгрома «правого» и «левого» уклонов и вышла на пик после ликвидации сопротивления оппозиции в центральном

партийном штабе; китайская – после уничтожения «банды четырех» и решительного подавления антиправительственных выступлений на площади Тянаньмэнь. Явленное миру британское промышленное «чудо» XVII в., как и японское тремя столетиями позже – плоды превращения стран в «непотопляемые авианосцы», то есть в окруженные морями оплоты военной силы в лице соответственно британского и американского военных флотов, во втором случае еще и включенного в систему глобальной обороны США на «дальних» рубежах.

Поэтому потребуется не демократия, а мобилизация – решительная, в том числе идеологическая, осуществляемая под видоизмененным ленинским лозунгом «Отечество в опасности!». Хотя и демократия останется актуальной. Но только в своем первоначальном прочтении – как инструмент обеспечения интересов и, главное, власти большинства, а не маргинальных меньшинств, особенно либерального и сексуальных.

У России было три возможности соединиться с Западом. Первую отверг Александр Невский в XIII в., заключив фактический союз с Золотой Ордой против католической экспансии; вторую – московские князья и цари в XV–XVII вв. Многочисленные войны с Польшей – это борьба восточного и западного проектов организации единого геополитического пространства. Победы в них Польша – восточная граница России прошла бы по Верхней Волге, став межой кровопролитного противостояния христианства с исламом. Третий раз западный вектор отверг И.В. Сталин, благодаря деятельности которого наша страна более чем на полвека превратилась, выражаясь языком «Великой шахматной доски» Бжезинского, в одно из двух главных геостратегических действующих лиц.

Наше поколение не вправе пересматривать выбор, последовательно подтверждавшийся отечественной историей на каждом из ее крутых поворотов. Сама постановка вопроса о таком пересмотре выглядит кощунственной. Нельзя с хлестаковской «легкостью в мыслях необыкновенной» отказываться от собственного исторического «я», от цивилизационной идентичности и памяти предков, освоивших гигантские просторы и построивших одну из величайших держав в истории, от освященной принципом соборности взаимосвязи прошлых, нынешних и будущих поколений. Все стенания по поводу возвращения «в историю» и «в человеческую цивилизацию», из которых мы якобы «выпали», и прочие глупости, которые нам вдалбливают на протяжении уже двух десятилетий, являются либо тотальным заблуждением, либо, скорее, целенаправленной информационно-пропагандистской спецоперацией глобального масштаба.

Поэтому вопрос о том, за какой «крюк» зацепилась и на чем именно повисла Россия после распада СССР – важный, но не определяющий. В наше стремительно убыстряющее свой бег время куда актуальнее другое – историческая передышка, отпущенная нашей стране и нашей элите на осознание происшедшего, заканчивается, а его уроки остаются не усвоенными. Примерно так же царский режим, положившийся на реформы П. А. Столыпина, а затем на патриотический подъем, вызванный началом Первой мировой войны, утратил историческую динамику, пропустив нарастание в недрах общества и в окружающем нас мире всеобъемлющего и беспощадного кризиса, поставившего страну на грань исторического выживания.

Сегодня, подобно своим историческим предшественникам – Российской империи и Советскому Союзу, Россий-

ская Федерация плавно втягивается в новую «перестройку», возможные последствия которой дополнительно усугубляются отсутствием на постсоветском пространстве единой государственности и наличием мощной, разветвленной, влиятельной и политически активной «пятой колонны». Борьба протекает в тяжелейших, изначально невыгодных для страны условиях. Исход ее неясен.

Формирование нового, полноценного российского глобального проекта невозможно без тщательного «разбора полетов» и поиска ответов на самые сложные, неприятные и даже болезненные вопросы, несмотря даже на то, что это неизбежно вызовет защитную реакцию в соответствующих политических кругах, причем, отнюдь, не только либерально-западнических.

Главный из этих вопросов: как именно и в какой последовательности замыслов, шагов и действий была осуществлена сдача советской элитой тех уникальных геополитических и, если можно так выразиться, «гео-идеологических» позиций, на которых наша страна оказалась в результате майского триумфа 1945 г.? Кто повинен в предопределившем распад Советского Союза отказе от глобальной геостратегической инициативы, которой априори, по всем канонам классической и современной геополитики, владеет всякий, кто контролирует «срединную» часть Евразии – «Хартленд»?

Второй вопрос: звеном какой «цепи», какого общего плана оказалась заговорившая на западном проектном языке элита бывшего СССР? Какое проектное происхождение имеет этот план? Какова его конечная цель и, следовательно, уготованная России историческая судьба?

Чтобы сразу размежеваться с подгоняющими глобализацию апологетами «глобальной взаимозависимости», подчеркнем, что в первую очередь нас ин-

интересует судьба именно России, а не человечества. Опыт двух мировых и, в какой-то мере, наполеоновских и холодной войн убедительно доказывает, что судьба остального мира по отношению к судьбе России вторична и в случае падения нашей страны может считаться предрешенной. В диалектической оптике это доказывается гегелевской спиралью «отрицания отрицания»; в метафизической – «удерживающей» ролью нашей страны в традиционалистском видении всемирно-исторического процесса как движения от начала времен к их концу.

Третий, не менее важный вопрос: на каком фундаменте построен этот человеконенавистнический план, какова его реальная, а не декларируемая проектная задача, насколько далеко продвинулись англосаксонские и, в целом, западные элиты по пути ее реализации? Каково влияние на их деятельность нацистского наследства? Какие у них имеются достижения и где допущены промахи, указывающие, помимо всего прочего, на наиболее проблемные, уязвимые точки осуществляемого ими проекта, то есть те точки, воздействие на которые может его подорвать и разрушить, обратив вспять формирующие его тенденции?

Какими возможностями располагает наша страна для подобных действий, какие причины – внешние и, безусловно, внутренние, связанные с деятельностью вскормленной внутри и на костях КПСС и Советского государства «пятой колонны» – этому препятствуют?

Отдельной и важнейшей частью этого вопроса является проблема особых договоренностей и обязательств, принятых на себя российской элитой после распада СССР, в том числе и в обмен на сохранение, возможно временное, нашей сегодняшней усеченной государственности. Вспомним в связи с этим ха-

рактерное и многозначительное высказывание У. Клинтона: «Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США»⁴⁶.

Являются ли такие обязательства своеобразным «новым изданием» Брестского мира – вынужденной и временной уступкой сложившимся обстоятельствам, и будут ли они расторгнуты при первом удобном случае? Или в российских элитах доминирует неуверенность, разобщенность, клановая борьба и, как следствие – противоречивость или отсутствие вменяемой стратегии? И все это на фоне готовности определенных внутренних сил продолжить поэтапную сдачу отечественного исторического, цивилизационного и геополитического наследства.

Без ответа на все эти вопросы нельзя двигаться дальше, не опасаясь промахов, вызванных спорадичностью и нерасчетливостью действий, а также очередного удара в спину или дальнейшего углубления внешней зависимости от сил, идей и интересов, претендующих сегодня на глобальное доминирование.

Следует также признать, что увенчавшаяся успехом «перестройка» явилась как минимум второй, если не третьей попыткой разрушения Советского Союза. Первая, без сомнения справедливая, пусть и жестоко подавленная И. В. Сталиным, была предпринята в канун Великой Отечественной войны троцкистским подпольем, получившим поддержку всевозможных сил на Западе – от «демократических» Лондона и Вашингтона до нацистского Берлина. Второй такой попыткой, пусть и с определенной натяжкой, можно считать хрущевскую «оттепель», начатую XX съездом КПСС, продолжившуюся заигрываниями с США и массивным сокращением Советской Армии, но, к счастью для нашей страны, захлебнувшуюся на октябрь-

ском (1964 г.) пленуме Центрального комитета партии. Однако возвращенные двумя этими попытками идеи и люди, проигравшие тайм, но не игру, приободренные «вегетарианством» брежневского руководства, своих планов не оставили. И, к сожалению, на третий раз сумели провести их в жизнь.

Следующие после Сталина поколения партийных и государственных лидеров не смогли или не захотели осознать и внутренне глубоко пережить и прочувствовать критически остро воспринимавшуюся вождем угрозу исторического поражения Советского Союза и прекращения им своего существования, которой он противостоял до последних дней своей жизни. Надеюсь, что все «образуется», его политические наследники не верили в такое поражение до последней минуты и, успока-

ивая себя тем, что Запад якобы «не может» вести игры на уничтожение СССР, занимались преимущественно внутри-элитными играми и разборками.

Запад такую игру вел, причем, опираясь на силы, окопавшиеся в самом партийном и государственном руководстве. На верхнем уровне это, между прочим, должны были осознать уже после памятного приезда в Москву Г. Киссинджера (1981 г.). В среднем и низшем звеньях партийно-государственного аппарата, деморализованного «пятилетней пышной похорон» (1982–1985 гг.), о возможности распада страны заговорили уже в горбачевскую эпоху, наблюдая за процессом управляемого замещения перспективного, внушавшего оптимизм курса на «ускорение» социально-экономического развития страны разрушительной «перестройкой».

Волки, овцы, пастухи и другие... (Вместо заключения)

Верят ли овцы пастуху? Безусловно, ибо он защищает их от волков. И потому рано или поздно оказываются на шампурах. Именно так «низы» КПСС поверили Горбачеву и его команде. Будучи очарованными говорливостью, обновленческой риторикой нового генсека, они увидели в нем некую «свежую струю», на деле обернувшуюся грязным и мутным потоком, смывшим нашу страну с политической карты мира. Поэтому мы просто не имеем права не упомянуть и еще об одном персонаже сюжетов, связанных с волками, овцами и пастухами – «козле-провокаторе», неизменно находящемся «в штате» любого уважающего себя мясокомбината.

Как засвидетельствовал основатель и первый директор ЦРУ А. Даллес, такие персонажи отнюдь не чужды и политическому процессу.

*«Сов. секретно
Только для тов. Иванова*»*

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ (агентурное донесение)

Руководитель американской разведки в Европе Ален Даллес, инструктируя сотрудников, ставя перед ними задачи по

* То есть для И. В. Сталина. – Авт.

развалу ВКП(б), сказал: „Компартия со времен Ленина над-
рессирована на механическое, бездумное следование за лиде-
ром. Этим надо воспользоваться. *Достаточно внедрить на
место генерального секретаря ЦК ВКП(б) козла-провока-
тора (известно, как овцы на бойне послушно идут за таким
козлом), как компартия Советского Союза послушно пойдет
за ним в пропасть*“ (курс. – Авт.).

12 апреля 1946 г.

А. Джуга²²

У Горбачева, которому принадлежит метафизический по своему смыслу «пе-
рестроечный» афоризм «Процесс пошел!..», не может быть обид на лично незна-
комого ему Даллеса. А вот глупостью или предательством являлось подобное по-
ведение советской элиты, послушно двинувшейся за Горбачевым и его присны-
ми и не исполнившей своего долга перед страной и народом, проигнорировавшей
свою главную функцию – стратегического планирования и управления истори-
ческим развитием, каждый решит сам.

Поразительной политической наивностью, всеобщим ступором или стерили-
зацией коллективного инстинкта самосохранения партийных низов и народа
в целом, а также Советской Армии и спецслужб было вовремя не заменить такую
элиту. Почему этого не произошло, хотя возможности были и, более того, все ус-
ловия и предпосылки для кристаллизации в «позднем» СССР новой, созидатель-
ной, национально ответственной и компетентной элиты были созданы, – отдель-
ный вопрос. На него еще долго предстоит отвечать не только историкам, но и со-
циологам, политологам и даже экономистам.

В условиях тотального предательства «верхов» большинством рядовых ком-
мунистов нарастающие деструктивные тенденции были поняты и осмысле-
ны, увы, слишком поздно, когда сама КПСС уже стала необратимо делиться
на разнообразные идейно-политические платформы и распадаться по союз-
ным республикам. Своеобразным «осиновым колом» можно считать создание
по инициативе Горбачева в 1990 г. Коммунистической партии РСФСР, пре-
восходившей по численности компартии всех остальных союзных республик
вместе взятые. Так ли неправ был И. В. Сталин, когда с корнем вырвал в кон-
це 40-х годов аналогичные планы фигурантов «Ленинградского дела» вместе
с их авторами?

Вывод для современности из этого ясен: необходимо немедленно прекратить
политические спекуляции и разборки с советским прошлым, в которые страну уси-
ленно втягивают те, кто не заинтересован в ее возрождении, а возможно и целе-
направленно работает на ее разрушение.

В. С. Соловьев писал, что национальная идея – это «не то, что нация думает о се-
бе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»². Ф. И. Тютчев прямо про-
тивопоставлял Россию Западу, Ватикану и революции как методам установления
над Россией внешнего управления⁴⁷.

Отсюда же проистекает формула «цветущей сложности» К. Н. Леонтьева, при-
зывающая к динамизму проектного строительства в его начале и к консервации
того, что уже создано. Разрушая Советский Союз, мы просто забыли об этом
предостережении нашего знаменитого соотечественника⁴⁸.

Таким образом, **Россия – не часть Запада, а самостоятельная цивилизация с собственным уникальным генезисом и вкладом в мировую историю.**

Но в 1991 г., подобно февралю 1917 г., российская проектность прервалась. Если она не возобновится, как возобновилась в Октябре того же 1917 г., страну ждет дальнейший распад и участь прекратившей существование цивилизации, описанная Тойнби в «Постижении истории».

Примечания

- ¹ Никонов В. А. Из выступления в Институте Европы РАН на круглом столе «Россия в многообразии цивилизаций». 2008. 12 марта.
- ² Глобалистика. Международный энциклопедический словарь / Ред., сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. – СПб. – Нью-Йорк, 2006. С. 989–990, 982, 101, 793.
- ³ Печчи А. Римский клуб: повестка дня на конец столетия // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Сост. Гвишиани Д. М., Колчин А. И., Нетесова Е. В., Сейтов А. А. М., 1997. С. 95–104; Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982. С. 38–54.
- ⁴ Тойнби А. Дж. Постижение истории М., 2006. С. 496–498; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х томах. М., 1998. Т. 2. С. 55–87; Гумилев Л. Н. От Руси до России М., 2001. С. 5–18.
- ⁵ Аверьянов В. В. Империя и воля // <http://pravaya.ru/look/21172?print=1>
- ⁶ Павленко В. Б. Группа БРИК в глобально-управленческой стратегии англосаксонского Запада // Обозреватель-Observer. 2009. № 11. С. 26–28.
- ⁷ <http://vu.ua/blogs/4-90.html>
- ⁸ Россия в многообразии цивилизаций / Ред. Н. П. Шмелев, Т. Т. Тимофеев, В. П. Федоров. Сб. М., 2011. С. 862–863, 181, 19.
- ⁹ <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=91>
- ¹⁰ Концепция внешней политики РФ Указ Президента РФ от 12 июля 2008 г. № Пр-1440 // www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml
- ¹¹ <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=95>
- ¹² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Лосский Н. О. Характер русского народа. В 2-х томах. Л., 1990.
- ¹³ Авксентьев Н. Д. Национальная власть // Антология мировой политической мысли. В 5-ти томах / Ред. Г. Ю. Семигин М., Т. IV. С. 625; Савицкий П. Н. Геополитика // Континент Евразия. Сб. М., 1997. С. 279–432; Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 158–159.
- ¹⁴ Аверьянов В. В. Цивилизация против «цивилизаторов» // <http://www.pravaya.ru/look/12645?print=1>; Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 16; Проханов А. А. Синусоида русской истории // www.rus-crisis.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=ar; Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/geopolitics/?ver>
- ¹⁵ Павленко В. Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами (докт. дисс.). М.: РГСУ, 2008. – 526 с.
- ¹⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2002. С. 13; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 9, 733–734; Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 39.
- ¹⁷ Фурсов А. И. Третий Рим и Третий рейх. Советско-германский покер в американском префрансе // http://www.zlev.ru/87_38.htm
- ¹⁸ Материалы II съезда Народной партии «Свободная Россия». М., 1991. С. 42.
- ¹⁹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сб. М., 1996. С. 160, 56.

- 20 Хазин М. Л., Гавриленков С. И. Развитие и взаимодействие глобальных проектов // http://worldcrisis.ru/crisis/110296?PARENT_RUBR=wc_glpr; Павленко В. Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами (докт. дисс.). М.: РГСУ. С. 224–225.
- 21 Грачева Т. В. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2008. С. 12–14.
- 22 Личная секретная служба И. В. Сталина / Сост. Вахания В. В. Сб. документов. М., 2004. С. 416, 291.
- 23 Независимая газета. 2000. 7 сентября.
- 24 Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 2-х книгах. М., 2003. Кн. 1-я. С. 14–15, 24–27; Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Цветущая сложность. Избранные статьи. Сб. М., 1992. С. 118; Глобалистика. Международный энциклопедический словарь/ Ред., сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. – СПб. – Нью-Йорк, 2006. С. 462, 794; Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 16; Савицкий П. Н. Континент Евразия. Сб. М., 1997. С. 121, 127–128, 223–224.
- 25 Хазин М. Л., Гавриленков С. И. Развитие и взаимодействие глобальных проектов // http://worldcrisis.ru/crisis/110296?PARENT_RUBR=wc_glpr; Коллонтай В. М. Глобальные проекты и национальные интересы // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 2005. № 2.
- 26 Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому от 7 февраля 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 298; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 243; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378–382; Сталин И. В. Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г. М., 1953.
- 27 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х томах. М., Т. 3. С. 32; Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 80.
- 28 Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. М., 2005. С. 234.
- 29 Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения, в 2-х т. М., 1952. Т. II. С. 323–324.
- 30 Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 28. С. 635–638; Декларация Коммуны к французскому народу/ Ред. Г. Ю. Семигин. Антология мировой политической мысли. В 5-ти томах. М., 1997. Т. V. С. 147–149; К масонам всех ритуалов и всех степеней. Воззвание // Journal official de Republique francaise. 1871. 24, 27 мая.
- 31 Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому от 12 февраля 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 297; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 36–56, 378–379.
- 32 Ленин В. И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 358–376; Троцкий Л. Д. Резолюция общего собрания Венского партийного социал-демократического клуба (26 ноября 1910 г.) // Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 55–56, 59; Непролетарские партии России. Урок истории/ Ред. И. И. Минц. М., 1984. С. 191, 204.
- 33 Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому от 7 сентября 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 219; Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? М., 1991; Плеханов Г. В. Легальные рабочие организации и РСДРП // Дневник социал-демократа. 1911, № 11.
- 34 Политология. Энциклопедический словарь/ Ред. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 154; Гизе А. Вольные каменщики. М., 2006. С. 49; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 739.
- 35 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 505.
- 36 Программа РКП(б) // КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 2. С. 71–92; Ленин В. И. Польский фронт и наши задачи. Тезисы ЦК РКП(б) от 23 мая 1920 г. // Там же. С. 290–293.
- 37 Троцкий Л. Д. Программа мира. Пг., 1920. Т. III. Ч. I. С. 90; Зиновьев Г. Е. Выступление на V Всемирном конгрессе Коминтерна. Стенограф. отчет. М. – Л., 1925. Ч. 1. С. 9; Луначарский А. В. Просвещение и революция. Сб. статей. М., 1926. С. 94–96.
- 38 Сталин И. В. Об основах ленинизма. 2-е изд. Собр. соч. М., 1949–1952. Т. 6. С. 107.
- 39 Конституция СССР // М., 1975; Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Указ. соч. Т. 13. С. 282–306; Постановление ЦК ВКП(б) о создании Комитета обороны СССР // КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 387.

- ⁴⁰ Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах. М., 2005. С. 99–102, 176, 179–183, 269.
- ⁴¹ Цит. по: Аверьянов В. В. Империя и воля // URL: <http://pravaya.ru/look/21172?print=1>
- ⁴² Зубок Л. И., Яковлев Н. Н. Новейшая история США. М., 1972. С. 30.
- ⁴³ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // URL: <http://www.vehi.net/fedotov/rossiya.html>
- ⁴⁴ Стрижак О. Генералы в Октябре // Санкт-Петербургские ведомости. 2008. № 24. 11 февраля.
- ⁴⁵ Уорт Р. Антанга и русская революция. Россия в переломный момент истории. М., 2006. С. 135–148.
- ⁴⁶ Жуков В. И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3-х томах. М., 2007. Т. I. С. 434.
- ⁴⁷ Тютчев Ф. И. Россия и Запад // Россия и Запад. Сб. М., 2007. С. 78–95; Тютчев Ф. И. Записка. С. 42–52; Тютчев Ф. И. Россия и революция. С. 53–62.
- ⁴⁸ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Цветущая сложность. Избранные статьи. Сб. М., 1992. С. 67–126.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@ru.ru
E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Военный парад в осажденной столице

К 70-летию военного парада в Москве 7 ноября 1941 года

Анатолий Цветков

Военные парады издревле известны в истории государств мира. Не явилась исключением и Россия, в которой регулярно проводились военные парады, символизирующие силу и мощь государства и его вооруженных сил.

Особое место в истории нашей страны занимает военный парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г. во время Великой Отечественной войны, когда немецко-фашистские войска рвались к столице нашей Родины.

Немецко-фашистские войска у стен Москвы

Немецко-фашистские войска, после некоторой паузы, начали 30 сентября 1941 г. на Ржевско-Волоколамском, а 1 октября на Юхнов-Малоярославецком направлениях операцию «Тайфун», конечной целью которой был захват столицы Советского Союза – Москвы. Уже к 10 октября им удалось окружить в районе Вязьмы часть войск Западного и Резервного фронтов (до 300 тыс. чел.) и нацелить свои танковые соединения на Москву. Впереди

у них была лишь Можайская линия обороны, поспешно занимаемая войсками Красной Армии.

Над Москвой нависла реальная опасность захвата.

20 октября 1941 г. в Москве было введено осадное положение, эвакуировались государственные учреждения, предприятия и жители. Фронт неумолимо приближался к городу, и местами возникала паника. Руководству столицы, военному командованию для наве-

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаакович – участник Великой Отечественной войны, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. *E-mail: anatoli2010@gmail.com*

Ключевые слова: военный парад, осадное положение, планы сторон, участники парада, речь И. В. Сталина, марш войск.

дения порядка пришлось принимать самые решительные меры, вплоть до расстрела на месте провокаторов и паникеров. Временами казалось, что нет сил остановить фашистские войска, которые по планам Гитлера и его генералов должны были взять советскую столицу до 7 ноября. Именно на этот день по случаю «захвата Москвы» был назначен парад немецко-фашистских войск на Красной площади. Были даже отпечатаны приглашения на это мероприятие. Целый железнодорожный вагон с наградами «Героям взятия Москвы» и материалами для строительства грандиозного монумента в честь этого события дожидались своего часа, следуя за фашистскими войсками.

Бои на подступах к столице были исключительно тяжелыми, кровопролитными.

Пример тому подвиг 28 гвардейцев из 316-й стрелковой дивизии генерала Панфилова, которые преградили путь фашистским танкам у разъезда Дубосеково.

Только к 1 ноября нашим войскам удалось временно приостановить немецкое наступление в 70–100 км от столицы. Весь мир замер в напряженном ожидании.

В этой тяжелой и сложной обстановке вопреки мнению некоторых политиков и военных, которые считали проведение парада 7 ноября 1941 г. в Москве нецелесообразным, И. В. Сталин, поддержанный членами Государственного комитета обороны, принял решение провести в этот день парад на Красной площади с привлечением максимально возможного количества всех родов войск. Соответствующие распоряжения были отданы командующему Московским военным округом и Московской зоной обороны генерал-лейтенанту П. А. Артемьеву, который должен был доложить порядок проведения па-

рада Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину.

Возвратившись от Верховного Главнокомандующего, генерал Артемьев созвал совещание заинтересованных лиц, чтобы обсудить, кого конкретно следует включить в парадный расчет.

Член Военного Совета Московской зоны обороны бригадный комиссар К. Ф. Телегин вспоминал: «На совещание прибыли первый секретарь Московского горкома ВКП(б) В. П. Пронин, военный комендант г. Москвы генерал-майор К. Р. Синилов, заместитель начальника штаба Западного фронта генерал-майор В. С. Голушкевич, начальник охраны НКВД Московской зоны обороны комиссар госбезопасности второго ранга И. А. Серов, начальник УНКВД по г. Москве и Московской области комиссар госбезопасности третьего ранга М. И. Журавлев, я и еще несколько ответственных работников горкома партии, МВО и НКВД.

Генерал-лейтенант П. А. Артемьев после доведения задачи, поставленной И. В. Сталиным, сказал, что на данном совещании необходимо выработать диспозицию парада, то есть определить, какие воинские части и военно-учебные заведения можно привлечь на парад.

Первому было представлено слово военному коменданту г. Москвы генералу К. Р. Синилову. В своем кратком докладе он сообщил, что выбор не велик: с фронта снимать никого нельзя, резервные войска на подходе, военные академии эвакуированы в тыл страны. Надо ориентироваться на имеющиеся воинские части и военные училища, которые есть в Москве и Подмосковье. С его доводами участники совещания в основном согласились.

Первый секретарь Московского обкома ВКП(б) В. П. Пронин к этому добавил, что можно подготовить пару рабочих батальонов в форме красногвардейцев,

а представитель НКВД СССР И. А. Серов обещал выставить на парад не менее четырех тысяч бойцов и командиров войск НКВД. На том и порешили».

31 октября 1941 г. план проведения военного парада с некоторыми поправками был утвержден, и началась интенсивная подготовка к нему.

В обычных условиях на подготовку такого мероприятия отводится 1,5–2 мес., но в данных условиях на это было отпущено лишь несколько дней. Поначалу даже участники парада не знали, что они не просто занимаются строевой подготовкой, а готовятся к параду.

Вот что рассказывал по этому поводу мой давний сослуживец, тогда рядовой 6-й стрелковой роты 3-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии особого назначения Иван Иванович Угрюмов: «Наш полк дислоцировался в здании Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ) вблизи Театра Красной армии на площади Коммуны (ныне площадь Суворова). Каждый день после 1 ноября мы занимались строевой подготовкой на площади, которая наполовину была занята зенитками. Ходили строевым шагом с винтовками с примкнутыми штыками „в положении на руку“. Конечно, слегка догадывались, что это неспроста, и лишь вечером 6 ноября все прояснилось: завтра идем на парад».

Так было и в остальных частях.

Военному параду на Красной площади предшествовало еще очень важное событие.

Вечером 6 ноября 1941 г. на перроне станции метро «Площадь Маяковского», самой глубокой и просторной в то время станции, переоборудованной под зал, состоялось торжественное заседание Московской партийной организации совместно с представителями трудящихся г. Москвы и воинов Московского гарнизона, посвященное 24-й годовщине

Великой Октябрьской социалистической революции. С речью к участникам заседания обратился Председатель Государственного комитета обороны, Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Он выразил твердую уверенность в благоприятном исходе битвы за Москву, нарисовал оптимистическую перспективу военных действий на советско-германском фронте. Это был хороший эмоциональный заряд для советского народа и воинов Красной армии.

Вот еще один небезызвестный факт, предшествовавший военному параду. Когда раним утром 7 ноября зашла речь о том, какой головной убор должен надеть И. В. Сталин на военный парад (в Москве шел снег, мороз был –10–12 °С), начальник личной охраны И. В. Сталина генерал Н. С. Власик предложил ему надеть зимнюю шапку. Но Сталин решительно отверг это предложение, заявив: «На фронте еще не все бойцы и командиры получили зимнее обмундирование, и что они увидят, когда откроют газеты с отчетом о параде? Их руководитель утеплится. Давайте фуражку».

Тем временем подготовка к параду завершалась. В 2 часа ночи 7 ноября у коменданта г. Москвы генерал-майора К. Р. Синилова были собраны командиры всех частей, предназначенных для участия в параде. Им сообщили о месте и времени построения войск и объявили время начала парада: 8 часов утра (вместо обычных 10 часов). Несмотря на снежную погоду и ограниченную видимость, все силы Московской зоны ПВО были приведены в повышенную степень боевой готовности. В воздух были подняты истребители. В 5 часов утра в райкомы партии были приглашены гости парада – партийно-советский актив, рабочие, деятели культуры и искусства. Им были вручены пригласительные билеты на парад.

Парад, смирно!

Эта команда прозвучала из уст командующего парадом командующего Московским военным округом и Московской зоной обороны генерал-лейтенанта П. А. Артемьева, когда он ровно в 8 часов 7 ноября 1941 г. подал ее для встречи въезжающего на площадь на коне принимающего парад маршала Советского Союза С. М. Буденного.

Приняв рапорт, С. М. Буденный верхом на коне объехал выстроившиеся войска и поздравил с праздником. Закончив объезд войск, маршал поднялся на Мавзолей.

Затем от имени Центрального комитета ВКП(б) и советского правительства с речью к участникам парада и всему советскому народу обратился И. В. Сталин. Раньше он никогда не выступал на парадах. Это его выступление было напутствием отправлявшимся на фронт бойцам и командирам Красной армии: «Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот героически отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществлять разгром немецких захватчиков...

На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

На вас смотрят поработанные страны Европы, попавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей.

Великая освободительная миссия выпала на вашу долю! Будьте же достойны этой миссии!

Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая».

Глава государства призвал вдохновляться мужественными образами наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

После дружного «Ура!» прозвучала уверенная команда командующего парадом к перестроению войск и началу парада. Под дробь барабанов торжественный марш открыли курсанты артиллерийско-минометного училища, за ним прошли батальоны курсантов училища им. Верховного Совета РСФСР (кремлевские курсанты) и Окружного военно-политического училища, потом в белых халатах с полной выкладкой – полки 2-й Московской стрелковой дивизии особого назначения.

Об этом вспоминает ее бывший боец, уже известный читателю, И. И. Угрюмов: «К 6.30 утра 7 ноября мы вышли на исходное положение против гостиницы „Москва“, откуда по команде двинулись на Красную площадь. Низкие, плотные тучи укрывали Москву. Обильный снегопад покрывал дома и улицы Москвы крупными хлопьями снега. Прошло 70 лет, а в памяти зримо, как вчера, встает белая, заснеженная военная Москва. Казалось, что небеса укрывали Москву от налетов немецкой авиации, и это радовало.

Одно огорчало – сильно заснеженная брусчатка Красной площади. Во

время прохождения по ней войск она становилась скользкой. Снег под нашими ногами превращался в своеобразную кашу и затруднял прохождение колонн четким строевым шагом. Действительно идти было трудно. Мы думали в то время, как мне помнится, больше о том, как выдержать равнение и не задеть штыком впереди идущего».

Затем, строго выдержав равнение, по брусчатке прошли полки 332-й Ивановской им. М. В. Фрунзе стрелковой дивизии, 1-й полк отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД (ОМСБОН) (ее 2-й полк в это время громил под Москвой тылы фашистских захватчиков), истребительный мотострелковый полк дивизии особого назначения им. Ф. Э. Дзержинского НКВД (ОМСДОН), Московский флотский экипаж, Особый батальон Военного Совета Московского военного округа и Московской зоны обороны, батальоны МПВО и Всеобуча.

Когда на площади показались отряды вооруженных рабочих, среди которых выделялись убоженные сединами

рабочие, бывшие красногвардейцы в кожанках с московского автозавода, заводов «Динамо» и «Красный пролетарий», на трибунах горячо зааплодировали. Снегопад усилился. За пешим строем под звуки оркестра мимо трибун рысью пронеслись эскадроны конницы и пулеметные тачанки.

Затем на площади появились автомобили, на которых стояли устремленные в небо зенитные пулеметы. Вслед за ними двигались зенитки и тяжелая артиллерия. А после небольшой паузы на площадь вступили сначала легкие танки БТ-7, а затем Т-34 и тяжелые КВ. Всего 200 боевых машин.

Парад закончился в 9 час. 30 мин. За это время по площади прошло около 15 тыс. бойцов и командиров Красной армии и войск НКВД. Часть войск с парада отправилась прямо на фронт.

Впечатление от парада было огромным. Это была боевая патриотическая демонстрация веры нашего народа в победу над немецко-фашистскими захватчиками, великий пример мужества советских людей.

Военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 г., состоявшийся 70 лет назад, стал знаковым событием, повлиявшим на морально-психологическое состояние и настрой советского народа. Он прошел в то время, когда Красная армия с большим напряжением сдерживала под Москвой отчаянный натиск немецко-фашистской военной машины, и вселил в защитников столицы веру в победу над гитлеровскими захватчиками.

Парад сыграл важную роль не только в исходе обороны столицы, но и создал необходимые моральные предпосылки для успешного перехода советских войск в решительное контрнаступление.

Одновременно парад показал всему миру жизнестойкость советского государства, мощь его вооруженных сил, единство армии и народа.

Он озаменовал собой восход зари нашей победы над немецким фашизмом в Великой Отечественной войне.

Битва под Москвой: коренной перелом в сознании народа и армии *

Владимир Литвиненко

Московская битва по праву считается одним из самых значительных событий не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны в целом.

Едва ли не с момента окончания войны среди историков началась дискуссия о том, когда же наступил коренной перелом в противостоянии СССР и фашистской Германии. Традиционная и устоявшаяся точка зрения относит это событие к Сталинграду и Курску (начало коренного перелома в результате разгрома и пленения 6-й полевой армии вермахта и собственно коренной перелом, после которого германские войска окончательно утратили стратегическую инициативу на Восточном фронте). Этот подход отражен во всех энциклопедических изданиях, научных трудах, в учебниках и учебных пособиях по военной истории и истории Отечества, в публицистической и художественной литературе.

Но существует и другая концепция, согласно которой коренной перелом в войне произошел именно под Москвой.

Разумеется, с военной точки зрения она не выдерживает критики.

К моменту начала Московской битвы враг оккупировал значительные территории европейской части СССР, овладел Одессой и Киевом. В 1942 г. были потеряны Крым, Донбасс, была Харьковская катастрофа, которую И. В. Сталин сравнил с катастрофой Самсонова и Ренненкампа в 1914 г. Много чего еще было. Но у тех, кто отстаивает такую позицию, есть своя правда, которая не вписывается в оперативно-тактические и стратегические выкладки. Их взгляд шире и глубже. Пожалуй, лучше всего об этом сказал Константин Симонов.

ЛИТВИНЕНКО Владимир Аркадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. *E-mail:* vladlitv@yandex.ru

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941 г., битва под Москвой, военный парад 7 ноября 1941 г.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

В декабре 1941 г. он писал: «Произошла гораздо более важная вещь, чем взятие десяти или двадцати населенных пунктов. Произошел гигантский, великолепный перелом в психологии наших войск, в психологии наших бойцов <...> Армия научилась побеждать немцев. И даже тогда, когда ее полки находятся в трудных условиях, когда чаша военных весов готова заколебаться, они все равно сейчас чувствуют себя победителями, продолжают наступать, бить врага.

И такой же перелом в обратную сторону произошел у немцев. Они чувствуют себя окруженными, они отходят, они беспрерывно пытаются выровнять линию фронта, они боятся даже горстки людей, зашедших им в тыл и твердо верящих в победу <...>

Пусть не рассчитывают на пощаду. Мы научились побеждать, но эта наука далась нам слишком дорогой и жестокой ценой, чтобы щадить врага»¹.

Итак, в полях под Москвой произошел коренной перелом в сознании людей – как на фронте, так и в тылу. Если до этого, наряду с надеждой и верой в победу были и растерянность, и сомнения, и отчаяние, то в ходе Московской битвы возникла непоколебимая уверенность: враг действительно будет разбит и победа действительно будет за нами! При этом точкой бифуркации, после которой надежда переросла в уверенность, стал военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 г.

Наиболее успешная операция Московской битвы

Ноябрь 1941 г. – самый разгар битвы за Москву. На нескольких направлениях германские войска подошли к столице на расстояние 70 км. 15 октября в Куйбышев (ныне Самара) переехали часть правительства и иностранные посольства, в Москве остались ГКО, Ставка Верховного Главнокомандования и оперативная группа Генерального штаба.

19 октября в столице вводится осадное положение. Спешно возводятся Московская линия обороны. Многие правительственные здания, мосты, заводы минируются. На улицах появляются противотанковые ежи, сооружаются баррикады. Жители города в массовом порядке обучаются начальным навыкам владения оружием. Воздушные налеты, дежурство на крышах, метро, превращенное в бомбоубежище...

Казалось бы, о каких торжествах может идти речь? Не до того. Тем более – парад. И все же он состоялся. Но это был не просто торжественный смотр войск по случаю всенародного праздника – 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической рево-

люции. С точки зрения поднятия боевого духа, воздействия на сознание народа и армии, а также на моральное состояние войск противника парад 7 ноября 1941 г. можно считать одной из самых успешных операций Московской битвы, во многом определившей ход дальнейших событий.

Собственно говоря, он и был военной операцией – по всем формальным признакам – от скрытного сосредоточения войск (парад готовился в режиме строжайшей секретности) до ряда отвлекающих ударов на Можайском, Волоколамском и Малоярославецком направлениях. Войска по Красной площади шли с оружием и боеприпасами. Техника – с полным боекомплектом, чего не было ни до, ни после парада 7 ноября 1941 г. Сразу после прохождения по Красной площади войска отправлялись на фронт. Артиллерийские части прибывали прямо с огневых позиций и после парада вновь их занимали.

«Военный парад способствовал укреплению морального духа советского народа и его вооруженных сил, продемонстрировав их решимость отстоять

Москву. После парада произошел перелом в разговорах и настроениях, парад вдохновил армию и тружеников тыла на борьбу с оккупантами»².

На врага же парад, прошедший на Красной площади, наоборот, произвел деморализующее впечатление. Ведь немцы готовили другой парад, объявив об этом в газетах и по радио.

В специальной листовке с обращением к войскам Восточного фронта руководители вермахта призывали: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами. Вы прошли по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться. Покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва – это конец войны. Москва – это отдых. Вперед!»³.

Заранее отпечатали пропуска для передвижения по Москве во время парада полков вермахта.

«Был подготовлен целый сценарий. После торжественного прохождения войск по Крас-

ной площади туда должны были вывести под конвоем захваченных большевистских вождей. На их глазах военные саперы производили подрыв стен Кремля как символа советского сопротивления, затем подрыв Мавзолея. На руинах последнего предполагалось разложить костер, на котором должно быть сожжено тело Ленина. После этого под барабанный бой планировалось повесить вождей. В случае пленения Сталина его казнь должна была завершить спектакль»².

Вместо этого – парад советских войск и весьма ощутимые удары по всему фронту. Наступление на Москву тем не менее продолжалось, но дела у немцев шли все хуже и хуже.

29 ноября 1941 г. имперский министр вооружения и боеприпасов Ф. Тодт подал фюреру доклад о положении дел: окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования. «В военном и военно-экономическом отно-

Историческая справка

«...В результате контрнаступления под Москвой и последующего общего наступления советских войск Германия потерпела первое крупное поражение во Второй мировой войне. Враг был отброшен на Запад на 150–400 км, освобождены Московская и Тульская обл., многие районы Калининской и Смоленской обл. Победы Красной армии на полях Подмосковья значительно улучшили военно-политическое и международное положение Советского Союза, развеяли миф о непобедимости немецко-фашистской армии.

Окончательный крах потерпел гитлеровский план „молниеносной войны“ против СССР. Враг потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 500 тыс. чел., 1300 танков, 2500 орудий, свыше 15 тыс. автомобилей и много другой военной техники.

Не менее чувствительным был моральный урон: в ходе зимней кампании гитлеровские военные трибуналы осудили 62 тыс. солдат и офицеров за дезертирство, самовольный отход, неповиновение и т. д.

Были отстранены от занимаемых постов 35 высших чинов, в т. ч. генерал-фельдмаршалы Браухич и Бок, генералы Гудериан, Штраус и др.

В Московской битве значительные потери понесли и советские вооруженные силы: безвозвратные – 936 644 чел., санитарные – 898 689 чел.»⁸

шении война уже проиграна». Однако на вопрос А. Гитлера, как заканчивать войну, ответа у министра не было⁴. На следующий день, 30 ноября, был захвачен поселок городского типа Красная Поляна, в 27 км от Москвы. Это дало повод Гитлеру заявить, что «война в целом уже выиграна». Но это был его последний успех под Москвой. Именно здесь через несколько дней немцам был нанесен один из первых контрударов в начале контрнаступления советских войск в Московской битве⁵.

12 декабря весь мир облетело сообщение московского радио. В сводке Советского информбюро «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы» говорилось: «6 декабря 1941 года войска нашего

Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери»⁶.

Это было начало второй фазы одной из самых грандиозных битв не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны.

Она продолжалась в общей сложности около 7 месяцев (203 дня и ночи) на огромном пространстве, равном примерно территории Франции. С обеих сторон в ней участвовало свыше 3 млн чел., до 22 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. танков, более 2 тыс. самолетов⁷.

Москва и Париж: почувствуйте разницу

То, что Москву будут оборонять до последней возможности, понимали все, в том числе и союзники. 19 октября 1941 г. американская газета «*Нью оф Уорлд*» писала: «<...> На милях вокруг мужчины и женщины возводят дополнительные укрепления <...> Все трудоспособные мужчины и женщины принимают участие в окончательной подготовке обороны. Этот дух и эти приготовления составляют разницу между Москвой октября 1941 года и Парижем июня прошлого года. Не слышно ни одного голоса об объявлении столицы открытым городом...»⁸

Тем не менее сомнения были: удержим ли? Уж больно силен и грозен враг. Уж слишком очевидны неудачи и поражения. После парада 7 ноября 1941 г. уже не верили – знали: удержим.

7 ноября английская «*Таймс*» свидетельствовала об отношении англичан к советскому народу: «Население Англии, каких бы политических взглядов оно ни придерживалось, сегодня

горячо и единодушно приветствует русскую нацию и все народы Советского Союза, которые своим доблестным сопротивлением, оказываемым противнику, имеющему материальный перевес, скрепили англо-советский союз и заслужили восхищение всего мира»⁹.

На следующий день, 8 ноября 1941 г., другая английская газета, «*Дейли телеграф*», давала следующую оценку ситуации под Москвой: «Если мы бросим взгляд на общее положение на фронте, то не можем не признать опасности на московском участке и на юге. Последняя кажется более серьезной и грозящей тяжелыми последствиями, хотя нельзя не заметить, что здесь русские дерутся упорно и героически. Не исключено, что русская армия может еще заставить противника начать отступление, и это было бы подлинным переворотом в войне»⁹

А 15 декабря 1941 г., когда успех советского контрнаступления стал очевиден «*Таймс*» с удивлением признавала:

«Начиная с 16 ноября и до 5 декабря русские вели упорные оборонительные бои с местными контратаками в тех пунктах, где давление особенно усиливалось. Многие атаки противника окончились полным поражением, другие были ликвидированы в зародыше...»⁹

Интересные свидетельства оставили французские наблюдатели, год назад (1940 г.) пережившие позорную сдачу своей столицы без единого выстрела.

Так, в донесении военного атташе Франции в Турцию полковника Дюваля в Генштаб Вооруженных сил Франции об организации обороны Москвы, датированным декабрем 1941 г., сообщалось: «В Москве были приняты все меры по обеспечению обороны города каждой улицей и даже домом. На главных улицах были сооружены баррикады, траншеи, противотанковые заграждения, укрепления. Из 5 млн жителей столицы 1 млн – дети и старики – были эвакуированы; 1 млн граждан, из которых 200 тыс. молодых женщин, были мобилизованы и отправлены на фронт или в тыл для строительства новых оборонительных линий.

В городе осталось 2–3 млн жителей, которые будут вооружены по мере военной необходимости. Снабжение строго ограничено минимальными потребностями, но действует регулярно через карточную систему. Каждый получает паек из черного хлеба, сосисок, капусты и чая. Мясо, масло, яйца, табак – редкость.

«Стержень всей войны»

В сухом академическом формате трудно передать весь драматизм события, в котором решалась судьба не только нашей страны, но и всего мира. Если до осени 1941 г. прогрессивные силы в разных странах надеялись, что Советский Союз сможет вы-

Это всеобщая мобилизация населения Москвы выполнялась блестяще благодаря твердому, но умелым и осторожным мерам, предписанным Сталиным и Берия <...> Большую помощь им оказал Пронин, председатель Московского совета. Административный аппарат функционирует безотказно. Впрочем, население за двадцать лет советского режима привыкло к дисциплине.

В городе нет никаких беспорядков, несмотря на воздушные налеты и отсутствие милиции, которая была внезапно мобилизована и большей частью отправлена на фронт во время паники 15–18 октября. Была создана новая военная полиция.

Женские батальоны, отправленные на трудовой фронт, имеют военную выправку. В боевых соединениях, которые безостановочно проходят по городу, также есть женщины, число которых достигает 10%. Они одеты в военную форму и вооружены, как мужчины.

Соединения регулярной армии хорошо одеты, имеют строевую выправку. В пехотных соединениях солдаты вооружены винтовками со штыками – 75% или автоматами – 25%. Артиллеристы вооружены карабинами – 75% или автоматами – 25%. Дисциплина строгая. В городе много отрядов из мужчин и женщин в военной или гражданской одежде учатся обращению с оружием или маршируют на площадях и бульварах под командованием армейских офицеров»¹⁰.

стоять против фашистской агрессии, то с началом контрнаступления под Москвой эта надежда переросла в уверенность: враг будет повержен.

Разгром ударных группировок группы армий «Центр» в Московской битве изменил не только соотношение сил на

Западном стратегическом направлении советско-германского фронта, но и существенно повлиял на военно-политическую обстановку в мире, способствуя, в частности, укреплению антигитлеровской коалиции. Западные союзники СССР от слов наконец перешли к делу. Их помощь, так необходимая нашему фронту, стала более ощутимой. Сегодня одни историки утверждают, что и без этой помощи мы могли бы справиться с фашистской агрессией. Другие, наоборот, говорят, что помощь по ленд-лизу имела определяющее значение. Обе эти полярные точки зрения неверны: поставки не имели решающего значения, но без них СССР было бы гораздо труднее. Однако еще труднее было бы сражаться с врагом в политической изоляции, в которой находился Советский Союз непосредственно перед войной. Моральная поддержка союзников была не менее, а может, и более важна, чем танки и самолеты.

Победа под Москвой в корне изменила политическое положение Советского Союза. Ведущая роль нашей страны в борьбе против фашистской Германии и ее союзников была признана политическими руководителями крупнейших стран мира, а положение на советско-германском фронте стало центральной темой обсуждения во всех крупнейших газетах Америки и Великобритании. Приведем лишь некоторые.

15 декабря 1941 г. английская газета «Таймс» писала: «6 декабря Красная Армия дала особенное доказательство своей стойкости и выдержки, начав после такого жестокого испытания наступление по всему московскому фронту <...> Москва была высшим испытанием <...> Москва была состязанием, и русские показали себя лучше, чем противник. Это факт, который нельзя скрыть»⁹.

Американская газета «Стар» 16 декабря констатировала: «Успехи СССР, достигнутые в борьбе с гитлеровской Германией, имеют большое значение не только для Москвы и всего русского народа, но и для Вашингтона, для будущего Соединенных Штатов. История воздаст русским должное за то, что они не только приостановили молниеносную войну, но и сумели обратить противника в бегство»⁹.

19 декабря английская «Ньюс кроникл» отмечала: «Русское наступление на широком фронте продолжается. Оно превратилось в угрозу всем немецким армиям на Востоке, и эта угроза будет расти. Теперь стало совершенно ясно, что русское верховное командование навязывает свою волю противнику, выгоняя его с „заранее подготовленных позиций“, прорывая его „укороченную линию фронта“ во многих пунктах и угрожая немецким позициям от Ленинграда до Крыма.

Действительно, это поразительная победа оружия – гордый подъем духа и организованной силы. И это после пяти месяцев таких боев, которые только немногие армии в прошлом и в настоящем могли бы выдержать. После уничтожения громадного количества военных материалов всех видов, после потери богатейших сельскохозяйственных территорий и многих военно-промышленных районов важнейшего значения русские сохранили свою крепость и силу сопротивления и были в состоянии выбрать момент и ответить контрударом по наступающему врагу, заставив его отступать»⁹.

Наконец, 22 декабря «Таймс» признавала: «Не будет преувеличением сказать, что успехи, достигнутые русскими армиями на всем протяжении их огромного фронта, являются крупной победой, тем более замечательной, что она достигнута армиями, которые

в течение шести месяцев выдерживали натиск небывалого ожесточения самой могущественной военной машины из всех, когда-либо созданных „завоевателями мира“. Эта победа была достигнута благодаря искусству и выдержке русского верховного командования, стоическому героизму русского солдата и самоотверженности русского народа.

Битва на Восточном фронте является стержнем всей войны. В конечном счете все зависит от нее. Если военная сила Германии будет сломлена в России, то раньше или позже положение на других фронтах может быть восстановлено⁹.

Лидеры великих держав по поводу победы под Москвой также не скрывали ни своего восторга, ни удивления.

Например, в обзоре положения на фронтах, сделанном премьер-министром Великобритании **У. Черчиллем** и опубликованным 12 декабря 1941 г. в *«Дейли телеграф»*, говорилось: «Шесть недель или месяц тому назад люди задавали себе вопрос, будет ли взята Москва или Ленинград на севере или скоро ли немцы займут Кавказ и нефтепромыслы Баку. Мы должны были рассматривать вопросы о том, что мы должны делать, чтобы приготовиться оборонять длинный фронт от Каспийского моря до Средиземного.

С тех пор удивительная перемена стала очевидной. Теперь стала ясна огромная мощь русских армий, славная стойкость и энергия, с которой они оказывали сопротивление страшному натиску врага <...>

Его (Гитлера. – *Авт.*) армии везде остановлены. На большей части фронта он отступает, страдание его войск невозможно описать, потери огромны. Снег и пронизывающий ветер, дующий в заледенелых просторах, разрушенные города и деревни, длинные линии

коммуникаций, подверженные нападениям бесстрашных партизан, упорное и неослабевающее сопротивление, с которым Русские солдаты и русский народ защищают каждую улицу, каждый дом, каждый вершок своей земли, – все это нанесло немецкой нации такой урон, равного которому почти нет в истории войн⁹.

16 декабря **У. Черчилль** отправил личное послание И. В. Сталину: «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о Ваших замечательных победах на русском фронте. Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны»¹¹.

В тот же день написал Сталину и Президент США **Ф. Рузвельт**: «Я хочу еще раз сообщить Вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации. Позволяю себе надеяться, что предварительные конференции, намеченные мною на ближайшую неделю, приведут к установлению более постоянной организации для планирования наших усилий»¹¹.

Не менее интересно и то, что лидеры ведущих западных держав писали в этот период друг другу.

Так, в тот же день 16 декабря 1941 г. У. Черчилль в своем письме Ф. Рузвельту делал весьма любопытные признания: «Неудачи и потери Гитлера в России являются главным фактором в войне в настоящее время.

Мы не можем предсказать, насколько велико будет поражение немецкой армии и нацистского режима. До сих пор этот режим не испытывал особых трудностей и легко добивался успехов. Сейчас вместо быстрой и легкой победы, как сначала предполагалось, он встретился с потрясающим зимним поражением и потерей огромного количества горючего и военного снаряжения.

Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не сыграли какой-либо роли в этом событии, за исключением того, что мы непременно направили в согласованные сроки поставки, которые мы обещали. Только таким образом мы сохраним наше влияние на Сталина и сможем соединить громадные усилия русских с нашими военными усилиями»¹².

Московская битва имела и иные международные последствия, опреде-

лившие дальнейший ход Второй мировой войны: способствовала укреплению освободительного движения народов Европы против гитлеровской оккупации, привела к ослаблению блока фашистских государств. Потерпев поражение под Москвой, германское руководство лишилось доверия своих союзников: ни Турция, ни Япония не решились вступить в войну против СССР на стороне Германии.

Победа духа

Говоря о военных и политических последствиях Московской битвы, необходимо сказать и о самой главной победе. Это была победа духа.

Сегодня можно услышать много рассуждений и у нас, и на Западе, что немцы могли взять Москву, вот только немного не учли отдельные факторы: бездорожье, морозы, обильные снегопады и т. д. Но когда читаешь письма наших солдат и сравниваешь их с письмами солдат противника, то становится ясно: у немцев не было ни единого шанса.

В Обзоре материалов, захваченных частями 5-й армии на Можайском направлении с 20 по 31 октября 1941 г., сообщалось: «30.10.1941 г. нашими частями были захвачены письма солдат и офицеров дивизии, которые они не успели отправить на родину. Все письма датированы 26–27 октября 1941 г. <...> Солдаты в своих письмах отмечают огромные трудности в войне против Советского Союза и стойкость сопротивления частей Красной Армии. В своих письмах солдаты выражают надежду на скорое окончание войны и возвращение домой. Война надоела германской армии»¹³.

Вот только некоторые из десятков тысяч немецких писем, попавших в распоряжение советского командования.

Так, в донесении в Главное политуправление РККА на имя Л. З. Мехлиса приводился отрывок из письма, найденного 30 ноября 1941 г. у убитого немецкого солдата, имя которого не указывалось: «На улице страшный холод, русская зима вступила в свои права, немецкие солдаты очень плохо одеты, мы носим в этот ужасный мороз пилотки и все обмундирование у нас летнее. Каждый день приносит нам большие жертвы. Мы теряем наших братьев, а конца войны не видно и, наверное, не видеть мне его, я не знаю, что со мной будет завтра, я уже потерял все надежды возвращения домой и остаться в живых. Я думаю, что каждый немецкий солдат найдет себе здесь могилу. Эти снежные бури и необъятные поля, занесенные снегом, наводят на меня смертельный ужас. Русских победить невозможно...»¹³

6 декабря другой немецкий солдат, А. Фортгеймер, жаловался жене: «Дорогая жена! Здесь ад, русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать, каждый час приносит страшные для нас вести. Холодно так, что стынет душа. Вечером нельзя выйти на улицу – убьют. Умоляю тебя – перестань мне писать о шелке и резиновых ботинках, которые я должен был привезти тебе из Москвы. Пойми – я погибаю, я умру, я это чувствую!»¹⁴

Унтер-офицер Г. Буркенъ признавался в письме 14 декабря 1941 г. до-мой: «Относительно русских мы сильно просчитались. Те, которые с нами воюют, не уступают нам ни в одном роде оружия, а в некоторых и превосходят нас»¹⁵.

Совершенно иными по духу были письма советских солдат, написанные в те же суровые дни осени-зимы 1941 г. Приведу только один пример – письмо командира десанта моряков – защитников Москвы Георгия Лихоманова жене от 7 декабря 1941 г.:

«Дорогая Маша!

Вот я и на фронте. Уже слышу стрельбу в соседнем лесочке. Там наши моряки отбивают очередную атаку фашистов. Враг настойчиво рвется вперед. Но ты поверь мне, Москву мы не отдадим ни за что. Разгром врага под Москвой неминуем. Это будет началом его полного разгрома.

Перед нами стоит благородная задача очистить советскую землю от фашистских варваров, чтобы наши дети – будущее нашей Родины – жили спокойно и не знали, что такое война. Я уверен в нашей победе.

Мне скоро выпадет счастье бить врага.

Подвиг советских воинов получил высокую оценку Родины. «За образцовое выполнение боевых заданий в ходе Московской битвы и проявленные при этом доблесть и мужество 40 частям и соединениям, в том числе 14 стрелковым дивизиям, 3 кавалерийским корпусам, 2 бригадам морской пехоты, 5 танковым бригадам, 9 артиллерийским полкам, 6 авиаполкам, 1 полку связи, было присвоено гвардейское звание.

Более 1 млн защитников города награждены медалью „За оборону Москвы“ (учреждена в 1944 г.)

Свыше 36 тыс. воинов награждены орденами и медалями, а 110 из них удостоены звания Героя Советского Союза*.

К 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 8 мая 1965 г. Москве присвоено почетное звание „Город-герой“⁸.

Дорогая жена! Помни: в этой битве я либо буду героем, либо погибну за великое дело нашего народа.

Целую, твой Георгий»¹⁶.

После окончания Второй мировой войны многие немецкие генералы в своих мемуарах старались принизить победу советского народа, его солдат и полководцев, обвиняя в своих неудачах и поражениях «генерала Мороза» и «плохие русские дороги». Появилась даже такая шутка: «Немецкие генералы, проиграв войну на полях сражений, выиграли ее на страницах своих мемуаров».

Но вот что отвечал на их попытки оправдать себя прославленный маршал Г. К. Жуков: «Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых были их народ, столица, Родина»¹⁷. А известный английский военный теоретик Б. Гарт в своем труде «Стратегия непрямых действий», вышедшем вскоре после капитуляции гитлеровцев (1945 г.), писал: «Основное, что не поддается учету в войне, – это человеческая воля, которая проявляется в сопротивлении»¹⁸.

* Позднее, уже в наше время, еще 70 защитникам столицы было присвоено звание «Герой России».

Битва под Москвой была одной из крупнейших не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне. Именно она стала прологом победы советского народа, победы нашего оружия, нашего духа.

Одной из ярчайших страниц этой битвы стал военный парад 7 ноября 1941 г., показавший всему миру, что прифронтовая Москва сдаваться не намерена. Москва намерена победить. И победила.

Об этом всегда должны помнить и мы, наследники этой Победы, и те, кто сегодня очень хотел бы об этом забыть.

Примечания

- ¹ *Симонов К.* Июнь-декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М., 1985. С. 40–41.
- ² *Головков А.* С парада в бой // Псковская правда. 2010. 8 нояб. [Электронный ресурс]. <http://pravdapskov.ru/gubric/33/6731>
- ³ История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. М., 1967. С. 3.
- ⁴ *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года/ пер. с нем. М., 1980. С. 219.
- ⁵ Красная Поляна // Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 374.
- ⁶ Из сообщения Совинформбюро 12 декабря 1941 г. // Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12 т. Т. 2. Битва за Москву. М., 1984. С. 438.
- ⁷ История Второй мировой войны: 1939–1945. В 12 т. М., 1975. Т. 4. С. 283–284.
- ⁸ Московская битва // Военная энциклопедия. В 8 т. М., 2001. Т. 5. С. 264, 265.
- ⁹ Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 127, 129, 81.
- ¹⁰ Москва военная 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 184–185.
- ¹¹ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. М., 1976.. Т. 1. С. 47; М., 1976. Т. 2. С. 12.
- ¹² *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 6 т. М., 1991. Т. 3. С. 294.
- ¹³ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. М., 2001. Кн. 1. С. 909, 910.
- ¹⁴ Выстояли и победили. М., 1987. С. 41.
- ¹⁵ Разгром немцев под Москвой. Признания врага. М., 1943. С. 94.
- ¹⁶ Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941–1945). 8-е изд., доп. М., 1986. С. 61.
- ¹⁷ *Жуков Г. К.* Битва за Москву // Война. Народ. Победа. 1941–1945. Статьи, очерки, воспоминания. М., 1976. Кн. 1. С. 68–69.
- ¹⁸ Цит. по: Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12 т. Т. 2. Битва за Москву. М., 1984. С. 406.

Парад, который стал легендой*

Воспоминания и документы

Елена Сеньявская

Захватчики стояли у самых ворот столицы, им казалось, что Москва вот-вот будет взята. Гитлер на весь мир объявил, что 7 ноября устроит парад на Красной площади, что именно в этот день победоносные германские войска пройдут по еще одной покоренной столице Европы; уже были отпечатаны и разосланы пригласительные билеты. И парад состоялся. Но не гитлеровские, а советские войска прошли торжественным маршем мимо стен Кремля.

Это был необычный парад. Вся подготовка к нему проходила в обстановке строгой секретности. Членам Политбюро, секретарям ЦК, командующим родами войск и другим высшим военачальникам о предстоящем пара-

де было сказано только перед торжественным заседанием Моссовета по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, которое состоялось вечером 6 ноября 1941 г. в зале станции метро «Маяковская» вскоре после отбоя воздушной тревоги.

Командиры частей, принимающих участие в параде, о том, что он состоится, узнали в 23 часа. Для подготовки у них оставалась одна ночь. Чтобы ввести противника в заблуждение, парад назначили не на 10 час., как обычно, а на 8 час. утра. Поздно ночью началась раздача пропусков на Красную площадь. С 5 час. утра к Кремлю стали стягиваться колонны войск¹.

СЕНЯВСКАЯ Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, действительный член Академии военных наук. *E-mail:* senyavsky@mtu-net.ru

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военный парад 7 ноября 1941 г., Москва, Красная площадь, моральный дух народа и армии.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

«Такие меры секретности понятны. Если бы гитлеровцы узнали, что в Москве будет парад, что на трибуне Мавзолея соберутся все высшие руководители государства во главе с И. В. Сталиным, они не пожалели бы никаких усилий и пошли бы на любые жертвы, чтоб нанести бомбовый удар и уничтожить одним махом руководство страны. Немцы узнали об этом – но слишком поздно»².

Принимал парад заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза С. М. Буденный, командовал парадом командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П. А. Артемьев. После рапорта командующего парадом и объезда войск с речью к войскам и народу страны обратился Председатель Государственного Комитета Обороны, Верховный Главнокомандующий и нарком обороны СССР И. В. Сталин.

«Торжественный марш войск на Красной площади открыли курсанты артиллерийского училища. С развернутыми знаменами, под боевые революционные марши, исполняемые оркестром штаба МВО под управлением Василия Агапкина – автора знаменитого „Прощания славянки“, шли по главной площади страны артиллеристы и пехотинцы, зенитчики и моряки. Потом по Красной площади двинулись конница, знаменитые пулеметные тачанки, прошли танки Т-34 и КВ»³.

Всего в параде участвовало около 28,5 тыс. чел., 140 артиллерийских орудий, 160 танков и 232 машины⁴. Из-за плохой погоды (сильный снегопад, пурга, ограниченная видимость) в параде не приняла участия авиация, хотя было подготовлено 300 самолетов⁵. Время проведения парада, согласно расчету, составило 61 мин. 20 сек.

В те тревожные для страны и столицы дни репродукторы не выключались на ночь, по радиосети передавались важные сообщения, сигналы воздушной тревоги и отбоя. Поэтому около 8 утра во всех домах, на всех заводах и фабриках

из уличных репродукторов прозвучали привычные по прежним праздникам, но в тот день хоть и долгожданные, но неожиданные слова: «Говорят все радиостанции Советского Союза. Центральная радиостанция Москвы начинает передачу с Красной площади парада частей Красной Армии, посвященного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...»

На гостевых трибунах по обе стороны Мавзолея помимо рабочих и служащих находились аккредитованные в столице корреспонденты иностранных газет. Так что весть о параде разнослась по всему миру³. «В тот день в мире не было важнее новости, чем новость о параде. Москва стояла крепко, правительство не бежало на Урал, как об этом твердили вражеские распространители слухов, оно было в столице и твердо руководило обороной страны. Это несказанно радовало советских людей и наших друзей. А в стане врага было полное замешательство»⁶.

«Наш полк участвовал в параде, – писал своей подруге 7 ноября 1941 г. боец Евгений Хесин, добровольцем ушедший на фронт со студенческой скамьи. – День сегодня холодный, снежная пурга. Вышли мы в 5 часов утра, еще было темно и пусто на суровых улицах теperешней Москвы. Только флаги напоминали о празднике. Вообще, кроме флагов и нескольких портретов, ничего нет... Парад начался в 9 часов (мы здорово уже успели продоргнуть) речью Сталина, из которой я уловил лишь очень меткое сравнение с 1918 годом. Ну, а потом прошли мы мимо трибуны, где были Сталин, Буденный и другие»⁷.

Над Москвой нависли свинцовые тучи. Падал густой снег. А по площади шли бойцы в походной форме, в руках – винтовки, за плечами – вещевые мешки. Вслед за полками и батальонами, прибывшими с фронта, находившимися в Москве или направленными из фронтовых тылов для участия в параде, прошагал полк народного ополче-

ния. Прямо с Красной площади воины уходили на фронт. Это был парад мужества, отваги и веры в Победу. Парад-символ. Парад-легенда.

О том, как именно проходила подготовка к параду и какие чувства вызвал он у советских людей, свидетельствуют документы и рассказы очевидцев.

Парад 7 ноября 1941 года в воспоминаниях и документах

Наше дело правое – победа будет за нами!

*Из выступления И. В. Сталина
по случаю 24-й годовщины Великой
Октябрьской социалистической революции
на торжественном заседании Моссовета
с партийными и общественными
организациями г. Москвы.
6 ноября 1941 г.
Станция метро «Маяковская»*

Война дело трудное. Не только в бою. Не только в тылу. Но еще на одном участке – самом трудном. Это участок равно уязвимый и на фронте, и в тылу. Это участок сознания. Участок, который должен быть еще более неприступен, чем дот, еще более крепок, чем крепость, еще крепче защищен, чем форт. Ибо и враг, подбирающийся к нему, самый страшный: тот враг, который парализует деятельность. Сковывает холодом грудь. Останавливает биение сердца. Растерянность, сомнение, неуверенность. Не допускать этого врага в твердыни нашего духа, не допускать его до великого народного сознания.

Неуклонная вера в победоносность нашего правого дела – вот светоч той убежденности, вернейший залог победы, который приведет к ней. И на этом пути сверкают незабываемые слова Сталина.

Нам говорил Сталин. Из воспоминаний
кинорежиссера С. М. Эйзенштейна // Науч-
ный архив Института российской истории
РАН. Ф. 2. Разд. VIII. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–4.

Из воспоминаний командующего Московским военным округом генерал-полковника П. А. Артемьева

В последних числах октября, выслушав очередной доклад об укреплении Московской зоны обороны, И. В. Сталин поинтересовался, собираемся ли мы готовиться к параду войск московского

гарнизона в ознаменование 24-й годовщины Октябрьской революции. Сославшись на обстановку, я высказал сомнение в целесообразности проведения этого парада. Кроме того, участвовать в параде могла только пехота, так как артиллерийские части стояли на огневых позициях, а танков вообще не было в гарнизоне.

Указав на недооценку нами политической значимости этого мероприятия, И. В. Сталин приказал: парад 7 ноября провести, артиллерию с помощью начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника Н. Д. Яковлева найти, танки найти тоже. Было решено: о подготовке к параду никто, за редким исключением, не должен знать до исхода дня 6 ноября. Принимать парад было поручено С. М. Буденному. Командование парадом возлагалось на меня, предусматривались мероприятия на случай налета вражеской авиации на Москву во время парада.

На следующий день после этого разговора мы с А. С. Щербаковым стали поодиночке вызывать командиров частей, которые должны были участвовать в параде. В их число входили: батальон курсантов училища им. Верховного Совета РСФСР, Военно-политическое училище МВО, части одной из стрелковых дивизий, формируемой главным образом из призывников Москвы и области, стрелковый и кавалерийский полки дивизии НКВД им. Дзержинского, батальон бывших красногвардейцев – участников Октябрьской революции, два артиллерийских полка Московской зоны обороны, два танковых батальона из резерва Ставки и некоторые другие части. Мы сообщили командирам, что москвичам очень хочется посмотреть на воинские части, отправляющиеся на фронт. Поэтому Военный совет зоны предполагает примерно в середине ноября провести в районе Крымского моста небольшой военный парад. Так как времени остается очень мало, надо обратить особое внимание на строевую подготовку и стрельбу.

– Уж вы постарайтесь, товарищи, – говорил А. С. Щербаков командирам частей.

Битва за Москву. М., 1966. С. 116.

Из воспоминаний Маршала Г. К. Жукова

1 ноября 1941 г. я был вызван в Ставку.

И. В. Сталин сказал:

– Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Я ответил:

– В ближайшие дни враг не начнет большого наступления. Он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден по-

полнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов.

Как известно, в канун праздника в столице на станции метро «Маяковская» было проведено торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение. В выступлениях И. В. Сталина вновь прозвучала уверенность партии и правительства в неизбежном разгроме немецко-фашистских захватчиков <...>

*Жуков Г. К. Воспоминания и размышления.
В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 239.*

Речь И. В. Сталина на параде Красной Армии на Красной площади в Москве. 7 ноября 1941 года

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы.

Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неудачи, наша армия и наш флот героически отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна – вся наша страна, – организовалась в боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей стра-

ны находились в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, – мы ее только начали создавать, – не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну.

Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами фронт против немецких захватчиков.

Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании.

Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов.

Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентки. Не так страшен черт, как его малюют.

Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска?

Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона своих солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны.

Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще

несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей.

Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая.

Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина – вперед к победе!

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. , 1952. С. 37–40.

**Из записи беседы с комендантом г. Москвы
генерал-майором К. Р. Синиловым
и подполковником Гребенщиковым.
31 августа 1942 года.**

Тов. СИНИЛОВ. Когда готовились к параду, все казалось чрезвычайно сложным – время было такое, но когда это кончилось, сейчас кажется ничего особенного не было. В такой обстановке вообще никто не помышлял о параде, хотя народ чего-то ждал, гадали – будет или не будет парад. За несколько дней нам было известно о том, что предполагается парад. Его нужно было готовить так, чтобы об этом никто, не знал. Сложность вся заключалась в том, что мало времени было. Обычно на подготовку к параду затрачивалось в мирное время полтора-два месяца, а тут за несколько дней надо было подготовиться, и так, чтобы не знали, что это подготовка к параду. Даже непосредственные участники не знали, что они готовятся к параду.

Задача заключалась в том, что надо было специально готовить оркестры. Оркестров не было. Многие выехали. Нужно было их собрать, а раз собрать, то и какую-то задачу поставить. Части

в порядке усиления боевой подготовки готовились, а оркестрам надо было сказать, чтобы они разучивали марши, а не какие-то фокстроты, вальсы или увертюры.

Примерно в первых числах ноября было сказано командующим округом Артемьевым о том, что, возможно, будет парад. Я считал, что задача очень важная, ответственная и что время слишком ограниченное. В мирное время, в нормальных условиях немыслимо было думать о таких сроках. Но война со сроками не считается и поэтому задача должна была быть выполнена во что бы то ни стало. Все мысли, все действия были направлены к тому, чтобы подготовить [парад]. Я и бригадный комиссар Филинов чувствовали всю ответственность, знали, что это будет необычный парад. Он должен явиться особой демонстрацией, с тем чтобы показать здесь, в непосредственной близости к фронту, наши силы и показать врагу, на что мы способны.

Задача еще усложнялась тем, что раньше кадровые части готовились к параду, а тут не было постоянных кадровых частей. В параде участвовали части, которые не так давно формировались. Парад был подготовлен неплохо. В последнюю ночь было сказано командирам, которые участвовали в этом параде: состоится парад и вот ваше место для построения. В ночь с 6-го на 7-е каждый посмотрел свое место. В 2 часа ночи было сообщено, что парад начнется в 8 часов утра. Время с 2 часов ночи до начала парада потребовалось для того, чтобы командиры возвратились в части и вывели части на площадь.

На параде, как и в мирное время, были представлены все рода войск. Была предназначена и авиация к параду, но помешала погода. Принимали участие пехота, конница, артиллерия, танки различных систем, включая мощные танки КВ, моряки, войска НКВД и рабочие батальоны, которые тогда формировались. Было 20 с лишним батальонов. Единственно, чем внешне отличался парад, это отсутствие демонстрации. Чувствовалось, что это происходит в условиях войны, по всему: и по вооружению, и по обмундированию, и по той суровости, которая видна была у всех. Этот парад вызвал большой восторг у всего народа. В мирное время это было традицией, а во время войны он был неожиданностью и придал празднику большую торжественность. Подъем у народа и у войск был необычайный, какой-то суровый. Это, видимо, можно было объяснить обстановкой.

Прошло все хорошо. Не думали даже, что так пройдет. Несколько помешала, а вместе с тем и кое в чем поспособствовала погода. Если бы была хорошая погода, конечно, парад прошел бы еще лучше. Но выпал снег, метель была, все обледенело, скользко было, и все это создавало трудности. Но зато эта погода помогла тем, что воспрепятствовала налету. Мы, готовясь к параду, рассчитывали

на самое худшее. Поэтому были подготовлены средства ПВО – как пассивные, так и активные. Была подготовлена авиация для отражения возможного нападения.

Очень скользко было. Особенно это мешало артиллерии. Подъем на площадь тогда причинил много бед. Ночью все было посыпано песком, но утром поднялся ветер с метелью, выпал снег и пескa на подъемах не оказалось. Артиллерии на механической тяге было нелегко преодолевать этот подъем... Некоторые орудия и материальная часть буксовали. Пришлось живой силой оказывать содействие. Я поднялся на Мавзолей и доложил командующему Артемьеву, что материальная часть буксует и не может взять подъема. Тут же был Сталин и члены правительства. Мне было дано указание принять все меры, чтобы артиллерию протолкнуть. Это было сказано Буденным, Артемьевым, а они, очевидно, соответствующие указания получили. И артиллерия пошла. Выделили часть живой силы и кое-где прямо на себе выносили.

Точно так же с танками. Для некоторых танков создалась угроза на этих подъемах. Их пустили на больших скоростях, и они пошли. И то некоторые буксовали. У нас было необходимое количество тягачей и быстро принимались необходимые меры.

Трудно передать чувство, которое было тогда. Когда кончился парад, чувствовался небывалый подъем, восторг всего народа. Всем участникам парада была вынесена благодарность. Было дано распоряжение выдать народу по 100 г водки.

Я внизу пропускал парад, был и на подъемах, проездах, был у самого Мавзолея. Хотя у меня везде были поставлены ответственные люди, каждый знал, что ему делать, однако мне приходилось бывать всюду. Я разговаривал с командующим округом. Он выразил личное удовлетворение. Об этом параде можно было сказать очень многое. Можно было сказать о том, как переживал каждый из нас, о подготовке, о самом параде, о том, что после парада было. Я человек новый тогда был. Меня назначили 19 октября, так что времени было очень немного до парада. Люди, которые находились здесь по несколько лет и готовили в мирное время парады, не верили в это и после парада не могли понять, как это могло случиться, что в несколько дней подготовили парад, что он так хорошо прошел, без особых происшествий. Заявление, например, Гребенщикова, моего заместителя, который все парады раньше готовил. На этом параде на нем очень многое лежало.

В этот день не было налета. 6 ноября был налет серьезный.

До парада я получал много писем от народа. В них давались различные советы в организации порядка в городе, были различные предложения о том, как организовать оборону, какие средства использовать, проекты различные были. От некоторых писем веяло неуверенностью, в некоторых чувствовалось, что вряд ли мы мо-

жем удерживать Москву. В некоторых даже указывали, – правда, таких писем было очень немного, – чтобы не подвергать опасности детей и стариков, нельзя ли было бы вообще не удерживать Москву, не оказывать сопротивления. После парада я не получил ни одного такого письма. Наоборот, писали о том, что надо защищать Москву, силы у нас есть, уверенность у нас есть.

<...> Я сам показывал на параде место, где кто будет стоять. Предварительно надо было составить расчеты. Это было до 2 часов ночи. У нас и сейчас должен остаться план, схема, где кто стоял, какая часть, какое соединение. Вызывал я сюда командиров частей, в частности, был генерал-лейтенант Мишулин, генерал-майор Лебедев, генерал Марченко. Они приходили сюда дня за три до парада. Говорили с ними о подготовке, о том, чтобы меньше шума было.

Я выехал отсюда 7-го, в 6 часов. Темно было, метель. Еду и вот на Сретенке догоняю какую-то часть. Невозможно проехать. Все в снегу идут, ноги скользят, но чувствуется сила, подъем. Шагают очень хорошо, смело, уверенно. Москва еще спала. Тишина. Никто не подозревал, не думал, что будет парад. Выводили людей на Красную площадь с разных направлений за 8–10 минут до начала, чтобы они не находились долго на Красной площади. Больше всего тревожили танки, потому что они шума много делают. Я проехал по улице Горького. Танки стоят! От гостиницы «Москва» по улице Горького тянутся за площадь Маяковского. Никого нет. И вдруг стал показываться народ. Наши самолеты все-таки патрулировали, несмотря на такую погоду.

Подполковник ГРЕБЕНЩИКОВ. Парад был замечательный, несмотря на всю кратковременность его подготовки. Боевой парад был. Некоторые части прямо на фронт пошли после того, как посмотрели, послушали Сталина.

Обычно мы готовили парад полтора-два месяца и за полтора месяца уже рассылали частям приказ о том, что нужно готовиться, кто будет участвовать, сколько, где будут строиться, каким строем проходить, кто будет вести, как одеты будут, здесь же нам было известно буквально за два дня, а частям и этого не было известно. 6-го числа было приказано явиться сюда на инструктаж, дали указания, кто где будет строиться, когда проходить и т. д. Предварительно генерал вызвал их и сказал, что надо немножко подтянуться, но не было сказано, что это к параду. 6-го числа как раз мы созвали совещание и только его начали, как объявили о выступлении Сталина. Мы прервали совещание и прослушали речь. Люди как-то сразу иначе стали выглядеть.

На совещании были все командиры частей. Были генерал-лейтенант Мишулин, генерал-майор Лебедев, командир Московской ра-

бочей дивизии Кудряшев, командиры полков. Командирам частей были даны все указания. Время еще не было установлено. Они еще не знали, во сколько начнется парад. Было только сказано, что, возможно, он будет. И лишь ночью 7-го, в 2 часа, командующий известил нас лично, во сколько парад начнется. К площади подходили за 15–20 минут из казарм, а вытягивание на площадь было за 8–10 минут. Некоторые части даже за 2 минуты подходили. Буквально, встали – и начался парад.

Сам парад резко отличался от обычных парадов. Люди имели вещевые мешки с собой, походная форма была. Многие впервые были на этом параде. Очень многие никогда Сталина не видели, тем более не слышали. Сам торжественный марш описан в газетах. Прошел он выше чем на удовлетворительно, даже если придирааться, несмотря на то, что части не готовились. Обычно у нас ходят в строю по четверо, а здесь нужно было пройти по 20 человек – широким фронтом. Равнение трудно было держать, и, несмотря на это, части шли хорошо, и вид боевой был. Одеты были уже в зимнее обмундирование. Снег тут пошел. Он нам, правда, немножко мешал. Обычно мы линию намечали, а здесь ничего нет. Парад открылся, выехал Буденный. Сам командующий доложил о том, что войска Московского гарнизона в честь 7 ноября построены, объехал части и вернулся на Мавзолей. Затем Сталин начал говорить речь.

Я обычно исполняю обязанности стартера на выпуске частей, чтобы соблюдать их последовательность. Но тут все было на выпуске. Товарищ генерал несколько раз подходил, полковник Леонтьев, но я, как старый работник, возглавлял это дело. Я на другом фланге был, поэтому Сталина хорошо не видел, только слышал. Я как раз у Исторического музея был, откуда выходили части, даже те, которые стояли у Василия Блаженного.

Я уверен, что части, которые пошли на фронт, дрались в несколько раз лучше после того, как они услышали эту речь. После этого выступления появилась какая-то уверенность. Как ни говорите, противник был близко, всякие разговоры могли быть и т. д. А после этой речи как-то спокойней стало, уверенней. Выступления Сталина не ожидали. Сталин никогда не говорил на парадах. Это выступление было похоже на речь перед отправкой на фронт наших частей, особенно танкистов.

На параде был сводный танковый полк из нескольких частей – крупный, необычный полк. Это делалось для того, чтобы не мельчить. Машины были всяких наименований.

Я раньше себе не представлял, что можно за такой короткий период организовать такой парад. Раньше, например, академия у нас выходила, 5–10 парадов проводил начальник академии. Он все уже знает, у него каждый шаг размерен. Раньше командующий собирал всех, показывал: здесь будете стоять, здесь пойдете. Тут на

площади многие были впервые. Несмотря на это, парад прошел прекрасно. Длился он примерно часа полтора. Пехота прошла за 22 минуты, затем артиллерия.

Шли с улицы Куйбышева, часть с улицы Горького, с площади Революции. Мы обычно все ходы использовали, чтобы одновременно несколько частей заходило. Командующий не давал оценки парада, но после парада объявил благодарность всем частям. Это говорит за то, что парад удался.

Тов. СИНИЛОВ. Был один случай на параде. Парад уже кончался, шли последние два КВ. На этом парад должен был закончиться, они замыкали. И вдруг эти два танка, пройдя уже трибуну, повернули и пошли обратно. Это был случай исключительный, необычайный. Он взволновал нас, встревожил. В чем дело? Почему? Все шло хорошо – и вдруг два танка повернули обратно. Секрет заключался в том, что люди готовились для боя, и они были обязаны в случае получения по радио распоряжения о том, что остановился танк и требует помощи, где бы они ни находились, содействовать, помочь вынужденно остановившемуся танку. Так подготовлены были люди. И вот один танк не поднялся – скользко было, где-то забуксовал, остался, его не выпустили. Он по радио передал вынужденную остановку, а те, когда шли, получив это сообщение, забыли, что они на параде, думали, что в бою, и раз – повернули оказывать помощь вынужденно остановившемуся танку. Вот почему и получилась некоторая накладка на параде. Конечно, если бы они готовились к параду и думали только о параде, они этого не сделали бы. Но люди находились на параде, а думали о бое. Да и Сталин в выступлении призывал к этому, и они вернулись. Сначала думали их крепко наказать, но, когда все выяснилось, оказалось, наказывать не за что.

Конница у нас прошла лучше, стройнее, чем на параде до войны. Может быть, обстановка так подействовала. Шли они отлично. Самолеты готовы были лететь. Парад патрулировался, но в эту погоду ничего не было видно, только звуки были слышны. Только к концу парада погода немного улучшилась. Шел снег. От 6 до 7 часов была метель, да какая! Сильный ветер был. Мы сделали линию белую, но никаких линий не было видно, все замело. Эти линии мы провели в ночь с 6-го на 7-е, обычно же их наводили за неделю, а накануне подновляли. В мирных условиях кроме ежедневной подготовки с 5-го на 6-е или с 4-го на 5-е генеральная репетиция была. Прямо ночью тот же самый парад был в присутствии Буденного.

Днем 6-го числа я прослушал сыгранность оркестров в манеже, в Хамовниках Агапкин дирижировал. Часть маршей выбросил. Затем приехал Буденный, прослушал оставленные марши и те, кото-

рые были мной забракованы. Он согласился выбросить эти марши. Предупредил: может быть, потребуются.

Когда выехал командующий, я находился на левом фланге, если смотреть на памятник Минина и Пожарского. Он вышел от Никольских ворот, и его не видно было из-за снега. Он прошел значительное расстояние, и только тогда я его увидел, подал команду «Смирно», подошел с рапортом. Он вышел за пять минут и еще не все части вытянулись, а морячки немножко отстали. Я их подгонял. Это был флотский экипаж. Он тут же ушел на фронт.

Конница прекрасно прошла, пулеметные тачанки хорошо прошли. Несколько хуже прошли танки, потому что очень скользко было. В мирное время они поднимаются на определенной скорости, спокойно, а тут нужно было как можно быстрее идти, чтобы не забуксовать, а на большой скорости трудно держать равнение. С точки зрения подготовки условия были исключительно неблагоприятные. Коррективы внесены очень существенные этим парадом. Окажется, можно готовить парад в такой короткий срок.

После парада была объявлена благодарность всем участникам и выдали по 100 г. Люди выпили, пообедали и пошли на фронт. После парада произошел перелом в разговорах, настроениях, даже внешний перелом был заметен. То, что произошло в сознании, внутри каждого, нашло отражение в поведении. 7-го и в последующие дни народ стал совсем иным: веселый, смеющийся, жизнерадостный, улыбающийся, особая твердость появилась, уверенность. А до этого, прямо надо сказать, была некоторая молчаливость, а у нас это выражалось, помимо всего, в письмах. После парада был необыкновенный подъем, и эти люди убедились, что вряд ли их паршивенькие письмишки будут иметь какое-либо значение, поэтому таких писем не стало.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. X. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2, об.

Из справки-доклада военного коменданта г. Москвы генерал-майора К. Р. Синилова о прохождении парада 7 ноября 1941 года.

1. Объезд войск – 5 минут.
 2. Речь – 5 минут.
 3. Салют – 1 минута 20 секунд.
- Прохождение:*
4. Пехоты – 30 минут.
 5. Конницы – 3 минуты.
 6. Артиллерии на мехтяге – 5 минут.
 7. Танков – 10 минут.
- Всего: 1 час 1 минута 20 секунд.

Участвовало:

пехота – 69 батальонов, 19 044 человека;

ополченцы – 20 батальонов, 5520 человек;

конница – 6 сабельных и 1 тачаночный эскадроны, 546 человек;

танки – 146 единиц, 480 человек;

артиллерия – 140 орудий, 216 человек.

Парад, удививший мир // Ветераны
Отчизны. [Электронный ресурс]. [http://
www.veteranland.ru/index_sect2_9.html](http://www.veteranland.ru/index_sect2_9.html)

Из записи беседы с работником Сокольнического вагоноремонтно-строительного завода (СВАРЗ) П. С. Барковым. Сентябрь 1942 года

Я уверен: пройдет много лет, но мы, москвичи, которым выпало счастье присутствовать на торжественном заседании о ноября и на параде 6 ноября 1941 г., никогда не забудем этих дней. <...> Никогда не забудется особая торжественность и суровость этого первого парада периода войны.

1 мая 1941 г. я также был на Красной площади и теперь мог сравнить эти два парада. В рядах проходивших войск было больше деловитости, точно люди шли не на парад, а на боевое задание: взяли нужное оружие, оделись поудобней и пошли, не торопясь, но и не медля, обычным скорым шагом.

Незабываемо это утро: ряды защитников Родины, их строгие лица, мягкий снежок на шлемах и шапках и горячие слова Сталина, звучащие с Мавзолея над площадью, над Москвой – на весь мир.

Когда Сталин сказал, что враг не так силен, как его изображают перепуганные интеллигентники, что не так страшен черт, как его малюют – усмехнулась вся площадь. У меня, как и у всех, кто был на площади, сердце билось огромной гордостью. Я думал: вот рядом, под Москвой идут бои и многие из участников парада завтра будут драться с врагом. Враг напрягся до последнего. Он лезет на нашу Москву. А мы близ фронта организовали парад и не допустили ни одного самолета до столицы.

Тов. Сталин напомнил нам имена великих русских полководцев. И они прозвучали как призыв, как клич на борьбу за уничтожение оккупантов.

Взволнованные, возвращались мы с Красной площади.

Мы слышали Сталина. И мы понесли отсюда в дома и на заводы великую веру в силу советского народа, нашу уверенность в победе над озверелым врагом.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. X. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–54.

Из записи беседы с секретарем парткома комбината
«Трехгорная мануфактура» В. А. Колосовой.
21 сентября 1942 года

<...> Перед тем как мы поехали на торжественное заседание, нам в райкоме партии сказали, чтобы мы сюда и вернулись. Мы думали: что может быть еще? После концерта направились в райком: я, директор, затем товарищи с Красной Пресни, с завода «Лакокраска». Думали: что такое еще будет? Приходим мы к секретарю райкома т. Уколину, и он нам вручает билеты на завтрашний парад – мне, директору и главному инженеру. Нам сказали, чтобы мы никому ничего не говорили, чтобы это оставалось в тайне. Мы обменялись мнениями только с главным инженером. Из райкома шли пешком, пришли только в 2 часа и сразу легли спать. Утром рано мы поднялись, часов так в 6, боялись, как бы не опоздать, как бы прийти первыми, чтобы занять места получше.

Пошли. Снег уже тогда начал падать. Нас не пускают – рано. Толкались мы, может быть, минут 45, потому что таких «первых», как мы, еще набралось много. Потом на площади дожидались минут двадцать.

Когда мы пришли на площадь, был там уже духовой оркестр, стояли войска. Затем выходят на трибуну все наши вожди. Здесь тоже аплодисменты раздались со всех сторон. Мы стояли очень хорошо, всех видели: были места в первом ряду, близко к трибунам.

Впечатление было опять очень большое. Затем началась между нами дискуссия, какие войска пойдут. Мы видели танки, танкетки, броневики, видели пехоту, морскую пехоту. Затем там стояла кавалерия.

Парад принимал Буденный. Он выезжал из Спасских ворот на своем коне. На нас произвел большое впечатление Шапошников. Он прошел мимо нас, шел тихо по состоянию своего здоровья. Здесь и остановился, недалеко от нас. После рапорта прогремело ура, такое перекаत्याющееся, началось вдаль и потом все ближе и ближе – очень красиво было. И потом салют в Кремле.

Началось выступление т. Сталина. Оно было очень четко слышно, так как были большие усилители. Слушали чрезвычайно внимательно. Я смотрела на публику – кто как реагирует. Войска стояли как мертвые, не шелохнувшись, каждый боец слушал речь с большим вниманием и переживал это с большим волнением, как и весь народ.

Когда стихли аплодисменты после речи т. Сталина, начался парад. На меня особенно сильное впечатление произвели партизаны, ополчение, затем морская пехота, танки. Но все ждали самолетов, а их не было. Нет-нет да и посматривали, не покажутся ли

из-за Исторического музея самолеты, не вынырнут ли наши «ястребки» со своей смелостью и вольностью в полете. Но авиации не было, говорили, что это из-за метеорологических условий.

В общем, впечатление было громадное, так как парада никто не ожидал. Нужно сказать, что показали большую силу. Ведь идет война, а армии прошло очень много. Недели две я жила под впечатлением.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. X. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9.

Из обзора корреспонденции, обработанной военной цензурой г. Москвы и Московской области с 1 по 15 ноября 1941 года

№ 1/1155

18 ноября 1941 г.

Совершенно секретно. Лично

Пунктами военной цензуры г. Москвы и Московской области с 1 по 15 ноября 1941 г. обработано 2 626 507 штук корреспонденции, или 100% к поступившей.

Из этого количества конфисковано 3214 штук и частично вычеркнут текст в 30 532 документах.

Просмотренная корреспонденция в абсолютном своем большинстве отражает положительные настроения населения.

В 75% обработанных документов отмечен особый подъем настроения, вызванный выступлением т. Сталина.

Москва, 1 п/отделение. До востребования. Величко М. Г.: «<...> Несмотря на близость фронта, Москва празднует великий праздник. 6.XI.41 г. состоялось заседание, где выступал с докладом великий Сталин. 7.XI.41 г. рано утром, состоялся замечательный воинский парад на Красной площади. Выступление т. Сталина с огромной убедительностью звучит о неизбежном разгроме гитлеровской Германии, о скорой победе нашей великой Родины <...>» (12.XI.41 г. Величко М.)

П/п ст. 1485, штаб армии, отдел 14. Попову Л. Н.: «<...> Слушали т. Сталина, и, знаешь, при всей трудности и грозности нашего положения, при неизбежности еще очень и очень тяжелых дней стало как-то легко, когда раздался голос т. Сталина. Он особенно успокоительно действует; при мысли, что с нами в Москве т. Сталин, сделалось легко и не так страшно <...>» (13.XI.41 г. Москва, 6-я Звенигородская ул., д. 8, кв. 6. Хаев В. Н.)

ДКА, 500 п/п, п/я 13. Кутузову Ф. С.: «<...> 6 ноября мы, москвичи, слушали речь нашего великого вождя т. Сталина, мы его

с воодушевлением слушали и надеемся, что враг будет разбит и победа будет за нами. И ты, родной мой, будь храбрым воином, береги священную землю нашего советского народа, не давай врагам пощады <...>» (11.XI.41 г. Москва, 48, Б. Пироговская, 51, кв. 409. Орлова.)

Боец действующей армии Шапиро А. В. (736-я полевая почтовая станция, п/я № 2) в письме от 7.XI.41 г. к жене, Шапиро Людмиле Никитичне, проживающей в Челябинске, по улице Ленина, писал: «<...> Слушал доклад великого Сталина. Трудно описать тебе радость, когда услышал голос родного и любимого вождя и Учителя. Ни разрывы снарядов и мин не могли помешать нам слушать этот замечательный доклад <...>»

Наряду с этим отмечены факты отрицательных настроений, связанные с затруднениями подыскания работы, снабжения продуктами питания и эвакуацией <...> Продолжает также поступать корреспонденция, в которой сообщается о закрытии 16 октября с. г. в г. Москве и области ряда предприятий. Таких документов было конфисковано 1670 <...>

Заместитель начальника Управления НКВД МО
майор государственной безопасности
Лынько.

Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 158–160.

Вместо заключения

Сегодня 7 ноября вновь включено в перечень праздничных дат нашей страны, хотя и в ином, нежели в СССР, качестве, – не как годовщина Октября 1917 года, а как День воинской славы России с точной формулировкой: «День проведения военного парада на Красной площади в г. Москве в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.)»⁸. Это название было установлено Федеральным законом РФ от 29 декабря 2004 г. № 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона „О днях воинской славы (победных днях) России“»⁹.

В первоначальной редакции упомянутого Федерального закона РФ № 32-ФЗ от 13 марта 1995 г. 7 ноября значилось как «День освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (1612 год)»¹⁰. Эта вынужденная поправка, внесенная через 10 лет, свидетельствует о том, что попытка новой власти стереть из сознания и исторической памяти народа подлинный смысл этой даты так и не удалась. А отмечание освобождения Москвы от польских интервентов в далеком XVII в. тем же законом 2004 г. отодвинули на 4 ноября – объявив новый праздник День народного единства.

Вновь вспоминаются слова великого советского режиссера Сергея Эйзенштейна, написанные о тех памятных ноябрьских днях 1941 г. и поставленные в эпи-

граф к данной публикации. Это слова о самом страшном враге, подбирающемся к народному сознанию. Слова о том, что нельзя допустить этого врага «в твердыни нашего духа». Потому что «фронт не только там, на западе. Фронт – в каждом из нас»¹¹.

Тогда, в 1941 г., в самые тяжелые для Родины дни наш народ выстоял духовно, сделав первый и решительный шаг к Великой Победе, – оттуда, с заметенной снегом брусчатки Красной площади, с памятного парада 7 ноября.

Выстоим и теперь. Надежда есть, пока жива наша память.

Примечания

- ¹ Черноусов Б. Н. Москва сражающаяся // Война, народ, победа. 1941–1945. Статьи, очерки, воспоминания. М., 1976. Кн. 1. С. 82–83.
- ² Суворцев А. Парад, удививший мир // Ветераны Отчизны. [Электронный ресурс]. http://www.veteranland.ru/index_sect2_9.html
- ³ Дни воинской славы. [Электронный ресурс]. <http://www.sc45-nor.narod.ru/obg1.htm>
- ⁴ Парад 7 ноября 1941 года. // Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 527; Военная энциклопедия: в 8 томах. М., 2002. Т. 6. С. 256.
- ⁵ Кочуков А. Легендарный парад // Красная звезда. 2001. 6 нояб.
- ⁶ Праздник 7 ноября – День воинской славы России. День проведения военного парада на Красной площади в г. Москве в ознаменовании 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.). [Электронный ресурс]. <http://www.inmoment.ru/holidays/day-carrying-out-military-parade.html>
- ⁷ Музей боевой славы Исторического факультета МГУ. Личный фонд Е. Хесина-Лурье.
- ⁸ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изм. от 22 августа 2004 г., 29 декабря 2004 г., 21 июля 2005 г., 15 апреля 2006 г., 28 февраля, 24 октября 2007 г., 10 апреля 2009 г., 31 мая 2010 г., 23 июля 2010 г., 29 ноября 2010 г.). Действующая редакция. // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=107343>
- ⁹ Федеральный закон от 29.12.2004 № 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона „О днях воинской славы (победных днях) России“» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=50974#p22>
- ¹⁰ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных Днях) России». Недействующая редакция // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=5978#p23>
- ¹¹ Нам говорил Сталин (из воспоминаний кинорежиссера С. М. Эйзенштейна) // Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. VIII. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–4.

**Подписка на 2012 г.
на журнал «Обозреватель – Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
36789 – на год**

НАТО: вымыслы и реальность

Владимир Штоль

В последнее время среди определенной части российского общества распространяется мнение, что НАТО сейчас никакой угрозы для России не представляет, а муссирование темы о натовской угрозе – это чуть ли не полная некомпетентность некоторых наших экспертов, которые якобы не имеют ни малейшего представления о возможностях натовской и отечественной боевой техники, потенциале группировок сторон в Европе, развитии военной мысли и т. п.

При этом эти так называемые «специалисты» ссылаются на то, что НАТО:

- сокращает свою группировку в Европе в течение всего периода после окончания холодной войны, уже доведя ее до состояния небоеспособности (что и было продемонстрировано в Ливии), а впереди еще новая серия масштабных сокращений;

- не разворачивает сил в передовых (т. е. приграничных с Россией) районах, базы в Восточной Европе существуют только в воображении «штатных пропагандистов Кремля» и обманутых ими обывателей;

- не проводят учений, которые по масштабам и сценарию можно было бы истолковать как подготовку к агрессии против России.

Посмотрим, так ли это.

Необходимо помнить, что на сегодня НАТО – это мощный геополитический и силовой фактор, определяющий безопасность у российских границ. И с этим нельзя не считаться.

28 стран-участниц альянса занимают территорию 23,4 кв. км, на которой проживает в общей сложности 843 млн чел. На эти государства приходится свыше 64 % мировой промышленной продукции и около 73 % мировых «прямых» военных расходов.

Альянс объединяет высококомобильные и совместимые во всех отношениях вооруженные ресурсы стран-участниц, а также их политико-дипломатические и военно-разведывательные потенциалы.

Традиционно сильной стороной НАТО является система штабного планирования, оперативная и лингвистическая совместимость выделяемых для об-

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор. E-mail: observer@nasled.ru

Ключевые слова: НАТО, МООНТ, сетцентрические войны, концепция быстрого глобального удара.

щих операций контингентов, обмен опытом оборонных реформ, единые стандарты вооружений, организация вооруженных сил на основе принятой в НАТО концепции **Многонациональных объединенных (межвидовых) оперативно-тактических групп** (МООТГ).

Принятие этой концепции в 1994 г. было обусловлено внутренней реорганизацией Североатлантического союза, сокращением его вооруженных сил, а также тем, что в соответствии с адаптированным Договором о вооруженных силах в Европе большая часть сил НАТО в мирное время была передана в полное подчинение национального командования соответствующих стран.

В результате сейчас НАТО не имеет собственных независимых вооруженных сил, а большинство так называемых сил (войск) НАТО составляют национальные формирования, которые могут передаваться в подчинение военного командования НАТО в специфических обстоятельствах в соответствии с процедурами, согласованными странами-членами заранее.

Таким образом, НАТО сейчас обладает тщательно отработанной штабной и командной структурой (штабами различного уровня), роль которых заключается в обеспечении перспективного планирования, разработке стандартов обучения и стратегии, необходимых для того, чтобы дать возможность национальным силам выполнить новые задачи – от коллективной обороны до поддержания и сохранения мира; помочь им в проведении организационных мероприятий (преобразований), необходимых для их совместного обучения и тренировок, командования и управления.

Предпринятые меры позволили руководству НАТО существенно (почти в два раза) уменьшить коли-

чество штабов и других органов управления и одновременно создать более гибкие и эффективные оперативные формирования на многонациональной основе.

Неотъемлемой частью трансформации военного потенциала НАТО явилось создание Сил реагирования НАТО (СР НАТО), которые состоят из компонента сухопутных войск численностью до бригады для выполнения задач силового вторжения, военно-морской тактической группы в составе боевой авианосной группы, амфибийной тактической группы, боевой группы надводных кораблей, компонента военно-воздушных сил, способного выполнить 200 боевых вылетов в сутки, а также компонента сил специального назначения.

В их боевой состав входят передовые в технологическом и организационно-штатном отношении гибкие, готовые к быстрому развертыванию и совместимые в оперативном плане подразделения, способные автономно устанавливать связи, развертывать передовые отряды в пятидневный срок и полагаться на собственное тыловое обеспечение без дополнительной поддержки в течение 30 дней. Эти силы не являются постоянными. Они формируются из подразделений, выделяемых государствами — членами альянса по принципу ротации на определенные сроки и прошедших совместную боевую подготовку и аттестацию. Они могут решать соответствующие задачи самостоятельно или в рамках крупной группировки войск, участвуя в выполнении всего круга задач, поставленных перед Объединенными вооруженными силами НАТО.

Анализ военной составляющей деятельности блока свидетельствует о том, что вооруженные силы альянса на основе прогнозов и планов развития целеустремленно готовятся к принци-

пиально новым формам и способам ведения войн будущего. Практика участия НАТО и отдельных государств-союзников в войнах против Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии, направленность подготовки войск и программы вооружения подтверждают это.

В НАТО на системной основе непрерывно ведутся военно-научные исследования по оценке и предвидению вызовов и угроз, характера вооруженной борьбы будущего. Постоянно осуществляется оперативная трансформация полученных результатов в практические меры по реформированию вооруженных сил.

Например, важной в этом отношении является **концепция сетецентрической войны**, представляющая сетевую модель организации и ведению военных действий, суть которой в том, что в центре внимания командования находятся не «боевые платформы», а сеть. При этом в понятие «сеть» вкладываются не просто компьютеры, объединенные в единый комплекс, а сети управления, разведки и связи; боевые сети высокоточных средств поражения; сети боевого и тылового обеспечения; оргштатные сети подразделений, частей, соединений; военные «социальные» сети, объединяющие офицеров и солдат, военных и дипломатов, войска и население.

На основе опыта войн на рубеже XX и XXI вв. предполагается, что в агрессии против государства-жертвы будут реализовываться преимущества от внедрения сетецентрических принципов и технологий, а сама агрессия будет строиться в два этапа.

На первом этапе будут наноситься высокоточные воздушно-космические удары на всю глубину территории страны. США уже сейчас способны пускать до тысячи крылатых ракет в сутки. И это не считая боевых возможностей ударной авиации ВМС и ВВС.

В качестве целей для поражения будут выбраны жизненно важные объекты государства-жертвы. Кстати, именно по этой схеме наносились удары по Югославии (1999 г.).

Цель первого этапа – полная дезорганизация системы государственного и военного управления; ослепление систем разведки и ПВО страны; деморализация населения и паника; дезорганизация военных мероприятий государства-жертвы.

Второй этап предусматривает наземное вторжение, которое может быть начато только в случае признания его целесообразности. По сути, это будет зачистка местности. Предполагается, что при этом вторгшиеся войска не будут вести классические боевые действия. Напротив, они должны избегать прямого столкновения, т. е. становится реальностью бесконтактная война.

В США и других странах НАТО уделяется очень серьезное внимание внедрению сетецентрических подходов в практику строительства и применения вооруженных сил.

Только в сухопутных войсках США на эти цели уже потрачено 230 млрд долл.

Принципы сетецентрических операций отработаны армией США в Югославии, Афганистане и Ираке и заложены в **концепцию «быстрого глобального удара»** (БГУ), утвержденную в январе 2003 г. президентом США Дж. Бушем, которая предусматривает нанесение короткого (в течение 4–6 час.) удара десятком тысяч ракет. Спрашивается, по кому?

Более того, уже в августе 2009 г. было объявлено о начале функционирования в США Глобального ударного командования ВВС США (*Air Force Global Strike Command – AFGSC*), в сферу ответственности которого кроме операции БГУ с 1 декабря того же года вклю-

чено применение 450 межконтинентальных ракет наземного базирования и частей стратегической авиации.

Не должно быть никаких заблуждений и относительно американско-натовских программ и состава наличных сил.

К примеру, по данным СМИ, в 2014–2015 гг. в распоряжение Пентагона могут поступить новые виды вооружений, способные выполнять боевые задачи БГУ.

Более того, Пентагон определил, что на период действия «Перспективной программы обеспечения обороноспособности на 2011–2015 гг», вооруженные силы США, несмотря на обещанный вывод войск из Ирака и Афганистана, не будут сокращаться и будут иметь в своем составе: сухопутные войска – 74 бригадные боевые группы (из них 46 в регулярных войсках и 28 в резервном компоненте); военно-морские силы – 10–11 авианосцев, до 88 крупных надводных боевых кораблей и до 60 ударных подводных лодок (ПЛ), в том числе 4 ПЛ с крылатыми ракетами; военно-воздушные силы – до 29 боевых авиакрыльев, 30–32 авиакрыла транспортной авиации и дозаправки в воздухе и около 14 авиакрыльев различного назначения, а также корпус морской пехоты и другие войска специального назначения.

А куда, например, командование НАТО может двинуть из Европы более 20 тыс. танков, 30 тыс. боевых бронированных машин, 20 тыс. артсистем различного назначения, около 7 тыс. самолетов тактической авиации (в том числе с ядерным оружием), 2 тыс. боевых вертолетов?

Против кого нацелена вся эта громадная сила? Не скажете? Нет?

Ко всему этому следует добавить, что и другие ведущие страны НАТО (Великобритания, Франция, Германия) продолжают удерживать предкризисную

планку военных расходов в ВВП. Натовская Европа по-прежнему продолжает широкое производство основных боевых танков, замену парка истребителей-бомбардировщиков и ввод в строй новых боевых кораблей.

Ко всему прочему, США и все их партнеры по НАТО, являющиеся участниками Договора по обычным вооружениям в Европе, до сих пор не ратифицировали этот важный международный документ по контролю над обычными вооружениями и допускают значительные превышения общих и фланговых лимитов по пяти видам военной техники (основные боевые танки, боевые бронированные машины, артиллерийские системы крупного калибра, боевые самолеты и вертолеты) в среднем на 24%. В этом Договоре до сих пор не участвуют такие «новобранцы» НАТО, как Латвия, Литва и Эстония, хотя активно сотрудничают с вооруженными силами блока.

Что касается второго тезиса о том, что НАТО не разворачивает сил в приграничных с Россией районах, то это, наверное, опять только в умах внештатных обеливателей деятельности НАТО.

А как тогда можно рассматривать недавно ставший известным натовский план «Орел-защитник», содержащий комплекс мероприятий, которые НАТО готовится осуществить в отношении Польши и стран Балтии в неких чрезвычайных обстоятельствах?

Схема, выстроенная в этом плане, предполагает, что в случае угрозы возникновения военного конфликта на территории Польши и стран Балтии на первом этапе будут задействованы воинские контингенты из состава натовских сил реагирования, время развертывания которых составляет до 30 суток. Затем, по мере необходимости,

будут привлекаться части из состава германо-датско-польского армейского корпуса (штаб находится в Щецине, Польша) и (или) объединенного армейского корпуса быстрого развертывания НАТО (Рейндален, ФРГ).

Всего в боевых действиях могут быть задействованы девять дивизий НАТО – американские, германские, британские и польские. В северные польские и немецкие порты будут отправлены военные корабли США и Великобритании с морской пехотой на борту. Кроме того, планом также предусмотрено проведение в период 2011–2015 гг. на территории Польши, Литвы, Латвии и Эстонии комплекса мероприятий по модернизации военной инфраструктуры с тем, чтобы иметь возможность приема значительных и разнородных сил объединенных вооруженных сил НАТО.

И как бы в дополнение к плану появилась договоренность между Варшавой и Вашингтоном о размещении на польской территории американских ВВС. Согласно этому в 2012 г. начнется переброска в Польшу с авиабазы НАТО в итальянском Авиано американских истребителей-бомбардировщиков F-16 (предположительно 1–2 эскадрильи, что составляет 24–48 самолетов) и военно-транспортных самолетов C-130 «Геркулес».

И дело здесь не в том, в чьих умах существуют или не существуют военные базы НАТО в Восточной Европе.

Размещение указанных самолетов в Польше подрывает доверие и стабильность в Европе. Даже если из Италии в Польшу будет перебазирована только одна эскадрилья F-16, в которой 24 самолета, то это будет уже значительной силой, ибо опыт боевого применения указанного самолета связан прежде всего с нанесением ударов по наземным целям (возможно, и ядер-

ным оружием). Поэтому его появление у границ России может быть связано с решением конкретной задачи: с одной стороны, уничтожением ракетных комплексов в Калининградской области путем нанесения ракетно-бомбовых ударов, а с другой – освоением летным составом соответствующего театра военных действий.

Более того, размещение на территории Польши самолетов F-16 с радиусом боевого применения свыше 1300 км без дозаправки в воздухе создаст для НАТО условия для нанесения ударов с воздуха обычными средствами поражения по центрам государственного и военного управления России, а также по позициям стратегических ядерных сил в Европейской части России.

Могут сказать, что стоит ли обсуждать это, ибо речь идет всего об 1–2 эскадрильях? Сразу отметим: да, безусловно, нужно, так как когда вопрос стоит об определении внешних угроз безопасности государства, то важны возможности противостоящих сторон. В данном конкретном случае на базе этих частей можно создать инфраструктуру, которая позволит в любое время нарастить ударную группировку натовской авиации.

Еще более широкий размах приобретают действия НАТО по практическому освоению территории Прибалтики в интересах ведения современной войны.

Так, в прошлом году в регионе была проведена серия как бы разрозненных военных учений и маневров вооруженных сил НАТО.

Однако если их проанализировать в плане замысла и содержания, то перед нами четко предстанет картина вооруженного конфликта НАТО с неким государством «Сандора», обладающим большими запасами природных ресурсов.

Так, с 12 по 24 апреля 2010 г. были проведены учения ОВВС и ОВМС НАТО «Бриллиант маринер».

Практически одновременно с ними (19–30 апреля 2010 г.) проходили учения систем управления и связи НАТО «Стедфаст катод». Местом проведения всех этих учений стала акватория Северного и Балтийского морей; замысел – проведение стратегической наступательной воздушно-морской операции против того самого «надуманного противника», когда нетрудно догадаться, о ком идет речь.

Фаза наземной операции (переброска, прием и развертывание войск НАТО в странах Балтии) отрабатывалась в ходе компьютерных командно-штабных учений (КШУ) «Стедфаст мув» (10–14 мая), КШУ «Балтик Хост» (31 мая – 5 июня) и учения ОВМС НАТО «Балтопс» (7–18 июня).

В учениях была практически задействована вся инфраструктура прибалтийских государств, а именно: порты и аэродромы, железные и шоссейные дороги, полигоны.

Итог же года подвели маневры «Сейбр Страйк» (18–31 октября), во время которых были практически отработаны вопросы стратегической перегруппировки войск США в страны Балтии.

Не менее насыщенным обещает быть в этом плане и нынешний 2011 г.

Можно, конечно, принимать к сведению заверения руководителей альянса об отсутствии у НАТО агрессивных намерений.

Однако намерения – категория переменчивая, а потенциал ОВС НАТО неуклонно наращается и совершенствуется.

Об этом говорится и в принятой в конце 2010 г. новой Стратегической концепции блока.

В частности, в ней отмечается, что НАТО обладает уникальным и действенным набором политических и военных средств для преодоления кризисов любого характера, включая единственную в своем роде способность развертывать и обеспечивать мощные воинские силы в зоне боевых действий.

Поэтому России никогда не стоит забывать, что НАТО – это не благотворительный фонд, а мощная военно-политическая организация со всеми вытекающими из этого последствиями, и относиться к ней надо подобающим образом. Как предостерегает российскую дипломатию и ведомства, ответственные за формирование политики в сфере национальной безопасности, академик Е. М. Примаков, «США и НАТО – не бумажный, а настоящий тигр».

Так, уже прошли командно-штабные учения «Балтик Хост-2011» (4–8 апреля) по приему и размещению многотысячной группировки войск НАТО в странах Балтии, учение объединенных ВВС и ВМС НАТО «Джойнт Уориор-2011» (4–15 апреля) и учение ОВС НАТО «Викинг-2011», в которых было задействовано более 8 тыс. чел., 40 самолетов и 40 боевых кораблей.

Все эти учения наглядно подтверждают масштабность мероприятий по освоению альянсом Балтийского театра военных действий.

На лето и осень были запланированы еще учения – «Балтопс» и «Сейбр Страйк». Кстати, в ходе последнего отрабатываются отдельные вопросы размещения на территории стран Балтии контингентов ОВС НАТО.

А еще утверждают, что никаких учений НАТО не проводит. Приведенные факты свидетельствуют о том, что мантра «об угрозе России со стороны НАТО» является не такой уж абсурдной, и в этом случае надо реагировать не на намерения, а на возможности.

Куда идет тунисская «революция»?

Жаркое лето после бурной весны

Мария Видясова

Новые массовые движения в арабских странах: общее и особенное

Тунис был той страной, где 17 декабря 2010 г. вспыхнули массовые волнения, которые в начале следующего года охватили почти весь арабский мир. Одни называют их серией «первых народных революций XXI в.», другие «пробуждением Арабского Востока» или «Арабской весной», третьи «молодежными революциями» или «*Facebook revolutions*», «*Twitter revolutions*», имея в виду исключительно высокую роль информации, передававшейся по социальным сетям. Передававшейся мгновенно, в обход официальных СМИ, и собиравшей народ на площадях, где звучало требование «Уходи!», обращенное к президентам с «непрерывным стажем» от 23 до 30 лет: Зину аль-Аби-

дину Бен Али (Тунис), Хосни Мубараку (АРЕ), Али Абдалла Салеху (Йемен), а также к Башару Асаду (10 лет президентства «по наследству», Сирия) и полковнику Муаммару Каддафи – «лидеру ливийской революции».

Тем, кто следил за событиями по телевидению, запомнилось его появление 25 февраля 2011 г. на Зеленой площади в Триполи не в привычных для него фуражке или чалме, а в шапке-ушанке с кожаным верхом. Говорил он с высоты старой крепостной стены, целовал свою «Зеленую книгу», обличал итальянский империализм былых времен. Он заявил, что он сам всецело с молодежью, и велел ей «веселиться, петь и плясать на улицах».

Гражданская война в Ливии разгоралась, неся на себе отпечаток земля-

ВИДЯСОВА Мария Федоровна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой «Политология Востока» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. *E-mail:* maria@iaas.msu.ru

Ключевые слова: Тунис, революция, политические партии, модернизм, ислам, исламизм.

ческих и межплеменных конфликтов, долгие годы тлевших под спудом режима «прямого народовластия».

Свою локальную окраску получили волнения на Бахрейне и в восточной части Саудовской Аравии, где (в обоих случаях) восстало шиитское население, которое не ставило под вопрос легитимность существующего монархического строя, но требовало для себя более широких политических прав. Нечто похожее произошло в Кувейте, где возмутились жители, не имеющие кувейтского подданства, и в Иордании, где гнев толпы обрушился на правительство, которое было смещено королем, а срочное выделение средств на решение назревших социальных проблем позволило сбить накал страстей.

Довольно быстро (но надолго ли?) улеглись волнения в Алжире, которые в начале января 2011 г. вылились в столкновения взбунтовавшейся молодежи с полицией на улицах крупнейших городов. Комментаторы тогда снова заговорили, что в АНДР де-факто господствует армия, упоминали некоего серого кардинала от спецслужб, более влиятельного, чем сам президент Бутефлика; при этом телерепортажи показывали, что в алжирской столице с балконов жилых домов свисают государственные флаги Алжира и Туниса.

«Где достать тунисский флаг?» – спрашивали в Египте по Интернету накануне «Дня гнева», который был назначен здесь на 25 января 2010 г. Однако грозные волнения начались в Каире в пятницу 26-го после утренней молитвы, когда людское море хлынуло на центральную площадь ат-Тахрир. Манифестанты оккупировали ее на две недели с лишним, чуть не подожгли Египетский музей (а здание МВД сожгли) и добились своего – ухода в отставку президента Мубарака.

Тунисских знамен в их руках не было видно, но 18 февраля, через семь дней после этой отставки, Мухаммед эль Барадей, бывший глава МАГАТЭ, сказал, на наш взгляд, важную вещь: «Тунисцы показали: „мы можем“». И это внезапное преодоление страха перед репрессивным режимом в стране, которая раньше мало интересовала египтян, вдохновило их на массовые антиправительственные выступления, которых никто не ожидал, хотя ноябрьские парламентские выборы 2010 г. в АРЕ прошли в напряженной атмосфере.

Полной неожиданностью и для политиков, и для политологов стало то, что сигнал к восстанию широкой «арабской улицы» исходил из Туниса, считавшегося оазисом спокойствия в Северной Африке, образцом политической стабильности и достижения удовлетворительных темпов экономического роста, обеспеченного не природной рентой, а высоким уровнем развития человеческого капитала.

Эхо этого восстания донеслось и до стран, расположенных далеко от эпицентра взрыва энергии протеста. Так, 31 марта 2011 г. телеканал *Euronews* сообщил, что в КНР опасаются «арабской инфекции цветных революций» и что слова, отныне запрещенные там в Интернете: Египет, жасмин, Тунис.

События, разыгравшиеся в Тунисе в конце 2010 г. – начале 2011 г., получили название (говорят, введенное в обиход французской прессой) «жасминной, или жасминовой революции». Название повторное и неудачное, ибо эти события имеют мало общего с вершущим государственным переворотом, который привел к власти новоназначенного премьер-министра Бен Али (7 ноября 1987 г.), свершился за одну ночь и потом был назван в Тунисе «жасминовой революцией» полуофициально для того, чтобы придать демо-

кратическое обличье типичному дворцовому перевороту. (Приложение 1).

В 1987 г. штаб заговорщиков находился в здании МВД (так как премьер являлся по совместительству министром внутренних дел), а 14 января 2011 г. осада многолюдной толпой этого мрачного здания на авеню им. Хабиба Бургибы вынудила президента Бен Али спастись бегством из страны. Следует добавить, что головные отряды двух потоков толпы, слившихся на центральном проспекте Туниса-столицы,

стартовали от штаб-квартиры Всеобщего тунисского союза труда (ВТСТ) и от Дворца правосудия (этот отряд состоял из адвокатов). К толпе, разумеется, примкнули и студенты, и безработная молодежь, и слоняющиеся по улицам подростки.

Лозунги демонстрантов сначала были неопределенными: «Хуррийа!» («Свобода!»), «Каррама!» («Достоинство!»). Когда же они собрались под окнами МВД, тут-то и раздался чей-то выкрик: «Ирхаль Бен Али!», т. е. «Бен Али, уходи!», а точнее «Убирайся вон!». Он и убрался в Саудовскую Аравию...

Взгляд из Москвы

В дискуссиях, которые развернулись среди российских ученых вокруг интересующей нас темы, прозвучали взвешенные оценки, осторожная интерпретация недавних или текущих событий и многовариантные прогнозы.

Сошлемся, в частности, на мнение Л. А. Фридмана, сказавшего: «Нет какого-то одного фактора, который послужил определяющим в том, что уже произошло (в арабских странах – Авт.). Можно говорить лишь о комбинации разных факторов, их критическом сочетании, которое привело к известным результатам».

В свою очередь Л. В. Гевелинг, усомнившийся в том, что слово «революция» (жасминовая или какая-то другая) адекватно отражает характер массовых движений, о которых идет речь, отметил: «Считается, что революция – это качественные изменения к лучшему, движение по линии социального прогресса, решительный разрыв с прошлым. Происходящему в арабских странах пока трудно дать однозначную оценку. Еще сложнее предположить, что социальный взрыв в Северной Африке и на Ближнем Востоке – это прелюдия перехода государственной власти от одного класса к другому. Скорее это низложение элиты контрэлитой, выступившей против несменяемости руководства и многолетней монополизации функций политического управления»².

Что касается Туниса, то здесь возмущение народных масс, спровоцированное самосожжением зеленика Мухаммеда Буазизи в г. Сиди-Бу-Зид, имело четыре основные предпосылки: безработица среди образованной молодежи (проблема особо острая в провинции), диспропорции в уровне развития приморских и внутренних областей страны, всевластие коррумпированной верхушки и тяжелая длань цензуры, которая свела на нет гарантированную Основным законом свободу слова³.

Следует присоединиться и к выводу А. А. Кашиной: «Первые шаги к демократии даются тунисцам с трудом... Вопросы, каким будет государственный строй Туниса <...> какая из политических сил победит, еще долго останутся без ответа»³.

К сожалению, нашлись и такие отечественные эксперты, которые сразу «во всем разобрались», не потрудившись ни проверить те данные, которыми они оперируют, ни заглянуть хотя бы в справочники по тем странам, о которых они рассуждают.

Так, утверждение С. Демиденко и М. Штойк, что студенческие волнения в Тунисе (почему только студенческие?) «финансировались со стороны ряда влиятельных кланов»

и что вообще всю кашу заварили генералы и предприниматели, недовольные захватом ключевых государственных постов и ведущих позиций в бизнесе членами семейства Бен Али⁴, голословно.

В нем верно лишь то, что вокруг президента и его второй жены (в девичестве Лейлы Трабелси) сложилась мафиозная группировка, состоявшая из их родственников или клевретов, и что финансовые аферы «семьи» ущемляли интересы деловых людей, в нее не входивших.

Но какие именно «влиятельные кланы» вовремя для себя «стали на сторону народа», взбунтовавшегося против господства двуединого олигархического клана Бен Али – Трабелси, упомянутые авторы, почерпнувшие всю свою информацию о тунисских делах из одного источника – статьи г-на Быстрова⁵, не назвали.

Зато этот «эксперт», убежденный в том, что «не спонтанные волнения народных масс», а продуманные действия «военной и экономической элиты» страны опрокинули режим Бен Али, все же указал на один такой клан – Маруана Мабрука, женатого на дочери президента от первого брака Сирина, и его двух братьев.

Он пишет, воспроизводя кочующую в Интернете смесь слухов и сведений о реальных фактах, что Маруан «представитель очень знатного и могущественного рода Мабрук, который начал свою деятельность еще во времена французского протектората (к сведению автора: местная знать в те времена не зарождалась, а разорялась. – Авт.). С тех пор этот клан значительно расширил свое участие в различных сегментах тунисского рынка».

Так, братья Мабрук завладели сетями розничных продаж, включая крупные универмаги, и другими разнообразными видами доходной собственности. (Заметим, что и сама Сирин проявляла интерес к бизнесу, владела стопроцентным или контрольным пакетом акций частных радиоканалов и при этом уверяла на голубом глазу, что папа тут ни причем. – Авт.).

Так вот, осенью 2010 г. Маруан якобы решил расстаться с женой и возбудил бракоразводный процесс. А это, по словам А. А. Быстрова, явилось признаком стремления клана Мабрук дистанцироваться от президента, поскольку члены этого клана стали получать

«„тревожные“ сигналы от военной верхушки, руководства спецслужб и представителей бизнес-элиты в отношении общего недовольства политикой клана Трабелси». Поэтому-де «оправданно говорить о заговоре влиятельной части тунисского общества» – заговоре с целью свержения Бен Али.

Здесь можно возразить автору по трем пунктам.

Во-первых, зачем были нужны конфиденциальные предупреждения о недовольстве политикой клана Трабелси, если о хищничестве этого клана судачили в Тунисе даже простые обыватели.

Жадная Лейла прибирала к своим рукам все что душе угодно: могла с легкостью конфисковать в свою пользу и часть национального лесопарка, и приглянувшуюся ей виллу или лакомый кусок земли под какой-нибудь лавчонкой, харчевней, кофейней и т. п.

К тому же еще в 2009 г. увидела свет во Франции доступная в сетях Интернет книга, где все «художества» Лейлы детально описаны. Хотя в Тунисе книга «Хозяйка Карфагена»⁶ была запрещена, многие здесь знали о ее содержании. Словом, вряд ли братья Мабрук оставались в неведении о степени «общего недовольства политикой клана Трабелси» до тех пор, пока им не открыли глаза некие информаторы из военной верхушки, спецслужб и деловых кругов.

Во-вторых, эти братья, пусть и происходившие из «хорошей семьи», обогатились явно благодаря выгодной женитьбе одного из них (а иначе не стать бы ему совладельцем ряда крупных французских компаний)⁷ и, следовательно, сами входили в тунисскую плутократию, внутри которой кипели свои шекспировские страсти.

Так, у Маруана Мабрука были трения на деловой почве с другим зятем президента, нуворишем Сакером аль-Матри, женатым на старшей дочери президента от второго брака Несрин, который к тому же рассматривался, несмотря на свою молодость (ему нет и 30 лет) как вероятный политический преемник тестя.

Прозванный «Золотым мальчиком», он выступал в двух ролях: потенциального «дофина» и придворного умеренного исламиста. Усердно молился пять раз в сутки, открыл религиозно-дидактический частный радиоканал «аз-Зейтуна» (по названию главной соборной мечети Туниса и одноименного богословского университета) и первый в стране исламский банк «аз-Зейтуна», ныне национализированный.

Если Хосни Мубарак прочил себе в наследники своего сына Гамалея, уже опытного бизнесмена и политика, то Бен Али подобной возможности не имел. Отец пяти дочерей, он дождался рождения сына лишь в 2005 г., и примерно в то же время стало известно о плохом состоянии его здоровья (онкологическое заболевание). Тогда-то его супруга почти полностью взяла бразды правления в свои руки.

Хотя готовилось переизбрание Бен Али в 2014 г. (сотни граждан осенью 2010 г. обратились к нему, якобы по собственному почину, с просьбой вновь баллотироваться на высший государственный пост), существовали «запасные» варианты: свою кандидатуру в президенты выставят либо сама Лейла, либо Сакер аль-Матри.

Конституция Туниса не указывала, что женщине возбраняется быть главой государства, но ограничивала нижний предел возраста кандидата на этот пост сорока годами. Однако изменили же в Сирии аналогичное положение конституции ради избрания 34-летнего Башара Асада после смерти его отца – президента Хафеза Асада (1970–2000 гг.); то же самое могли сделать и в Тунисе. Простой здравый смысл подсказывает, что оба варианта, чреватые отлучением братьев Мабрук от «семьи», им не улыбались. Вероятно, это и подтолкнуло их к «переходу в оппозицию».

В-третьих, нет никаких достоверных фактов, подтверждающих версию, согласно которой генералы, вступившие в сговор с некоторыми бизнесменами, подготовили переворот, поспе-

шив с его реализацией в благоприятно сложившейся обстановке. Известно, что тунисская армия отказалась стрелять в демонстрантов. Стреляли одетые в черное спецназовцы – служащие Бригады общественного порядка (БОП) и пока еще не идентифицированные снайперы, засевшие на крышах домов тунисской столицы.

Более того, пополудни 14 января, когда разгневанная толпа уже окружила здание МВД, к президенту во дворец явился начштаба сухопутных войск генерал Рашид Аммар, который сказал без обиняков хозяину Карфагенского дворца: «С тобой все кончено!» Но разве отсюда вытекает напрямую, что этот генерал, чья роль в январских событиях ясна не до конца, действовал в интересах какой-то «влиятельной части тунисского общества»?

Наверное тунисское офицерство, которое вообще недолго любило генерала Бен Али, сделавшего свою карьеру – прежде чем он попал в правительство и снял с себя погоны, – как начальник службы армейской безопасности и (дважды) Службы национальной безопасности, негативно относилось к его деятельности в президентском кресле. (*Приложение 2*).

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что генерал Аммар в одиночку и безоружно сдерживал агрессивную толпу демонстрантов, которые в конце января 2011 г. требовали на площади Касбы роспуска переходного правительства, считая, что в нем слишком много старорежимных министров*. А после формирования 7 марта третьего переходного правительства генерал Аммар доложил премьеру Кaidu ас-Себи, что армия уходит в казармы. Где же тут признаки военного переворота?

* Первое и второе такие правительства, действовавшие в общей сложности 40 дней, возглавлял пожилой и бесцветный Мухаммед аль-Ганнуши, который ранее занимал пост премьер-министра 11 лет подряд.

Наконец, нельзя не отметить, что статья А. А. Быстрова изобилует фактическими ошибками.

Так, касаясь фигуры Бельхасена Трабелси, брата бывшей первой леди страны, автор сначала перечисляет те холдинги, торговые фирмы и банки, которыми владел единолично или на правах акционера этот оборотистый делец (после «революции» взятый под арест), а потом сообщает о нем нечто удивительное.

«Одновременно он контролировал профсоюзы страны через позиции своей жены Зух-

ры Джелани. Отец последней, Хеди Джелани, возглавлял крупнейший профсоюз Туниса – Тунисский союз транспортников, торговли и ремесел...». Что же это за профсоюз? Такого не было и в помине.

С середины XX в. существует Тунисский союз торговли, промышленности и ремесла – организация патроната, и в последние годы ее действительно возглавлял Хеди Джелани. Если верить Быстрову, то выходит, что этот бизнесмен руководил «профсоюзом предпринимателей»*.

Взгляд из Туниса

Внешним наблюдателям приходится гадать о том, из кого состоит контроллит, восставшая против арабских диктаторов или готовая пожать плоды «революций». Но к Тунису это относится, пожалуй, в наименьшей степени. Волнения там улеглись, случаются лишь их локальные вспышки, правительство, состоящее из «технократов», попало в умелые руки, относительно крупные политические партии, претендующие на представительство в Учредительном собрании, обнародовали свои программы, проводят открытые митинги с целью привлечь к себе потенциальных избирателей. Как правило, соответствующая информация распространяется в Интернете.

Кроме того, энтузиасты *Facebook* открывают все новые и новые персональные сайты. Базировавшийся ранее в Голландии (теперь – в Тунисе) сайт *Nawaaf* позволяет посмотреть на экране компьютера репортажи с политических митингов, публикует аналитические статьи на злобу дня и комментарии к ним обычных граждан.

Тем не менее живой разговор с людьми проливает свет на некото-

рые детали, не попавшие во всемирную паутину. Поэтому для изучения ситуации на месте автор строк и ее коллега-арабист, кандидат исторических наук Василий Кузнецов отправились в июне с. г. в Тунис, где побеседовали с десятками компетентных лиц, в том числе с руководителями и активистами ряда политических партий.

Кстати, тунисцы, с которыми мы встречались, скептически относятся к версии о заговоре генералов и бизнесменов как движущей силе «революции 14 января» (считая, что если он и был, то лишь на гребне волны «революционного кризиса»); и некоторые предпочитают называть ее «восстанием». Они подтвердили то мнение, которое у нас, да и не только у нас, сложилось заранее, что движение протеста в Тунисе шло снизу, не имея ни тайных организаторов, ни явственных лидеров, и что с самого начала волнений политические требования довели над социально-экономическими.

* Не стоило бы, конечно, вступать в заочную полемику с автором, если бы его статья не была размещена на сайте солидного учреждения, Института Ближнего Востока, а скоропалительные и беспопыточные выводы – растиражированы в других научных изданиях.

Один из наших собеседников, член правительства (госсекретарь по вопросам образования) Хасан Аннаби сказал, что с осени 2010 г. висело в воздухе ожидание верхушечного переворота, но внезапно случилось иное. При этом ни он, ни его жена – преподаватель вуза и активная участница подготовки избирательной кампании, ни кто-либо другой из представителей университетской профессуры, с которыми мы общались, не говорил, что студенческие волнения, едва не сорвавшие учебный процесс, кем-то оплачивались.

Другое дело, что некоторые предприниматели, недовольные «старым режимом», поддержали (например, в г. Сфакс) массовые демонстрации, а затем стали предлагать свое спонсорство тем или иным партиям, в том числе левым, если считали их перспективными игроками на политической сцене при «новом режиме», когда он сформируется. Но речь идет об отдельных предпринимателях или их группах, а не о кланах, которые по идее должны быть горизонтально разветвленными и вертикально структурированными, т. е. иметь свою клиентелу и более или менее прочные связи в политических кругах.

Прежде чем охарактеризовать те партии или их коалиции, что стремятся и могут повлиять на формирование будущей политической системы Туниса, остановимся на фигуре премьер-министра Бежи Каида ас-Себси.

Этот в прошлом видный политический деятель давно уже находился не у дел и, можно сказать, «был вытасчен из архива». Говорят, что по инициативе временно исполняющего обязанности президента Фуада Мебазаа (на момент бегства Бен Али председателя палаты депутатов), который держится в тени, хотя парламент наделил его полномочием издавать декреты, имеющие силу закона.

Бежи Каид ас-Себси (род. в 1926 г.), появившийся на свет в столичном предместье Сиди-Бу-Саид, происходил по отцовской линии из нобилей. Его прадед, мамлюк родом из Ге-

нуи, вероятно, попавший в Тунис пленником пиратов, подвизался в каидах (губернаторах), а дед был амином (старостой) престижного, но захиревшего под наплывом иностранной фабричной продукции цеха *шауаши* – изготовителей фесок.

Отец жил на доходы от двух земельных участков, находившихся под г. Матир, что неподалеку от столицы; он умер, когда Бежи, первенцу, не было десяти лет, и его мать с тех пор одна воспитывала своих сыновей.

Судя по всему, семейство, к которому она принадлежала до замужества, было «неаристократическим», ибо обрелась в народном квартале Бэб Суика. Многие ее родственники по фамилии Бен Джаафар, были активистами национального движения, а молочный брат Махмуд аль-Матри – первым председателем «Нового Дустура» (1934–1937 гг.). Этого врача, начавшего свою политическую жизнь в левых кругах Франции, а на родине снискавшего народную любовь, ибо бесплатно лечил бедняков, и действовавшего с 1938 г. как независимый националист⁹, Бежи Каид ас-Себси хорошо знал и считал своим родным дядей. Бежи Каид ас-Себси окончил юридический факультет Сорбонны, в 1952 г. занялся адвокатской практикой, но ненадолго. Приглашенный на должность атташе кабинета премьер-министра (апрель 1956 г.), он потом многие годы провел в коридорах власти. С 1963 г. занимал последовательно посты директора Службы национальной безопасности, министра внутренних дел и министра обороны. В 1971 г., будучи послом во Франции, примкнул к фракции «либералов» в ЦК СДП и попал в опалу, принял участие в создании полулегальной оппозиционной партии Движение демократов-социалистов (ДДС), основанной в 1978 г.; затем вернулся в ряды СДП и стал министром иностранных дел (1981–1986 гг.).

Падение Бургибы застало его послом в ФРГ; в 1989–1994 гг. он был членом палаты депутатов; в 1990–1991 гг. – ее председателем. Сложив свои депутатские полномочия по истечении срока, он отошел от политики, писал мемуары и лишь время от времени надевал адвокатскую мантию: выступал в апелляционном суде по арбитражным делам¹⁰.

Получив 27 февраля 2011 г. назначение на премьерский пост, Бежи Ка-

ид ас-Севси не пригласил в свой кабинет ни одного экс-министра эпохи Бен Али и взял обязательство со всех согласившихся в него войти не выдвигать свои кандидатуры ни в депутаты Учредительного собрания, ни в президенты республики. Поэтому два члена предыдущих переходных правительств сами подали в отставку, так как они намерены побороться за президентское кресло. Это Ахмед Ибрахим (Брахим), первый секретарь движения «ат-Тажид», т. е. «Обновление» (бывшая Тунисская компартия), и Ахмед Нежиб Шебби, основатель Демократической прогрессивной партии (ДПП), который остается ее лидером, хотя еще в 2006 г. уступил место генерального секретаря своей соратнице Майе Джриби.

Среди первых шагов правительства Каида ас-Севси, положительно встреченных публикой, был роспуск «политической полиции» – сети платных агентов, существование которой восходит к началу 60-х годов, но доселе отрицалось тунисскими властями, и ликвидация управления госбезопасности – особого отдела министерства внутренних дел.

Сообщив 7 марта 2011 г. об этом решении на своем сайте, МВД подчеркнуло, что впредь оно будет работать, «соблюдая закон, уважая гражданские права и свободы»¹¹.

Между тем еще 6 февраля 2011 г. под давлением «улицы» деятельность бывшей правящей партии Демократическое конституционное объединение (ДКО) – прямой наследницы СДП была приостановлена, ее помещения закрыты, а 9 марта эту партию, насчитывавшую 2,5 млн членов, распустили в судебном порядке. В том же месяце начался бурный процесс образования новых партий, изрядная часть которых отпочковалась от старых. Как результат, к 20 июня 2011 г. в Тунисе насчитывалось 95 легальных партий. По

состоянию на 15 июля их количество перевалило за сотню (еще 30 партий «стояли на листе ожидания», а 145 получили отказ в регистрации). Это – против девяти дореволюционных легальных партий, шесть из которых имели своих представителей в палате депутатов. (Приложение 3).

Надо сказать, что действие Конституции Туниса (1959 г.), впоследствии неоднократно модифицированной, было приостановлено в связи с решением сформировать Учредительное собрание, которое должно принять новую конституцию. Закон же «Об организации политических партий» от 1988 г. остался в силе (вопрос о его пересмотре был поднят в июне 2011 г., но отложен); им-то и руководствовалось МВД, правда, допуская некоторые нарушения при регистрации новообразованных партий или дореволюционных, но нелегальных.

Таких, например, как Коммунистическая партия тунисских рабочих (КПТР) и отколовшаяся от нее Левая социалистическая партия.

Этот закон гласит, что «политическая партия не может опираться в принципах своей деятельности и программах на религию, язык, расовую, половую или региональную принадлежность» и что приему в нее «не подлежат лица на действительной военной службе, сотрудники сил безопасности в генеральском звании и судьи». Закон не оговаривал численности партии, подавшей заявку на регистрацию.

Как рассказали нам – без всякого юмора – тунисцы, даже два-три человека, собравшиеся за столиком кафе, могут подать такую заявку. И действительно, в формирующейся партийной системе Туниса преобладают карликовые партии, у которых нет ничего, кроме названия и общедемократических деклараций в их лозунгах.

Названия подавляющего большинства новых партий отличаются унылым сходством: Партия достоинства и равенства, Партия досто-

инства и развития, Партия справедливости и равенства, Партия справедливости и свободы... Лишь в тридцатке партий, ожидавших регистрации в середине июля, нашлись две оригинальные: Партия любителей лапты под началом Фатьмы Уерги (вероятно физкультурницы) и Тунисская пиратская партия во главе с Салах ад-Дином Кшуком (уж не потомок ли это адмирала Кшука, или Кючюка – одного из предводителей каперского флота Туниса османских времен?).

Функции «промежуточной» законодательной ветви власти, заменившей собой двухпалатный (с 2005 г.) парламент, который в январе и начале февраля 2011 г. еще работал, взяла на себя Высшая инстанция по реализации целей революции, политической реформе и демократическому транзиту. Неофициально ее называют кратко: Высшая инстанция.

Ее предшественниками были Комитет по защите революции и Высшая комиссия по политической реформе – группа юристов во главе с профессором права Ийазом Бен Ашуром, которая, до того как было принято иное решение, разрабатывала предложения по модификации старой конституции.

В учрежденную 15 марта 2011 г. Высшую инстанцию, численность которой колеблется (ныне около 150 членов), вошли родители «шахидов революции», в том числе мать Мухаммеда Буазизи, представители 12 политических партий, ряда общественных организаций, включая ВТСТ, и отдельные авторитетные лица.

Это, например, известный специалист по истории тунисского национального движения, ныне пенсионер Али Махжуби, профессор кафедры философии Абд аль-Азиз Шарфи – автор книги «Исламская мысль» (Тунис, 2006 г.), доцент Абд аль-Хамид Ларгеш – исследователь истории тунисских маргинальных слоев.

Все декреты-законы и. о. президента проходят через предварительное рассмотрение Высшей инстанции.

Очевидно различие между Тунисом с его традицией гражданского управления, заложенной Хабибом Бургибой, и Египтом, где роль «высшей ин-

станции» узурпировал в феврале 2011 г. Высший совет военного командования, состоящий из офицеров в звании от генеральского до фельдмаршальского. Чем-то этот орган во главе с министром обороны Мухаммедом Хусейном Тантауи напоминает Совет руководства революцией (СРР), созданный в Египте после военного переворота 1952 г. Многие предсказывали, и не ошиблись, что рано или поздно армия АРЕ, одна из крупнейших на Ближнем Востоке, «скажет свое слово». Подобные предсказания в отношении Туниса не оправдались.

Его смешанная по своему составу Высшая инстанция, которую называют еще и «мини-парламентом», подготовила новый закон о выборах (обнародован 20 мая 2011 г.). Основанный на пропорциональной избирательной системе, он должен позволить даже слабым партиям провести своих представителей в Учредительное собрание из 218 депутатов, 199 из которых будут представлять местные избирательные округа и 19 – тунисскую диаспору, сосредоточенную главным образом во Франции.

Та же инстанция настояла на том, чтобы выборы в это собрание, первоначально назначенные на 24 июля 2011 г., были перенесены на октябрь. Данное решение мотивировалось тем, что составление списков избирателей, возложенное на независимый орган (раньше этим занимались МВД и губернские власти), требует довольно продолжительной работы. Однако его скрытая идея, которую не трудно было угадать, заключалась в том, чтобы, во-первых, дать возможность светским партиям развернуть свою агитацию и, во-вторых, переждать время, когда симпатии весомой части потенциального электората качнутся в сторону исламистов. Они не были вождями «рево-

люции» и лишь с февраля стали набиваться в ее погучики, но как жертвы многолетних репрессий вызывают сочувствие даже у граждан, придерживающихся светского образа жизни.

По существующим оценкам, самая влиятельная из девяти легализованных к середине лета 2011 г. исламистских партий, а это партия «Нахда», т. е. «Возрождение» (нынешнее официальное название: движение «ан-Нахда»), может собрать от 15 до 30% голосов. В любом случае она составит вместе со своими союзниками – депутатами от других идейно близких к ней организаций – крупную парламентскую фракцию. Тем более что по тактическим соображениям на мельницу «Нахды» льют воду некоторые светские партии.

В частности, это относится к партии Конгресс за республику, основанной в 2001 г. правозащитником Монсефом Марзуки, который был вынужден эмигрировать и последние годы провел в Париже, где работал неврологом.

В этой малочисленной партии, действовавшей скорее во Франции, чем в Тунисе, сотрудничали деятели самой пестрой политической палитры: ультралевые и бывшие члены ДДС, «разочаровавшиеся исламисты» и поборники арабского национализма.

Вернувшись в Тунис в январе 2011 г., Марзуки сразу заявил о своем желании стать президентом, но встречен был холодно. Толпа на площади Касбы его освистала и чуть не побила. Следом он, почти не известный тем, кто не посещал сайт www.monsefmarzouki.net, стал прихвостнем «Нахды».

7 июня 2011 г. должна была состояться его пресс-конференция, на которую он не явился. Выступал второй человек в партии, говоривший типичным «языком исламиста».

Феномен политизации ислама восходит в Тунисе к 1970 г., когда здесь сложилось ядро Исламской группы, которая через 11 лет переименовалась в Движение исламской направленности (ДИН) и подала заявку на регистрацию.

В канун парламентских выборов 1989 г. ДИН приняло нейтральное название «Нахда». Но поскольку этой партии, которая тогда насчитывала 8–10 тыс. членов, прошедших три стадии «посвящения» (подобие кандидатского стажа)¹², было вторично отказано в регистрации, ее выдвиженцы баллотировались по спискам независимых и собрали, по наиболее правдоподобной оценке, около 15% голосов.

С начала 90-х годов тунисские власти, чтобы создать в их лице противовес левому студенческому движению, отказались от этой тактики. Приверженцы «Нахды» подверглись репрессиям (аресты, тюрьмы, пытки), в связи с чем она перенесла свой центр в Лондон, где обосновался и ее отец-основатель Рашид аль-Ганнуши (однофамилец нынешнего экс-премьера).

Уроженец оазиса эль-Хамма, выходец из крестьянской семьи, он получил среднее образование в ликвидированной на рубеже 50-х – 60-х годов школьной системе «аз-Зейтуны», а высшее, философское, в Дамасском университете (1964–1968 гг.).

После недолгого пребывания в Париже, где окончательно оформились его взгляды как исламиста, Рашид аль-Ганнуши устроился на работу в лицей Туниса-столицы, за свою политическую деятельность неоднократно попадал в тюрьму, а в мае 1989 г. эмигрировал.

Вернувшись на родину 30 января 2011 г., он заявил, что идеалом «Нахды» служит турецкая Партия справедливости и развития, по стопам которой намерены следовать умеренные тунисские исламисты, и что сам он не метит в президенты, т. к. надо уступать место молодым. Но затем этот 70-летний деятель, сменивший цивильный костюм, в котором он приехал, на одеяние мусульманского шейха, обнаружил завидную энергию. Стал появляться на телеэкранах то смиренно молящимся в мечети, то во время беседы с журналистами в собственной квартире, обставленной с шиком, – под стать дворцу какого-нибудь эмира или шейха страны Персидского залива.

Легализованная 1 марта, его партия открыла свою штаб-квартиру в престижном «европейском» квартале *Monfleuri*, где заняла роскошный особняк, а 6 июня провела многолюдный митинг, приуроченный к 30-й годовщине

основания ДИН, который состоялся в зале еще более престижного микрорайона, сравнительно недавно возведенного на берегу Тунисского озера.

И это было не единственное мероприятие, посвященное юбилейной дате. Одно из них прошло в Муниципальном театре, где в позолоченной президентской ложе восседали Рашид аль-Ганнуши и его бывший сподвижник Абд аль-Фаттах Муру – соучредитель Исламской группы, а затем генеральный секретарь «Нахды».

В феврале 1991 г. он заморозил свое членство в ней и заявил, что готов создать новую партию, в которой Рашиду аль-Ганнуши (председателю «Нахды») отводилось бы рядовое место. Потом 20 лет мирно занимался адвокатской практикой, объявив, что навсегда отошел от политики, но пересмотрел это решение и, в свою очередь, сменил брючную пару на мусульманское платье. Правда, его обновленный союз с аль-Ганнуши был мимолетным: не желая быть лицом № 2 в руководстве партии, Муру вскоре сказал в интервью газете «Аш-Шурук» («Восход»), что выбрал позицию независимого исламиста¹³.

По слухам, «Нахда» получает финансовые вливания из Саудовской Аравии, а также из Катара – от сбежавшего туда Сакера аль-Матри. Любые слухи нуждаются в проверке, но с большой долей вероятности можно предположить, что тунисские исламисты разных мастей перессорятся из-за денег. А вот что является фактом, так это наличие у «Нахды» соперников на ее же идеологическом фланге.

Это, например, салафиты – поборники буквального следования обычаям «праведных предков», т. е. мусульманской общины времен пророка Мухаммеда. Они считают Рашида аль-Ганнуши с его умеренным исламом не лишенным элементов модернизма «предателем»; захватили под свой контроль ряд мечетей Туниса – одну в самом сердце столицы.

Это также Хизб ат-Тахрир, которую здесь считают политической вывеской

салафитов и частью их международной сети (Хизб ат-Тахрир аль-исламий в РФ и других странах ШОС занесена в список экстремистских организаций), Исламская партия арабского единства, Тунисская суннитская партия и им подобные, чьи заявки на регистрацию были отклонены.

Другие же получившие путевку в жизнь исламистские партии Туниса, конкурирующие с «Нахдой», являются в основном ее эманацией. Приведем для примера Партию прогрессистов-консерваторов (sic!), основанную Мухаммедом аль-Хашми Хамди, который возглавлял студенческое крыло ДИН/Нахды, за что в начале 1987 г. получил заочный приговор к 20 годам лишения свободы.

Живя в Лондоне, он разошелся с руководством «Нахды», опубликовал солидный труд, посвященный ее истории¹⁴, издавал журнал «The Diplomat», ратующий за межкультурное взаимодействие, и общерабскую газету «Аль-Мустакилля» («Независимая»), открыл одноименный с ней спутниковый телеканал.

Наверное, его партия, легализованная 15 июля 2011 г., имеет больше оснований, чем «Нахда», претендовать на амплу умеренно исламистской, хотя об этом еще рано судить.

Столь же неясно, какую позицию по отношению к исламистам займет Тунисская партия труда, которая, по сути, является дочерней организацией ВТСТ (идея его превращения в лейбористскую партию или создания таковой при нем витала давно и наконец осуществилась после «революции»). Но этот мощный профцентр, основанный в 1946 г. и ныне насчитывающий около 500 тыс. членов, играет двусмысленную роль. Базовые структуры ВТСТ почти сразу и почти везде поддержали массовые народные выступления, а верхушке пришлось «тянуться за базой». Особо подозрительным выглядело то, что на митинге «Нахды» (апрель

2011 г.) в крупном портово-промышленном г. Сфакс («южной экономической столице» страны), фигурировал генеральный секретарь местного отделения ВТСТ. Ожидают, что на чрезвычайном съезде этого профцентра будет избрано его новое руководство вместо нынешнего, большинство членов которого засиделось в своих удобных креслах, но съезд состоится только в декабре.

Некоторые возникшие недавно в Тунисе партии заявляют о своей правополитической ориентации, но по общему мнению всех классических правых партий в этой стране нет. Разве что одна – Социально-либеральная партия (СЛП), которая четко сформулировала еще при своем создании (1988 г.) либеральную экономическую концепцию, выступая за рыночные реформы и приватизацию госсектора. Имевшая своих представителей в палате депутатов трех последних созывов, она подобострастно поддерживала Бен Али, провозглашая панегирики «спасителю отечества», «герою 7 ноября» накануне каждого его переизбрания, что не сулит ей ныне популярности.

Последнее относится и к Движению демократов-социалистов, которое в 80-е годы пользовалось репутацией правобуржуазной партии, что давно уже забылось. Погрязшее после его провала на парламентских выборах 1989 г. во внутренних распрях, ДДС вновь раскололось весной 2011 г. в борьбе не за идеи, а за помещение своей штаб-квартиры.

По данным интернет-изданий и нашим изустным источникам, от 15 до 20 новоявленных партий Туниса возникли на руинах ДКО. Это, в частности, Партия инициативы во главе с бывшим министром иностранных дел Камелем Морджаном, а также партия с ностальгическим названием «Новый

Дустур» и ее «сестра-близнец» Тунисская демократическая либерально-конституционная партия, возглавленная 84-летним Абд аль-Маждидом Шакером, административным директором «исторического» «Нового Дустура» (1956–1964 гг.). Ему, сдавшему портфель министра информации еще в 1966 г. и перешедшему тогда на дипломатическую работу, может быть, и удастся пройти в депутаты Учредительного собрания, но не Морджану, так как видные партийно-правительственные деятели последних десяти предреволюционных лет лишены пассивного избирательного права.

Таким образом, специфика политической ситуации в современном Тунисе заключается в том, что основная линия водораздела проходит здесь между левыми силами и расправившей крылья «Нахдой». Главным ее антагонистом является Демократический модернистский полюс, инициатором создания которого выступило движение «ат-Таждид».

На пороге 2000-х годов эта партия, хотя и представленная в парламенте, ослабла, отчасти потому, что ее покинули активисты, «уставшие» от многолетнего руководства Мухаммеда Хармея. Он возглавлял ТКП, а затем Движение «ат-Таждид» с 1981 г. Вместо него в 2007 г. был избран 60-летний профессор на пенсии Ахмед Ибрахим, и с тех пор партия пошла на подъем; ныне она насчитывает 2–3 тыс. членов. Это и вернувшиеся в ее ряды ветераны, и новые яркие лица. Такие, как бывший член международного исполкома организации *Amnesty International*, являвшийся несколько лет его председателем, – профессор-экономист Махмуд Бен Ромдан, включенный в секретариат движения «ат-Таждид».

В апреле 2011 г. оно сообщило, что на призыв создать Демократический

модернистский фронт (позже названный «Полусом»), откликнулись Саадун Эмерли – первый председатель Тунисской лиги за права человека, учрежденной 7 мая 1977 г., декан социологического факультета Абд аль-Кадер Згаль и многие другие деятели науки и культуры.

«Необходимо срочно создать фронт, – отмечалось в передовице центрального печатного органа движения „ат-Тажид“, – объединяющий демократические политические партии, ассоциации, художников и артистов, интеллектуалов <...> Он должен незамедлительно развернуть работу во всех регионах <...> и особенно в народных кварталах <...> Нам нужна новая конституция... исключающая использование религии в партийных целях»¹⁵.

Мы побывали 18 июня 2011 г. на состоявшемся во Дворце конгрессов собрании участников и сторонников «полюса», представлявшего собой к тому дню альянс девяти левых партий.

Сколько людей явилось на это собрание, трудно сказать. Кто-то сидел или стоял в переполненном зале, кто-то бродил в холле или во дворе здания, ранее служившего местом съездов ДКО и других его торжественных мероприятий. Одни люди приходили, другие уходили, но, в общем, их было не менее двух тысяч (не считая детей и подростков).

Правду сказать, лиц, похожих на пролетариев или жителей народных кварталов, среди них нам не встретилось, то были явные представители интеллигенции, как партийной, так и беспартийной.

В числе присутствовавших упомянем внука скончавшегося 6 апреля 2000 г. экс-президента Хабиба Бургибы – частнопрактикующего врача Муизза Бургибу.

С ним мы познакомились двумя днями раньше, и, к нашему удивлению, первое, что он сказал, так это то, что единственная партия, которой он доверяет, – движение «ат-Тажид», и вручил нам брошюру с ее программой. Пришлось поблагодарить, хотя мы уже получили десяток ее экземпляров в штаб-квартире.

Муизза Бургиба живет в приморском столичном предместье Ла-Марса, на красивой вилле с цветником, которая, впрочем, не намного отличается от городского особняка «простого профессора». Когда опальный экс-президент умер, местная публика была поражена тем, что он ничего не имел в личной собственности, кроме одноэтажного домика в г. Монастире, построенного его отцом почти 100 лет назад, и оливковой рощицы, тоже отцовской. Сын и внуки Хабиба Бургибы не оказались богатыми наследниками. Это послужило дополнительным раздражителем против насковзь коррумпированного семейства Бен Али – Трабелси.

Заметим, что в Демократический модернистский полюс вошла Левая социалистическая партия, легализованная еще 17 января 2011 г. (лидер – Мухаммед Килани), но за его бортом осталась ультралевая КПТР, которая получила регистрацию 18 марта и ведет собственную, пока еще неофициальную избирательную кампанию. Открыто объявлявшая себя с момента ее создания (начало 80-х годов) марксистско-ленинской и атеистической, эта партия вряд ли имеет шансы на большой успех. Лет десять тому назад КПТР насчитывала всего полсотни активистов, главным образом студентов и вузовских преподавателей¹², но пользовалась международным авторитетом, особенно в кругах правозащитников, благодаря энергичной деятельности ее лидера-основателя Хаммы Хаммами и его супруги, адвоката Радии Насрауи. Возможно, КПТР несколько расширила свою социальную базу благодаря тому, что 25 февраля 2011 г. поддержала манифестантов, требовавших отставки второго тунисского переходного правительства; с движением «ат-Тажид» она враждует. А ведя агитацию в провинции, слово «коммунистическая» в своем названии опускает, ибо оно само по себе ассоциируется в сознании «среднего тунисца» с атеизмом.

Не вошла в «Полюс» и Демократическая прогрессивная партия (ДПП), основатель которой Ахмед Нежиб Шебби, чаще упоминаемый как Нежиб Шебби (или Шабби), имеет президентские амбиции. Он заявляет, что готов сотрудничать с движением «ат-Таждид», но только после выборов в Учредительное собрание, которые покажут, какая партия приобрела наибольший политический вес.

Биография этого человека – сплошные зигзаги.

Он родился в 1944 г. в семье преуспевающего столичного адвоката и пошел по стопам отца, хотя два года проучился на врача. Еще студентом попал под суд (1968 г.) как ба-асист. В тюрьме примкнул к основанной в 1963 г. левацкой группе «Перспективы», в руководстве которой к тому времени взяли верх поклонники маоизма, и 20 марта 1970 г. был освобожден по амнистии. Вскоре, ускользнув из-под полицейского надзора, бежал во Францию, где был кооптирован в парижский Временный оргкомитет «Перспектив».

Там же он опубликовал статью (1974 г.), в которой применил сталинское определение признаков нации (общность языка, территории, экономики, культуры) к понятию «арабская нация» и сделал вывод, что светоч ее будущего – общеарабская революция с авангардом в лице сражающегося за свою свободу палестинского народа. Эта гремучая смесь арабского национализма и сталинизма была воспринята ветеранами группы «Перспективы» как «путч», ибо они, критикуя на все лады «диктатора» Бургибу, разделяли его точку зрения, согласно которой есть разные арабские нации: тунисская, алжирская, сирийская и т. д.

Поспособствовал развалу этой группы, которая летом 1975 г. прекратила свое существование, Нежиб Шебби в числе десятка «путчистов» прошел боевую подготовку в одном из ливанских лагерей Народного фронта за освобождение Палестины (радикальной организации под началом Жоржа Хабаша). Но при этом руководствовался, по словам другого бывшего бойца-стажера этого лагеря, желанием не

столько бороться за свои идеи с оружием в руках, сколько «совершить паломничество в „святые места“ революции»¹⁶.

Тем временем в Тунисе дважды, в 1974 и 1975 гг., были открытые судебные процессы по делу подпольной оппозиционной группы, вышедшей из лона «Перспектив». Она сложилась вокруг газеты «Аль-амиль ат-тунси» («Тунисский рабочий») и называлась идентично. В нее вошли, в частности, Хамма Хаммами и Мухаммед Килани, отличившийся тем, что по молодости лет бессмысленно стрелял в конного полицейского, объезжавшего столичный парк Бельведер. На обоих процессах Нежиб Шебби, считавшийся идеологом «Тунисского рабочего», был судим заочно, но после амнистии 1980 г., распространившейся на членов этой группы, вернулся на родину, где в 1983 г. основал партию Прогрессивное социалистическое объединение (ПСО). Она заявила о своем отказе от «догматического марксизма» и была легализована через пять лет.

Однако в 1989 г. разразился скандал.

Нежиб Шебби принялся критиковать с позиций защитника арабо-исламских ценностей реформы Мухаммеда Шарфи – нового министра образования (кстати, соучредителя группы «Перспективы», обогатившегося без увлечения маоизмом), постаравшегося вырвать хотя бы среднюю школу из-под влияния исламистов, которые еще чувствовали себя «в седле». Изменил ее программу, увеличил количество уроков французского языка, изъясил из обращения учебники, пронизанные исламистским духом. Светская интеллигенция Туниса насмеялась над «недогматическим марксизмом», прозвав его Неджибуллой Шебби, карикатуристы изображали его пресмыкающимся перед исламистами.

Свое недовольство существующим режимом он стал выражать с 1991 г., т. е. вслед за тем, как тунисские власти взяли курс на истребление исламистов. На парламентских выборах его партия, переименованная в июне 2001 г. в ДПП, каждый раз терпела поражение, а сам он безуспешно выставлял свою кандидатуру на участие в президентских выборах (которую заранее отклоняли по ряду формальных причин).

Нежиб Шебби неоднократно объявлял длительные голодовки протеста, чем привлек вни-

мание общественности к своей фигуре, а в 2005 г. выступил инициатором создания Комитета 18 октября (так назван в честь начала коллективной голодовки группы оппозиционеров), который состоял из представителей ДПП и некоторых других светских партий, а также... «Нахды». Причем с Рашидом аль-Ганнуши он встречался еще летом 2004 г. (дважды) в Лондоне, а в конце 2005 г. – на хадже в Мекке и говорил, что настало время «интегрировать интегривов» («интегривизм» – синоним термина «исламизм», бытующий во Франции и странах Магриба). Такого мнения он придерживался и в дальнейшем.

После «революции» недавние союзники – «Нахда» и ДПП – стали злейшими врагами. При этом вожди обеих партий были крайне недовольны отсрочкой выборов в Учредительное собрание, ибо понимали, что теряют выгодный для себя момент. Тогда же или раньше ДПП сочла, что настало время «интегрировать» бывших членов ДКО – тех, кто не занимал раньше руководящих постов. Зачем? Вероятно, ради денег.

Как ехидно сказал один из наших собеседников, у некоторых бывших членов ДКО тугой кошелек, но они говорят лидерам ДПП: «Завоюйте для нас народные кварталы», – а это ей не по плечу.

Судя по данным о членах политбюро ДПП, избранных в 2006 г. на ее последнем съезде, большинство из них составляют лица свободных профессий, есть преподаватели лицеев или вузов, один врач, один банкир. В общем, публика в основном интеллигентская. Наши попытки узнать, какова сейчас примерная численность ДПП, потерпели фиаско.

Один молодой активист этой партии, аспирант-политолог, сказал, что от 8 до 30 тыс. (это слишком большая вилка). Он же подчеркнул: «Мы открыто говорим, что деловые люди участвуют в финансировании ДПП, но решили, что их вклад не должен превышать 50 % расходов на нашу избирательную кампанию». А дальше, мол, посмотрим...

По всей видимости, кто-то щедро раскошелился и на поддержку Народного движения, которое 11 июня 2011 г. устроило свою пресс-конференцию в дорогом отеле «Африка», арендовав не только обширное помещение для работы, но и банкетный зал для фуршета с официантами. Народное движение – партия арабских националистов, ностальгирующих по временам Гамаль Абдель Насера, о чем можно догадаться, взглянув на ее эмблему. Это словно слетевший с египетского герба орел, на груди которого красуется географическая карта-схема всего арабского мира, окрашенная в зеленый цвет.

Мероприятие началось с того, что большинство присутствующих скандировало стоя: «Народ хочет освобождения Палестины!» Потом все речи ораторов вращались вокруг одной идеи: надо построить в Тунисе «справедливое» демократическое и социалистическое общество с «экономикой без эксплуатации» и с опорой на внутренние ресурсы.

В ответах на вопросы журналистов прозвучала такая фраза: «Тунис – земля исламская, земля арабская». Отсюда, нам показалось, всего один шаг до исламизма.

Так думает и адвокат Ахмед Седдик, который нас принял в своем кабинете скромной штаб-квартиры партии баасистского толка «ат-Талиа» («Авангард»), действовавшей подпольно при режиме Бен Али и легализованной 18 марта 2011 г.

По его словам, Народное движение пропагандирует арабский национализм с сильным религиозным оттенком. «Мы тоже считаем, – добавил он, – что ислам важен, но не делаем на нем акцент. Наша партия исходит из того, что вера является персональным делом каждого человека, и ратует за создание светского государства с парламентской системой».

Между тем 22 июня 2011 г. адвокат Нуреддин Бхири, член Высшей инстанции от движения «ан-Нахда», вышел из нее под тем предлогом, что один представитель – слишком мало для круп-

ной партии. Следом «Нахда» поставила под вопрос саму легитимность данного органа, выдвинув еще более благовидную мотивацию его бойкота (позже и Конгресс за республику, сателлит «Нахды», отозвал своих представителей из Высшей инстанции). Истинная же причина этого шага, должно быть, крылась в том, что одним своим голосом Бхири не мог сорвать начатую Высшей инстанцией работу над текстом «Республиканского пакта»*, подразумевающего, в частности, отделение религии от политики. (Но не от государства, ибо в таком случае – при отсутствии в суннитском исламе структуры, тождественной клиру и церковной иерархии, – могут расплодиться сотни «независимых» имамов: самостийных или де-факто назначенных какой-нибудь исламистской партией).

Интересно, что ранее «Нахда» одобрила предложение (которое было принято) о том, чтобы во всех списках кандидатов в Учредительное собрание 50 % составляли женщины; за этим крылся расчет на то, что женщины, обычно более консервативно настроенные, чем мужчины, станут парламентской опорой исламистов. Оправдается ли этот расчет – неизвестно. Может получиться обратное. Если судить по картине, характерной для улиц центральной части тунисской столицы, многие женщины надели хиджаб (мусульманский платок), а под чадрой ходят единицы.

Кроме того, за годы, прошедшие после издания Закона о личном статусе

(13 августа 1956 г.), который запретил полигамию и в основном уравнил в правах тунисцев обоих полов, родилось 2/3 современного населения страны.

Вполне возможно, что большинство жителей Туниса разделяет мысль Сухейр Бельхасен, избранной в 2007 г. президентом Международной федерации лиг за права человека (МФЛПЧ): «Я дитя Закона о личном статусе. Тунис – страна женской эмансипации. Туниска во главе МФЛПЧ – это символично».

Однако нельзя исключить и реализацию пессимистического прогноза: исламисты сумеют «конфисковать революцию», тем более что «Нахда», в руководстве которой есть свои «голуби и ястребы», пользуется двойной риторикой. Ее представители говорят одно с публичной трибуны (мы, мол, за соблюдение Закона о личном статусе, за равенство полов) и совсем другое в мечетях: надо восстановить шариат как единственное средство спасения страны, светские партии – орудие сионизма и т. п. Оказывая благотворительную помощь бедным, число которых с января 2011 г. растет, ибо на фоне экономической рецессии безработица в Тунисе подскочила (только по официальной оценке) с 14 до 20 % самодельного населения, «Нахда» завоевывает народные кварталы, провоцирует демонстрации с требованием то отставки правительства, то роспуска Высшей инстанции. В ответ на это 8 и 21 июля в столице прошли марши сторонников светскости...

Разумеется, рамки журнальной статьи не позволяют коснуться всех нюансов политической жизни Туниса, озаглавленной ожиданием выборов. Они уже не за горами, а какой будет его новая конституция, узнаем, быть может, нескоро. Ведь первое Учредительное собрание Туниса, избранное 25 марта 1956 г., обсуждало

* Его текст на арабском языке, одобренный Высшей инстанцией // <http://www.hipr.tn>.

«старую» конституцию более трех лет. Но главный вопрос заключается в том, вступит ли эта страна, где пробилась ростки гражданского общества, на путь необратимого «демократического транзита»?

Приложение 1

Целью переворота, идея которого созрела в недрах ЦК правящей Социалистической дустуровской партии (СДП), было отстранение от власти соучредителя и председателя этой партии, «зодчего» и первого президента Тунисской Республики (с 1975 г. – пожизненного) Хабиба Бургибы, который был уже стар и тяжело болен.

Харизматичный лидер национального движения, возглавленного Новой либерально-конституционной партией – партией «Новый Дустур» (*дустур* означает «конституция»)*, после провозглашения независимости Туниса (20 марта 1956 г.) бессменно управлял страной. Сначала как премьер-министр – до упразднения бейской монархии 25 июля 1957 г. Хабиба Бургибы действовал авторитарными и зачастую волюнтаристскими методами, но именно силой своего авторитета и политической воли поставил страну на рельсы модернизации, снискав репутацию «тунисского Ататюрка».

В последние годы его правления в определенных слоях общества нарастало недовольство этой модернизацией и де-факто светским характером тунисского государства; набирало силу исламистское движение, популярное среди учащейся молодежи и части представителей верхнего среднего класса¹, что побудило Бургибу приблизить к себе Бен Али как человека «твердой руки». Эта «рука» его и свергла с помощью некоторых членов партийно-правительственного руководства, разработавших сценарий «жасминовой революции»: семь врачей подписали заключение о недееспособности Бургибы, что позволило Бен Али возложить на себя – без нарушения конституции – президентские обязанности.

Приложение 2

Одной из функций службы армейской безопасности в Тунисе являлось изучение военного потенциала вероятного противника (что делалось в интересах США: слежка за ВМФ СССР), другой – ведение внутриармейской разведки, т. е. главной задачей Бен Али, руководившего этой службой (1964–1974 гг.), было составление рапортов о поведении офицеров⁸.

Потом был военным атташе в Рабате и по совместительству в Мадриде; 23 декабря 1977 г. возглавил Службу национальной безопасности (*Surete Nationale*) и отличился как организатор кровавой расправы с манифестантами в «Черный четверг» 26 января 1978 г. – день общенациональной забастовки.

Затем побывал послом в Варшаве (1980–1984 гг.), откуда вернулся на прежний пост. Но на сей раз получил ранг статс-секретаря, вошел в кабинет министров и ЦК СДП, а последнее (как и членство в любой политической партии) исключалось по тунисским законам для лиц, находящихся на действительной военной службе.

* Партия «Новый Дустур» была создана в 1934 г. и переименована в СДП на ее VII съезде (1964 г.)

Однопартийный режим в Тунисе был отменен весной 1981 г., после чего МВД легализовало несколько оппозиционных партий, но вплоть до 1994 г. ни одна из них не выигрывала на парламентских выборах, чему способствовала действовавшая в стране мажоритарная избирательная система, которая обеспечивала абсолютную победу правящей партии. Чтобы набросить демократический флер на авторитарный режим, тунисские власти зарезервировали за оппозицией определенное количество депутатских мест (за 1994–2009 гг. оно возросло с 9% до 25%).

Это был остроумный ход.

Во-первых, на самих выборах, зная заранее, сколько мандатов отведено партиям оппозиции, они боролись не с ДКО, а между собой.

Во-вторых, получая финансовую помощь от государства, полагающуюся парламентским партиям, занимали по отношению к нему сервильную позицию, позволяя себе лишь беззубую критику по малозначимым вопросам, и одобряли законопроекты, предложенные президентом или правительством. Исключение составляло движение «ат-Таждид», депутаты которого, в частности, проголосовали в 2002 г. против поправки к Основному закону, отменившей ограничение на количество переизбрания президента республики.

Примечания

- 1 Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки: история и современное состояние. М.: Изд-во МГУ. 2008. С. 16–134.
- 2 Из материалов состоявшегося 20 апреля 2011 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ «круглого стола» на тему «Социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке» (готовятся к печати).
- 3 Кашина А. «Жасминовая революция» в Тунисе // Обозреватель-Observer. 2011. № 7. С. 81.
- 4 Демиденко С., Штойк М. Ближний Восток в огне // Вестник аналитики. 2011. № 2 (44). С. 35.
- 5 Быстров А. А. Тунис: о реальных причинах «жасминовой революции» // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html 13.03.2011.
- 6 Beau N., Graciet C. La Regente de Carthage. Main basse sur la Tunisie. Paris: La Decouverte, 2009.
- 7 Beau N., Muller A. Tunis et Paris. Les liasons dangereuses. Paris: Gawsewitch, 2011. С. 40–41.
- 8 Zmerli A. Ben Ali le ripou. Kapitalis.com, [2011]. С. 10–11*.
- 9 Видясова М. Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы. М.: ИСАА при МГУ, 2005. Т. I. Кн. 1. С. 422–428.
- 10 Caid Essebsi B. Habib Bourguiba. Le bon grain et l'ivraie. Tunis: Sud Editions, 2009; Charfi M. Les ministres de Bourguiba (1956–1987). Paris: L'Harmattan, 1989 (справочное издание). <http://fr-fr.facebook.com/ministere.interieur.tunisie>
- 12 Camau M., Geisser V. Le syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba a Ben Ali. [Paris]: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 2003. С. 302, 239.
- 13 Аш-Шурук (Тунис). 14. 6. 2011.
- 14 Hamdi E. M. The Politicisation of Islam. A Case Study of Tunisia. Boulder (Colorado) and Oxford (United Kingdom): Westview Press, 1998.
- 15 Attariq aljadid (двуязычная газета «Новый путь»). № 227, 2011. 16–22 avril.
- 16 Ben Haj Yahia F. La gamelle et le couffin. Fragments d'une histoire de la gauche au temps de Bourguiba. Tunis: Mots passants, 2009. С. 93; Naccache G. Qu'as-tu fait de ta jeunesse? Itineraire d'un opposant au regime de Bourguiba (1954–1979). Tunis – Paris: Mots passants – Editions du CERF, 2009. С. 104, 157–158.

* Эта книга «Бен Али – мусор», раскрывающая подноготную карьеры ее героя, была вскоре опубликована под настоящей фамилией автора – *Tourki*.

Политическое цунами

Миропроектная конкуренция и модели будущего

Сергей Кургинян

На наших глазах многие государства Северной Африки и Ближнего Востока почти синхронно оказались охвачены бурными событиями, ведущими (а в ряде стран уже приведшими) к крупномасштабным переменам.

Возникает закономерный вопрос: что происходит?

Выдвигаемая нами гипотеза такова.

Налицо признаки конца определенной эпохи, продолжавшейся порядка 500 лет. О том, что эта эпоха подходит к концу, говорят очень многие.

Одни, правда, ограничиваются констатацией завершения достаточно короткой эпохи, именуемой ялтинской.

Другие говорят о завершении гораздо более длинной эпохи, именуемой вестфальской (иначе – эпохой национальных суверенитетов, национальных государств и т. д.).

Что если на самом деле завершается еще более долгая фаза исторического развития? Фаза, которую многие называют эпохой Модерна?

Типы обществ и проектов

Прежде всего, дадим строгие определения используемых нами понятий.

Премодерн, Модерн, Контрмодерн и Постмодерн – типы обществ, которым свойственны определен-

КУРГИНЯН Сергей Ервандович – советский и российский геофизик, российский аналитик, политолог и театральный режиссер, президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), главный редактор научно-публицистического журнала «Россия-XXI» и альманаха «Школа целостного анализа», руководитель и главный режиссер Театра-студии «На досках». *E-mail:* eсс@eсс.ru

Ключевые слова: миропроектная конкуренция, мировой порядок, Модерн, Постмодерн, Контрмодерн, Премодерн, Сверхмодерн, модернизация, советский опыт, революции в арабском мире, посткапитализм, коммунизм, принципы объединения.

ные нормы и принципы, регулирующие социальную жизнь.

Модерн – тип общества, регулируемый:

- светским национальным правом;
- секуляризацией общественной жизни;
- атомизацией (индивидуализацией);
- индустриализацией и т. п.

Общество Модерна иногда называют индустриальным или даже буржуазным (но с определенными оговорками).

Премодерн – тип общества, предшествующий Модерну и регулируемый:

- религией;
- традицией;
- сословной корпоративностью;
- преобладанием сельскохозяйственного уклада.

Общество Премодерна иногда называют традиционным или аграрным.

Контрмодерн – тип общества, сходный с Премодерном, но искусственно насаждаемый в эпоху Модерна и Постмодерна.

Постмодерн – тип общества, формирующийся на обломках Модерна и проблематизирующий основные принципы социальной регулятивности.

Типы обществ могут формироваться стихийно или на основе четкого замысла.

Замысел, сообразно которому создается общество определенного типа, – это проект.

В наибольшей степени на основе четкого замысла осуществлялись Модерн, Контрмодерн и Постмодерн, что позволяет говорить и о проекте «Модерн», и о проекте «Контрмодерн», и о проекте «Постмодерн».

Осуществление проекта «Модерн» – это модернизация.

Дав эти определения, можно начать рассматривать достаточно сложные, но явно небесполезные концептуально-аналитические гипотезы, подчеркнув, что это именно гипотезы – не более того, но и не менее.

Что если речь идет о завершении именно эпохи Модерна и о начале эпохи совсем другой?

Что если все эти перестройки, глобальные революции, глобальные политические пробуждения* есть просто фазы в развитии мегапроцесса, ведущего к глубокому переустройству мира?

Если так, то мы все как бы стоим на узком мосту, соединяющем между со-

* В ходе президентских выборов 2008 г. советником Б. Обамы по внешней политике был З. Бжезинский. В 2007 г. вышла книга Бжезинского «Второй шанс» (в русской версии – «Еще один шанс»), адресованная по большому счету будущему, тогда еще неизвестному общественности президенту США. Суть исторического момента (по мнению Бжезинского) в том, что произошло **глобальное политическое пробуждение**.

<...> Опасность, по оценке Бжезинского, состоит в том, что глобальное политическое пробуждение огромных человеческих масс может обратиться против США. Ведь оно является антизападным, антиимперским и по большому счету антиамериканским.

<...> Чтобы не утратить доминирующего положения, Америке необходимо идентифицировать себя с идеей всеобщего чувства политического достоинства, которое подразумевает отнюдь не только свободу и демократию. Оно включает и социальную справедливость. <...> И равенство полов. И уважение к культурной и религиозной мозаике мира (без этого уважения обречены на провал любые усилия по «демократизации извне»). То есть Америка (против которой в основном и направлено глобальное политическое пробуждение) должна стать мировым лидером, чуть ли не революционным локомотивом, с которым пробудившиеся народы связывали бы свои надежды и чаяния. (Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / ред. С. Е. Кургинян. М., 2011. С. 66, 76–78).

бой очень разные исторические эпохи. Или, еще точнее, мы находимся на стыке между эпохой завершающейся (и потому обладающей внятными историческими характеристиками) и эпохой начинающейся (а значит, по определению, такими характеристиками не обладающей). В таких случаях выбор пути определяет то, каким станет новое время и в каком мире будут жить наши дети и внуки. Человечеству не всегда предоставляется возможность подобного выбора. Но переживаемый нами момент, по всей видимости, такую возможность нам предоставляет.

Содержание уходящей эпохи – всеобъемлющая и безальтернативная монополюсность, согласно которой в мире есть только Модерн, и ничего больше. В соответствии с проектом «Модерн» весь мир идет к прогрессу, гуманизму. Все мы рано или поздно разовьемся. Мы можем развиваться с низкого уровня производительных сил до высокого или самого высокого. Но рано или поздно мы все будем там, наверху, все будем гуманизированы, прогрессивны и сольемся в единое человечество.

И если теперь эпоха Модерна завершается, если налицо и ее внутренняя усталость, и стремление ее противников максимально сократить отведенный ей еще исторический срок, то можно говорить о демонтаже Модерна. Демонтаже, который осуществляется сознательно и с оглядкой на объективные факторы, порождающие его усталость, готовность рухнуть под грузом накопившихся внутренних противоречий.

Как соотносятся между собой наличие таких противоречий и гипотеза о сознательном демонтаже существующего мироустройства? На наш взгляд, соотношение примерно такое же, как между устройством взрывающегося дома и размещением в нем взрывных устройств. Ни один профессиональный

подрывник не будет взрывать дом без учета его конфигурации, точек уязвимости взрывающегося строения, меры износа его опорных конструкций. А значит, никакого противоречия между гипотезой о демонтаже Модерна и высокой степенью износа связанной с Модерном исторической эпохи нет.

Но если Модерн демонтируется (вновь подчеркнем – с оглядкой на его историческую усталость), то в силу каких причин? Кого и почему Модерн перестал устраивать?

Начнем с того, что если Модерн кого-то чем-то перестал устраивать, то этот «кто-то» (если, конечно, речь идет о реальном субъекте, а не о зловещем затаившемся заговорщике) обязательно заявит о себе открыто. И начнет обосновывать свои намерения осуществить обсуждаемый нами «исторический демонтаж».

Заговорил ли кто-то всерьез о необходимости подвести черту под эпохой Модерна?

Да, безусловно. Об этом всерьез заговорили со времен первых докладов Римскому клубу¹, обосновывая невозможность далее жить по правилам Модерна фундаментальными глобальными ограничениями (нагрузкой на экологию планеты, исчерпанием невозобновляемых ресурсов и т. д.). Никто не собирается обвинять Римский клуб в сознательной мистификации. Разумеется, экологические проблемы, проблемы ресурсов наверняка остры. И тем не менее сводится ли все только к объективной остроте этих проблем? Или же мы имеем дело еще и с чем-то другим?

Это «другое» достаточно очевидно. Просто не все хотят поставить вопрос ребром. Рискнем это сделать, оговорив, что мы сознательно заостряем проблему в рамках обсуждения одной из возможных гипотез. Не более того, но и не менее.

В рамках Модерна, принятого на вооружение сейчас новыми великими странами, такими как Индия и Китай, речь идет о неотъемлемом праве всех развившихся национальных государств обеспечить своим гражданам – в качестве приза за ускоренное развитие – высокий жизненный уровень. Предположим, что великим развивающимся странам удастся, успешно осуществляя свой национальный Модерн в рамках Модерна всечеловеческого, предоставить своим гражданам (пусть и в отдаленной исторической перспективе) все то, чем обладает сейчас гражданин Европы или США. Ну, например, отдельный коттедж, две машины на семью и т. д.

Что в этом случае произойдет с невозобновляемыми ресурсами? С бензином, который надо залить в новые 6–7 млрд машин? С энергией, которую надо откуда-то добыть для того, чтобы обеспечить правильное функционирование 2–3 млрд новых коттеджей?

Вот очевидная, но необсуждаемая стратегическая проблема.

Но есть и проблема менее стратегическая, но обладающая определенным прагматическим значением.

Модерн как историческая эпоха обладает определенными правилами или законами. Один из этих законов – закон неравномерного развития. Молодые национальные государства, успешно играющие по правилам Модерна,

рано или поздно догонят и обгонят ранее лидировавшие старые государства.

Так, к началу Первой мировой войны молодое германское государство стало догонять и обгонять старого лидера – Британскую империю.

На сегодняшний день старый лидер, справедливо завоевавший ключевые позиции в рамках правил игры, задаваемых эпохой Модерн, – Соединенные Штаты Америки.

Но правила игры таковы, что не может не появиться молодой лидер. Таким лидером на глазах всего мира становится Китайская Народная Республика, которая, в свою очередь, оглядывается на еще одного крупного молодого игрока – Индию.

В подобной констатации нет никакой попытки демонизировать происходящее. Это так потому, что так устроен мир. Потому, что в рамках этого устройства мира, т. е. в рамках Модерна, молодое мощное, успешное государство обязательно начнет обгонять лидера.

Вопрос в одном: как поведет себя лидер? Что он сделает, если правила эпохи Модерна обязывают его передать эстафету лидерства, а он этого не хочет и не может сделать? Не возникнет ли соблазна кардинально изменить правила? Притом что усталость Модерна позволяет в принципе это сделать.

Перейдем от этих общих построений к интересующему нас феномену разогрева «Большой исламской дуги»*.

* «<...> Некоторые аналитики говорят сегодня о разогреве макрорегиона, который часто называют „Большой исламской дугой“. <...> Назовем все эти страны „государствами, в которых большая часть населения исповедует ислам“ – великую мировую религию.

Совокупность таких государств складывается в географически непрерывную, огромную зону, простирающуюся от Марокко до Малайзии и Индонезии. <...> К исламу тяготеют и народы Средней Азии, и Азербайджан. В России население, в разной степени ориентированное на ислам, преобладает в Башкирии, Татарии, на Северном Кавказе. К исламу тяготеют 150 млн индийского населения, сосредоточенного в основном на севере Индии, на границе с Пакистаном, который настаивает на своей исламской политико-религиозной идентичности.

Посмотрите на карту и вы увидите, что термин „Большая исламская дуга“ имеет право на существование – разумеется, со всеми сделанными нами оговорками». (Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / ред. С. Е. Кургиян. М., 2011. С. 30–31).

В Соединенных Штатах существовали и существуют две главные стратегемы.

Одна – это стратегема, условно говоря, Республиканской партии, или «фирменное блюдо имени Генри Киссинджера», согласно которому Ближний Восток держится на следующих китах: Израиль, Египет, отчасти Турция – и на стабильных военных режимах, т. е. на светском авторитаризме.

Другая стратегема, лежащая в основе игры, условно, Демократической партии, или «фирменное блюдо имени Эбигнева Бжезинского», состоит в том, что Соединенным Штатам для того, чтобы играть на всех «мировых полях», нужен радикальный исламизм.

Разумеется, нельзя сводить каждую стратегему не только к имени отдельного, сколь угодно влиятельного политического стратега, но и к одной из главных политических партий. Позволяя себе подобное упрощение, мы просто хотим сделать картину несколько более ясной. Притом что стратегемы действительно существуют. И их привязка к определенным фигурам и политическим субъектам не столь важна, как факт наличия стратегем.

В чем разница между этими стратегемами?

Одна из них (для упрощения будем называть ее «киссинджерской») говорит о том, что Соединенным Штатам нужен новый мировой порядок, что они воспринимают господство как порядок, т. е. как своего рода Четвертый Рим.

Любой мировой лидер мечтает об установлении мирового порядка. США мечтали установить свой мировой порядок на протяжении всей второй половины XX в. После распада СССР у США возникли реальные возможности осуществить эту мечту. Но оказалось, что за ее осуществление надо за-

платить слишком высокую цену и американский народ, вкусивший от комфорта и безопасности, платить такую цену не хочет.

Ведь что такое новый мировой порядок по модели Четвертого Рима? Это римские легионы во всех провинциях и некий план, предлагаемый Римом для провинций и именуемый *Pax Romana*. После Второй мировой войны у США хватило драйва на то, чтобы разместить свои легионы в провинциях под названием Япония и Германия и предложить этим провинциям аналогии *Pax Romana* в виде планов Макарура и Маршалла.

К моменту ввода американских войск в Ирак оказалось, что аналогичного *Pax Romana* для Ирака у США нет. Кроме того, оказалось, что нужно слишком много легионеров для новых провинций даже в рамках «Большой исламской дуги». Нужно не только держать 300–400 тыс. солдат в Ираке. Нужно вводить 500–600 тыс. солдат в Иран (потому что без этого любые бомбардировки бессмысленны). Нужно подготовиться к введению аналогичного контингента в Пакистан. И так далее.

Выяснилось, что США этой нагрузки выдержать не могут и не хотят, а американский народ не хочет иметь трехмиллионную сухопутную армию, потому что это армия с обязательным призывом.

Итак, Соединенные Штаты поняли, что они стать Четвертым Римом не могут. Что делать? Отказаться от мирового господства?

Во-первых, никто, обладая мировым господством, не откажется от него только потому, что обеспечивать такое господство трудно.

Во-вторых, США капитализировали мировое господство, превратили его в сверхвыгодный и сверхнеустойчивый бизнес-проект, основанный на двух

факторах – печатном станке и авианосцах. Печатный станок позволяет финансировать создание новых авианосцев, а новые авианосцы охраняют прерогативы печатного станка.

Это вовсе не означает, что нет высокоэффективной американской ин-

дустрии и американских технологий, великолепного американского хозяйственного комплекса в целом. Но доля этого комплекса в мировом хозяйстве уже иная, нежели 60 лет назад. И эта доля неуклонно уменьшается.

«Новый Карфаген»: конкуренция или война?

Невозможность обеспечить мировое господство по модели Четвертого Рима не может не породить у определенной части американской элиты (той, которую мы условно связали с именем Бжезинского) стремления к обеспечению мирового господства по другой модели – модели нового Карфагена. Если нельзя установить новый мировой порядок, то можно создать управляемый беспорядок и обеспечить в рамках этого беспорядка господство. Пусть неустойчивое и проблематичное, но господство.

Всмотримся в карту современного мира. Этот мир уже сейчас можно, в грубом приближении, поделить на три зоны: Большой Юг (он же «исламская дуга»), Большой Дальний Восток и Большой Запад.

Большой Дальний Восток стремительно развивается. Вложения в этот регион дают большую прибыль. У элиты Большого Юга (нефтяных шейхов, прежде всего, но и не только) накопилось очень много денег. Речь идет о триллионах долларов. Этой элите по сугубо объективным причинам не хочется размещать деньги в западных банках, дающих очень малый процент. Отсюда соблазн вложить деньги в очень быстро развивающийся Большой Дальний Восток. Вложив же деньги туда, подкрепить свои

вложения определенной энергетической политикой, да и политикой вообще.

Это не может устроить западный финансовый капитал. Он понимает, что процесс начинающейся переориентации финансов Большого Юга с Запада на Восток желательно прервать в начальной фазе. Он понимает, что если этот процесс не прервать, то по завершении процесса начнется новый глобальный кризис с далеко идущими последствиями. США, например, окажутся в мировой иерархии не на первом и не на втором месте, а на четвертом или на пятом. Такая потеря капитализации недопустима. Ради того чтобы избежать этой потери, можно пойти на многое.

Разумеется, не все на Западе и в США мыслят подобным образом. Но налицо весьма высокопоставленные высказывания, свидетельствующие о том, что подобные размышления овладевают многими умами. А овладев ими, обязательно станут приводным рычагом реальной большой политики.

Не является ли разогрев «Большой исламской дуги» переходом от стратегии «нового мирового порядка» к стратегии «нового мирового беспорядка»?

Возможно, Кондолиза Райс* совсем не случайно рассуждает в связи с ны-

* В бытность госсекретарем США она активно пользовалась советами заместителя помощника госсекретаря, крупного политолога и теоретика С. Манна, стоявшего у истоков создания Института исследований Сложности в Санта-Фе и много лет занимавшегося разработкой теоретических и практических проблем использования «управляемого хаоса» в глобальной политике.

нешними событиями на Ближнем Востоке о турбулентности, т. е. новом мировом беспорядке.

В ее статье «Будущее демократического Египта» сказано: «Грядущие месяцы, а то и годы неизбежно будут турбулентными. Но эта турбулентность предпочтительнее, чем фальшивая стабильность автократии...»²

О финансовых, экономических, энергетических войнах говорят не отдельные влиятельные представители американского интеллектуально-политического истеблишмента. Все это давно уже стало «поваренной книгой» большого бизнеса.

Разница между войной и конкуренцией такова.

При конкуренции ты снижаешь свои издержки, повышаешь эффективность, выводишь на рынок лучший товар по более низкой цене и побеждаешь конкурента.

В экономической войне (а также войне финансовой, энергетической и т. д.) задача состоит не в повышении эффективности своей деятельности, а в понижении эффективности деятельности противника. Для чего применяются самые разнообразные средства: например, от организации конфликта племен на территории, по которой проходят трубопроводы противника, до прямых диверсий на этих территориях.

Если нельзя сделать США более привлекательными в рамках игры по правилам Модерна, то почему бы не изменить правила? И не сделать конкурента менее привлекательным?

Подчеркнем, что речь идет об идеях, рождающихся в умах отдельных элитных групп, а не о согласованном поведении всех американских элит.

Есть такое выражение: *noblesse oblige* («положение обязывает»). Поло-

жение единственной сверхдержавы, державы номер один, обязывает к тому, чтобы охранять это положение. Отсюда один шаг до такой формулы реальной политики: «Главный враг – это страна, в наибольшей степени приблизившаяся к уровню, достигнув которого, она может бросить вызов моему могуществу».

В Стратегии национальной безопасности США, принятой в 2002 г. администрацией Дж. Буша, этот принцип сформулирован так: «Наши силы должны обладать такой военной мощью, чтобы у потенциального противника не возникало желания наращивать свой военный потенциал в надежде превзойти Соединенные Штаты в военной мощи или сравняться с ними».

Такого рода формулы можно заворачивать в те или иные идеологические обертки. Если СССР приблизился больше всего к опасному уровню, то он – опасность номер один. И эту опасность можно завернуть в обертку борьбы с коммунизмом.

Но если к этому уровню приблизится страна с любой другой идеологией, то будет просто найдена другая обертка. Суть же будет состоять в этом опасном приближении, приближении самом по себе.

Особо опасно создание союзов, при котором союзная мощь резко возрастает, приближаясь все к тому же недопустимому уровню. Весьма проблематичный союз между Китаем и Японией как между индустриальной и постиндустриальной державой относится именно к числу подобных союзов. Но к этому числу относятся и другие союзы.

Упомянутый закон неравномерности развития – неотменяемый, коль скоро речь идет об игре по правилам Модерна, – чреват конфликтом между США и Китаем по схеме, аналогичной конфликту между Великобританией

и Германией в 1914 г. Но за такой конфликт между ядерными державами будет заплачена слишком высокая цена. И хотя возможность такого конфликта, как мы знаем, обсуждалась широко (например, известной американской группой под руководством П. Вулфовица, она же группа «Би-2»), не могут не прорабатываться и альтернативные такому конфликту стратегии.

Например, стратегия управляемого хаоса. Разогревается Большой Юг, с которым заключают союз, аналогичный тому, который был заключен в Афганистане против СССР. Энергию экспансии этого Большого Юга направляют на Большой Дальний Восток, прежде всего на Китай, но и не только. Опасность, вытекающая из неравномерности развития, становится меньше... Страна-лидер получает историческую отсрочку...

Мы знаем, что такие схемы обсуждаются многими, включая того же Бжезинского. Мы знаем, что такие схемы не раз применялись в истории. Почему

нельзя предположить, что все странные факты, которые находятся в вопиющем несоответствии с прежней американской стратегией (и прежде всего происходящее на наших глазах выстраивание союзнических отношений с радикальным исламом), как-то соотносятся с подобными построениями, уже неоднократно использованными в истории?

Теперь уже сами создатели стратегии «Радикальный ислам против СССР» говорят об этом. Бжезинский³ и Гейтс⁴ откровенны донельзя. Они признают, что начали разогрев макрорегиона, в том числе и Афганистана, за полгода до ввода туда советских войск. При этом Бжезинский прямо говорит, что использование «взбудораженных мусульман» против главного конкурента США – это был не только допустимый, но и оптимальный геополитический ход.

Не дает ли это серьезных оснований для внимательного рассмотрения нашей гипотезы?

Будущее и его модели

От гипотезы переходим к модели.

Если содержание уходящей эпохи – всеобъемлющая и безальтернативная монопроектность, согласно которой в мире есть только Модерн и ничего больше, то содержание наступающей эпохи – полипроектность.

Налицо как минимум три проекта – Постмодерн, Модерн и Контрмодерн.

Радикальный исламизм – это Контрмодерн.

Модерн – это то, что происходит сегодня на Большом Дальнем Востоке: в Китае, Индии, Вьетнаме и т. д.

А Постмодерн – это то, что начинается произрастать на Западе в условиях нарастающего обрушения Модерна,

в условиях превращения Запада из лидера промышленного (индустриального) развития или постиндустриального развития в лидера, обеспечивающего совокупный сервис. Сервис финансовый, сервис в сфере более тонких услуг, сервис развлекательный, сервис силовой.

Нельзя утверждать, что весь Запад сводим к росткам Постмодерна. Но не ощущать постмодернизацию Запада как одну из явных и опасных тенденций тоже нельзя. Тем более что такая тенденция Постмодерна «для себя» легко может переплетаться с тенденцией Контрмодерна «для других», выступающей под маской разного рода демократических революций, осуществляемых по принципу «демократия без Модерна».

Что если речь идет о переплетении этих принципов? Что если силы, заинтересованные в их переплетении, воздействуют на мироустройство с целью организации совсем нового миропорядка, с целью складывания подобного миропорядка из кубиков Контрмодерна и Постмодерна? Что если именно в этом направлении осуществляются вполне конкретные политические шаги?

В этом случае (вновь подчеркнем, что он носит гипотетический, но не беспочвенный характер) политическая философия осуществляемых воздействий еще важнее прагматики. В связи с этим рассмотрим подробнее сам Модерн и признаем, что существуют два – принципиально разных – Модерна.

Подлинный, всечеловеческий проект «Модерн» имеет всеобъемлющее всемирно-историческое содержание. Он духовно полноценен. Под предводительством его адептов человечество способно двигаться к новому идеалу. Враги такого Модерна хотят сокрушить не способ производства, дающий высокий процент роста тем или иным странам (как в сегодняшних Китае или Вьетнаме), а Идеал. «Девятую симфонию» Бетховена, как сказал один из врагов Модерна, главный герой «Доктора Фаустуса» Т. Манна, т. е. идеал свободы, равенства и братства. Не уровень производства (8% роста ВВП или 6%), а Идеал – метафизический и политический (свобода, равенство, братство).

Суррогатный, реликтовый, римейковый Модерн, став макрорегиональным или мозаичным, рискует потерять полноценное всемирно-историческое содержание. И превратиться из средства легитимации в средство оптимизации, средство победы в той или иной (экономической, геополитической) конкуренции.

Если такой Модерн будет низведен только к удовлетворению потребности

в материальном процветании, то он окажется устойчив лишь до момента завоевания этого процветания. А это наложит отпечаток уже на нынешнюю фазу его продвижения к искомой, стратегически явно недостаточной цели.

В самом деле, в том же Китае, например, огромное количество людей работает за относительно низкую зарплату, потому что есть традиционное общество, в котором уровень жизни ниже, нежели тот, который обеспечивает такая зарплата. Поднимая людей до Модерна из традиционного общества, им можно дать в десять раз больше. И это все равно будет гораздо меньше, чем в Европе и США. Подобное именуется «топкой Модерна» и используется там весьма и весьма эффективно. Но до поры до времени, пока работник не перестает стимулироваться угрозой возврата в нищету традиционного общества. Как только все традиционное общество окажется переработано в «топку Модерна», работник перестает стимулироваться этой угрозой. И Модерн начинает захлебываться.

В России было проведено несколько крупных трансформаций, близких по своему содержанию к модернизации.

Речь идет о трансформациях при Петре Великом, при П. А. Столыпине, И. В. Сталине, даже Н. С. Хрущеве.

В России нет традиционного общества. А значит, нет и ресурса для «топки Модерна».

В Индии, Китае или Вьетнаме такой ресурс есть. Но он не беспределен. И стратегические проблемы начнутся намного раньше, чем этот ресурс будет исчерпан.

С момента, когда Запад вышел из проекта «Модерн», не предложив миру и не приняв от мира нового стратегического проекта, в котором сочетаются гуманизм и развитие, Модерн утратил всемирно-историческое значение.

Оговорив это, обсудим так называемый Контрмодерн. Укажем при этом, что Контрмодерн – это не возврат мира к идеалам высокого Средневековья (Премодерна), потому что в ту историческую эпоху идеалы зажигали сердца и двигали вперед. Они обладали всемирно-историческим смыслом. Они по-настоящему воодушевляли. Они несли с собой новые возможности для людей. В них было высокое гуманистическое содержание.

Контрмодерн выхолащивает из Премодерна все высокое и оставляет только скорлупу, форму, лишённую животворящего содержания. Контрмодерн – это во многом искусственная конструкция, призванная обеспечить жизнь части человечества в состоянии фундаментального неразвития, т. е. в состоянии гетто.

Контрмодерн развивается по постмодернистской социальной технологии за счет регресса, архаизации. Контрмодерн – это вторичная и еще более последовательная колонизация периферийных народов, закрепление их в состоянии вечной периферии. Это своего рода «мировая деревня» при «мировом городе». В какой бы стране мира Контрмодерн ни реализовывался, это всегда поразительно напоминает нацистский план «Ост» по порабощению славян и других «неполноценных» народов.

Процесс демонтажа СССР, который маркируется символом падения Берлинской стены, обернулся для народов СССР очень и очень многим, в том числе и регрессом, вторичной демодернизацией, архаизацией, т. е. тем, что свойственно Контрмодерну.

Так может быть не зря Абдул Азиз бин Абдулла аш-Шейх – верховный муфтий Саудовской Аравии – говорит о том, что процессы так называемого «глобального политического пробужде-

ния» (оно же – глобальная демократическая революция, оно же – перестройки-1, -2, -3 и т. д.) запустят регресс и деградацию (а значит, Контрмодерн) на территории Большого Юга или существенной его части?

Если первая фаза смены глобальной архитектуры (крушение социалистического лагеря и распад СССР) породила первую волну Контрмодерна, а вторая фаза породит вторую волну все того же Контрмодерна, то можно ли говорить о случайности происходящего? Сколько фаз должно состояться для того, чтобы происходящее перестало казаться как минимум стопроцентно случайным?

Контрмодерн на определенной части земного шара – вот к чему последовательно ведет элита, занятая созданием новой глобальной архитектуры, сформированной на основе демонтажа Модерна.

Теперь о Постмодерне.

Постмодерн – это не культурный изыск, а самый мощный и эффективный за всю человеческую историю способ дегуманизации, расчеловечивания. Он отменяет все исторические константы, подлинность, смысл, историю. Он открыто настаивает на том, что даже проект «Человек» подлежит полному демонтажу, т. е. он настаивает на отмене единства вида *Homo sapiens*, единства рода человеческого.

Но если человеческий род не един, то можно любым способом корректировать, например, численность населения. Весьма серьезными людьми обсуждаются крайне радикальные схемы подобной корректировки. Но главное, что сама идея корректировки становится легитимной. Если часть человечества – это «почти что люди», то почему нельзя корректировать поголовье таких «особей»? Откуда муки совести при подобной корректировке? Ведь

эти муки не беспокоят животноводов, корректирующих поголовье крупного рогатого скота!

Постмодерн – это мягкий, но очень эффективный неонацизм. Тот самый неонацизм, который в эпоху Французской революции был предложен якобинцам знаменитым маркизом де Садом. В своем обращении к французскому Конвенту маркиз де Сад очень внятно пишет о том, как надо устроить общество на принципах антигуманизма. Якобинцы, как адепты подлинного Модерна, тогда решительно отвергли постмодернистские изыски маркиза, а многие нынешние постмодернисты объявили де Сада своим великим предтечей.

Постмодерн празднует победу над подлинным Модерном и его советской альтернативой. Это вызов дегуманизации – страшный вызов для всего человечества.

Постмодерн в ядре («мировом городе») и Контрмодерн на периферии («мировой деревне») – вот одна из формул новой глобальной архитектуры. При-

нятие такой формулы знаменовало бы собой союз постдемократических постмодернистских элит с радикальным исламом как частным проявлением Контрмодерна, регресса, архаизации.

До сих пор сама возможность такого союза кажется абсолютно дикой, потому что исламские архаизаторы проклинают и либерализм, и США, и Запад как целое. Но поскольку США и Запад как целое не имеют эффективных средств противодействия экономическому (а значит, и политическому) росту того, что мы назвали «суррогатным, реликтовым модерном», в Дальневосточном регионе вообще и в Китае в частности, то такой союз может возникнуть просто от безысходности.

Прецеденты таких союзов налицо. Именно такие союзы с исламом заключались не раз – и против Российской империи (в Средней Азии и на Кавказе), и против Османской империи (ваххабиты), и против СССР (в Афганистане), и против Индии (с Пакистаном). Новое не в самом таком союзе, а в степени его масштаба и стратегичности.

Прогноз

Контрмодерн, Постмодерн и суррогатный Модерн – это три миропроектных модуля, из которых хотят соорудить новый мир. Они реальны. Это не выдумки конспирологов, не фантазии утопистов. Это исторически осуществившиеся, длящиеся во времени огромные начинания, воплощенные в гигантском количестве идеальных и материальных артефактов. Это не то, что мы, как интерпретаторы, хотим навязать миру, живущему по иным законам. Это то, в чем мир сейчас реально живет. И события в Египте, Алжире, Ливии и других странах – это великая перестройка из формата «Модерн для всех» в формат новой глобальной архи-

тектуры, состоящей из трех перечисленных «разделенных» модулей.

Если победит эта тенденция, то радикалистский разогрев «Большой исламской дуги» от Марокко до Индонезии завершится в 2013–2014 гг.

Одновременно начнется разогрев ряда зон, находящихся за пределами «Большой исламской дуги». Это обязательно заденет Индию, Среднюю Азию, Северный Кавказ, российское Поволжье, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Волны этого разогрева не могут не породить всплески этнокультурной, политической и экономической дестабилизации соседних регионов, включая Европу и Индокитай.

Ответная реакция на разогрев этих регионов станет новой фазой глобальной дестабилизации. Множественная дестабилизация приведет к новой фазе распространения ядерного оружия. Лидером процесса, скорее всего, станет Иран. Однако невозможно представить себе Иран, овладевший ядерным оружием, без овладения этим же оружием Саудовской Аравии. Одновременно будет идти дестабилизация всего Африканского континента.

К 2015–2016 гг. неизбежно начнется экстремальное подключение к этой дестабилизации Израиля. Это просто не может не произойти, коль скоро весь Большой Ближний Восток продолжит дрейф в нынешнем направлении.

В таких условиях нельзя исключить не только ядерный конфликт (между Израилем и Ираном), но и ядерные конфликты (например, «веерный» ядерный ответ Израиля на любую ядерную атаку).

В результате начнется скачкообразный рост цен на нефть и другие энергоносители. При этом некоторые американские аналитики тешат себя иллюзиями, что имеющиеся у США возможности самообеспечения энергоносителями позволят стране «переждать бурю» и, подорвав экономики главных дефицитных по энергоресурсам конкурентов, обеспечат Америке «фору в Большой игре». Однако нет сомнений, что такого рода мировые трансформации необратимым образом

разрушат как мировую экономику (включая глобальные финансы и глобальную торговлю), так и мировую политическую систему во главе с ООН.

Прогнозировать в этих условиях поведение зависимых от нефти держав достаточно трудно. Высоковероятно, что державы перейдут от экономических действий к действиям политическим и военным. Например, к обеспечению военного контроля над нефтегазовыми территориями и маршрутами транзита энергоносителей, к которым относятся не только Ближний Восток, Магриб, Средняя Азия, но и Россия.

К 2017–2019 гг. управляемый хаос превратится в хаос неуправляемый. Радикализация политической жизни, вызванная ростом экономических проблем и взаимных притязаний, может породить не только локальные, но и крупные ядерные конфликты.

Если даже этого удастся избежать ценой распада многих небольших и нескольких крупнейших государств в разных регионах планеты, включая Большой Дальний Восток и Россию, мир окажется лишенным тех гуманистических основ, которые обеспечивали его устойчивость на протяжении тысячелетий.

Обсуждение этой мрачной перспективы и того, какие позиции займут отдельные народы в случае, если она осуществится, аморально и контрпродуктивно. Наша задача состоит в том, чтобы предотвратить эту перспективу.

Четвертый проект

Итак, наша версия в том, что завершается одна эпоха – «эпоха А», эпоха Модерна, и начинается другая эпоха – «эпоха Б».

В «эпоху А» Модерн был единственным проектом, монопроектом. На протяжении 500 лет люди твердо верили,

что раньше или позже каждый народ Земли, каждый человек пройдет путем Модерна – пусть с учетом своей национальной специфики, своих культурных особенностей, но пройдет этим путем. И рано или поздно разовьется до некоего социального и интеллектуаль-

ного, политического, культурного блага. Тогда, возможно, человечество станет единым. Да, в этом не было подлинной универсальности. Ее место занимала нивелировка всех до некоторых норм Модерна. Но в этом была всеобщность.

Буржуазия зарождалась, оформлялась. Она победила в Великой французской революции и серии буржуазных революций, прокатившихся по миру (Англия, Америка и т. д.). Она утвердила эту монопроектность.

Всемирно-исторический смысл эпохи «А» – это капитализм, несущий с собой и добро, и зло, но обеспечивающий мучительное историческое развитие. Важно понять, что капитализм обеспечивает развитие *только* (курс. – *Авт.*) в рамках безальтернативного и всеобъемлющего Модерна. Продлевая себя за пределы всеобъемлющего и безальтернативного Модерна, капитализм теряет способность обеспечивать историческое развитие. И превращается в фашизм, гностицизм, демонтаж единства рода человеческого.

Капитализм стал выходить за рамки Модерна, «заваливаться» уже к концу XIX в. Он почти полностью вышел за эти рамки во время Первой мировой войны, и, соответственно, почти полностью тогда завалился.

Но тут появился советский «Красный проект», который как бы подпер собою заваливающуюся «балку» проекта «Модерн». Наличие новой вестии из России – идея «нового человека», «нового гуманизма», развития – не позволило проекту «Модерн» завалиться до конца. Гитлер хотел завалить это, но наткнулся на советское сопротивление.

70 лет просуществовала относительно устойчивая архитектура: два мира – два проекта – две системы. На этом все держалось.

Но затем «Красный (советский) проект» демонтировали в ходе перестрой-

ки (1987–1991 гг.) и постперестройки (1991–2011 гг.). И вот тогда капитализм снова стал заваливаться, мутировать, выходя за рамки всеобъемлющего и безальтернативного Модерна. Как только советского проекта не стало – капитализм начал заваливаться.

Я все время спрашиваю: кто же убирал советский проект? Летчики, которые привезли Гельмута Коля на ставропольское поле переговариваться с М. С. Горбачевым, принадлежали к организации ODESSA («Организация бывших членов СС и СД»)...

Так кому это было нужно? Это американцам было нужно, чтобы началось то, что началось сейчас? Существует вопрос: немцы, которые сейчас входят в политическую элиту США – это еще немцы или это уже американцы? Роберт Гейтс и другие?

Иначе говоря, фашизм (в неонацистском варианте) уже захватил Америку изнутри? Или он ее все-таки хочет совсем прикончить? Потому что в 1946 г. на собрании неофашистского интернационала в Сан-Ремо было заявлено, что необходимо уничтожить двух «ялтинских хищников» – сначала Советский Союз, потом США.

Еще раз: «Советский проект» подпер заваливающийся проект «Модерн». А когда Советского Союза не стало, начал рушиться сам проект «Модерн», и мы сейчас это наблюдаем. Это и есть переход из «эпохи А» в «эпоху Б».

Если «эпоха А» – это монопроектность Модерна со всеми его принципами, то «эпоха Б» – это полипроектность, когда есть проекты: Модерн, Контрмодерн, Постмодерн, и они каким-то образом соотносятся друг с другом.

России, у которой в рамках «эпохи А» было свое место, в рамках «эпохи Б» места нет. Она не вписывается ни в ос- таточный, суррогатный Модерн, сохра-

няющийся сегодня на Большом Дальнем Востоке (ибо у нас нет традиционного общества, как в Китае и Вьетнаме), ни в европейско-американский Постмодерн (куда нас не пустят), ни в Контрмодерн (потому что мы не являемся единым исламским или каким-то другим миром; если Россия начнет скатываться в архаику, то произойдет ее рассыпание на множество разных архаик; мы рассыплемся по религиозному и этническому принципу, а потом по субэтническому).

Так что начавшийся процесс не только антигуманен, не только лишен возможности развития, но это еще такой процесс, в котором русским не отведено места вообще.

Преодолеть то скверное, что складывается на наших глазах и не оставляет шансов ни нам, ни миру, может только четвертый проект – Сверхмодерн. Преодоление возможно только потому, что Сверхмодерн в какой-то мере тоже имеет корни в реальности.

Этот проект состоит из четырех блоков.

Первый блок – это стратегическая новизна, отвечающая вызовам XXI в.

Второй блок – это советское в том виде, в каком оно было реально осуществлено к концу доперестроечного периода.

Третий блок – это те наработки, которые сначала были санкционированы советской системой, а потом оказались ею либо осуждены, либо мало (а то и неадекватно) задействованы.

Четвертый блок – это те наработки, которые никогда не были санкционированы советской системой.

Главный блок здесь – это второй блок. Если его нет, если в нем не заложен смысл, все остальные блоки имеют нулевую цену. Это единственный блок, который говорит о реальности. Объясню, о чем здесь идет речь. Там было

реализовано главное: Сталин не проводил модернизацию в чистом виде, Сталин осуществлял *модернизацию без разрушения коллективистского общества* (курс. – Авт.). Потом об этом грезил Мао Цзэдун. Без разрушения коллективистского общества! Колхозы, все остальное – это только часть этой программы. Но и индустриальное общество не было индивидуалистическим! Советский Союз в эту эпоху показал, что общество может развиваться, оставаясь коллективистским.

А с точки зрения Модерна, так развиваться нельзя, так как основа Модерна заключается в том, что природа человека грязна, он алчен, он скверен, он хочет конкуренции, но если ее правильно организовать, то будет развитие. Однако для этого надо раздробить коллективистскую матрицу, стравить людей в конкурентной борьбе. Гоббс, Адам Смит (если его читать через эту призму) говорят только об этом. Все рыночники-капиталисты нам говорят, что ничего другого нет, но мы же имеем свой – иной – советский опыт!

На самом деле многие великие мыслители XX в. (Фромм, например) говорили, что в человеческой природе есть коллективизм, жертвенность, желание отдать, а не взять (Фромм называет это «быть, а не иметь»). Но об этом как бы вообще забывают.

Русские смогли развиваться в индустриальном и постиндустриальном ключе коллективистски. Советский завод – это не завод только в индустриальном смысле. Это то, что надо рассматривать и изучать заново. При нем существовали поликлиники, профилактории, санатории, пионерские лагеря, детские сады – «социальная сфера». В буржуазном обществе нечто подобное не было возможным. Теперь японцы пытаются перенять этот опыт. Но мы-то это сделали раньше! И весь этот

коллективизм заводской – он же существовал. Существовали формы общиной индустриальной жизни. Советский опыт показывает, что развивать коллективистски можно.

Вот это и есть содержание второго блока.

А модель Гоббса, Локка и Адама Смита говорит, что развиваться так нельзя, что если хочешь развития – разрушай коллективистскую матрицу.

Уже названный первый блок – «Стратегическая новизна, отвечающая XXI веку» – нужно рассматривать отдельно.

Третий блок – те наработки, которые сначала были санкционированы советской системой, а потом оказались ею либо осуждены, либо не использованы. Богостроительство и все, что было связано с метафизическим коммунизмом, было осуждено еще Лениным. Пролеткульту позволяли развиваться, но потом-то со всем этим разбирались очень жестко.

А вот идею «нового человека» и «нового гуманизма» никто не разрушал. Просто ее так извратили и так выхолостили, что от «нового человека» ничего не осталось. И стало понятно, что если русские не предлагают другую человеческую модель, если они не опираются на другое в человеке, если они отказываются от изменения человеческой природы, то кому они нужны! Как написал по этому поводу Фромм, тогда коммунизм становится идеей о том, как всем стать буржуа.

Что же касается четвертого блока – наработок в пределах проекта «Модерн», которые никогда не были санкционированы советской системой, то я имею в виду, например, демократию. Почему, например, в сегодняшнем обществе определенный комплекс идей не может победить демократически – и побеждать в ближайшие 50 лет, по-

стоянно выигрывая у соперника с перевесом 90% на 10%? Как Либерально-демократическая партия в Японии или Институционно-революционная партия в Мексике?

Вот эти четыре блока и слагают четвертый проект – Сверхмодерн.

Без развития человечество не сможет. Индивидуалистическая модель развития захлебнулась. Есть так называемые посткапиталистические наработки о том, что капитализм в мире все больше тянет назад, он реально оттапливает развитие.

Четвертый проект – это стратегическая новизна (первый блок) в сочетании с развитием на основе коллективизма, с опорой на советскую традицию (второй блок), с разумными достройками из того, что было изъято (третий блок), и того, что не было санкционировано советской системой (четвертый блок), – имеет шансы на то, чтобы, прошу прощения за пафос, спасти человечество. Потому что события в Египте и других странах региона ясно показали, что именно нам уготовано. Не Модерн хотят развивать. Хотят архаизацию, «мировую деревню». Хотят отменить идею единства человеческого рода. Хотят создать гетто для большинства человечества. Может это будет не гитлеризм, а мягкий неонацизм. Но ведь ясно, куда это тянется.

Без четвертого проекта у человечества просто нет выхода. От русских до сих пор ждут новых идей.

Основной блок проекта «Сверхмодерн» – второй блок: советское в том виде, как оно было реально осуществлено к концу доперестроечного периода.

Но почему нельзя оставить только второй блок, попытавшись просто вернуться к тому, что было в СССР к началу перестройки? Почему нельзя реализовать схему, отвечающую чаяниям

очень многих – «Назад в СССР»? Может быть потому, что эта схема недостаточно удобна, комфортна? Но для огромного большинства людей в ней намного удобнее жить, чем в нынешней – постсоветской – реальности. Более того, в этой схеме намного больше праведности, чем в нынешней реальности. Но почему тогда к ней нельзя вернуться?

Может быть к схеме, состоящей только из второго блока, нельзя вернуться потому, что она является итогом определенного исторического движения от Ленина к Сталину, и далее «со всеми остановками»? И нужно, возвращаясь, пройти снова весь советский путь, ибо без этого не попадешь в его конечную точку? Это серьезный аргумент против подобной схемы. Серьезный, но не основной.

Каков же основной аргумент против схемы, состоящей только из второго блока? Каков этот аргумент, в котором сплетено все сразу – метафизика, мораль, политика и культура?

Этот аргумент прост и одновременно убийственен: та схема, в которую «ах как хочется вернуться» – РУХНУЛА! Она воплотила в себе очень многое от блага, вобрала в себя многие надежды и чаяния – и РУХНУЛА! Замкнула на себе исторические энергии, позвала за собой все страны мира – от Латинской Америки до Дальнего Востока, всех к чему-то призвала – и рухнула.

Никаких других фундаментальных аргументов против возвращения к этой схеме, состоящей только из второго блока, нет вообще. Но приведенный аргумент – убийственный. Схема ведь почему-то рухнула. Потому что в нее внедрили «кроты»? Но даже если дело только в «кротах», почему они смогли внедриться именно в эту схему? И только ли в «кротах» дело? Что, за Ельцина как за президента РСФСР в 1991 г. проголосовало 70 млн «кро-

тов»? А если мы вернемся к этой схеме, то в ней опять вскоре поселятся «кроты»? И она опять завалится?

ТА СХЕМА РУХНУЛА – вот основной аргумент против «красного» фундаментализма, скрыто проповедуемого Зюгановым. Но Зюганов даже не осмелится это сказать.

Гигантское значение данного аргумента требовало от нас всех определенной метафизической, политической епитимьи. Имя которой – «немешательство». Именно «немешательство», а не «невмешательство». Что это значит? Ты не лжуешь по поводу ошибок своих противников, строящих капитализм, ибо они строят нечто новое. А то, что ты считаешь нужным и праведным, – рухнуло. И потому во всем, что связано с сохранением страны, ты не мешаешь противнику, а даже наоборот. Ибо страна выше модели, проекта, идеологии.

«Немешательство» длилось 20 лет. Ровно столько времени наши противники строили российский капитализм. Я считаю, что капиталистический эксперимент в России завершается. Это важнейшая историческая веха, которую не хотят не только обсуждать, но и замечать. Мы в этом году отмечаем 20-летие не распада СССР, а российского капитализма.

Между тем с конца Гражданской войны по начало Великой Отечественной (с 1922 по 1941 г.) прошло 19 лет. За это время провели коллективизацию, создали абсолютно новый индустриальный образ страны. С начала коллективизации до начала Великой Отечественной (с 1929 по 1941-й) прошло 12 лет, сталинские довоенные пятилетки...

Капиталистический эксперимент длится в России слишком долго для того, чтобы можно было не обсуждать его исторические результаты.

Когда рухнул Советский Союз, осталось отойти в сторону и сказать: «Вы

собираетесь строить что-то новое, народ вас поддержал – делайте! Вы ведь не хотите, чтобы страна распалась. Давайте мы будем помогать – анализировать, бороться против антигосударственных сил. А вы делайте свой капитализм. Хотите, чтобы мы вам помогли? Пожалуйста».

Это не провокация. Это признание исторической вины, заключающейся в том, что второй блок рухнул. И нужно обладать нулевым внутренним историко-моральным чувством, чтобы не понять, насколько ты за это отвечаешь.

Дал ли капиталистический эксперимент за такой огромный срок, как 20-летие, позитивные исторические плоды? Дал ли он хотя бы позитивные плоды, имеющие пусть не историческое, а стратегическое значение? Таковыми являются: новая степень развития производительных сил, качественно новые социальные возможности для большинства населения, приумножение возможностей страны и т. д.

Ничего этого не просматривается.

До 2008 г., перед кризисом, 13,5% населения жило ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ), т. е. ниже 5800 руб. Это абсолютная нищета!

И это десятки миллионов.

Следующие 37% живут от 1 до 3 МРОТ (до 15 000 руб.). Это абсолютный проигрыш по отношению к советскому уровню. Профессор, доктор наук, лауреат премий получает в МГУ 30 тыс. руб. В провинциальном университете – 18 тыс. руб.

Доктор наук, заведующий кафедрой в Московском областном пединституте получал порядка 600 руб. Штукатур или шофер в то время получали вдвое или втрое меньше – 200–300 руб.

Это значило, что была правильная социальная пропорция. «Наука становится производительной силой», «мы живем в эпоху интеллектуализации» и все прочее. Получи втрое больше.

Отсюда стремление в вузы.

Что теперь? Теперь штукатур или шофер получают больше тысячи долларов, а профессор...

В советское время был социальный «лифт» через образование и науку, была возможность двигаться вверх.

Младший научный сотрудник получал 105 руб., а младший научный сотрудник со степенью – 185.

Была логика. И такая логика есть в любой стране мира. Она есть в Африке, в Индии, где угодно. Нигде нет профессоров, живущих хуже штукатуров, – только у нас. И это четко указывает на характер процесса.

Недофинансирование всей интеллектуальной сферы страны – на 200 млрд долл. в год. Ровно на столько, сколько вывозится из страны! Нельзя отдельные сегменты дофинансировать. Не получится сделать так, чтобы ученые жили лучше, а инженеры нет. Чтобы профессора жили лучше, а военные нет. Нужно сдвинуть весь социальный профиль. Социалистическим или капиталистическим способом.

По нашим расчетам, общественные фонды потребления составляли в Советском Союзе около 3000 долл. (современными деньгами). Первая часть – это дешевые социальные продукты. Вторая часть – это бесплатная медицина и образование. Третья часть – это жилье. Четвертая часть – это отдых. Пятая часть – это транспорт. Получается около трех тысяч сегодняшних долларов в месяц.

Люди не могут жить на один МРОТ. И в любом случае должно быть так, чтобы инженер жил чуть лучше рабочего, а профессор – лучше инженера. И тогда система заработает. Но если сделано наоборот, значит, программируется и обеспечивается регресс.

Что получило население? Мобильные телефоны? В этом результат? В чем социальный результат?

«Ах, был дефицит товаров!» А что, дефицит денег намного лучше дефицита товаров? Учительница, которая получает 6 тыс. руб., по факту профессии –

не по квалификации, не по уровню труда, а по факту профессии – помещена в интеллектуальное и социальное гетто.

Итак, нет качественно новых социальных возможностей для большинства населения.

Нет и новой степени развития производительных сил. В первую пятилетку было построено 1500 промышленных объектов. Во вторую – 4500. В третью, незаконченную, – 2900, т. е. к 1942 г. построили в итоге почти 9 тыс. промышленных объектов. В условиях мирового кризиса.

Что построено сейчас? Одна ГЭС? Три завода? Модернизация? Где новый производственный контур? А главное, чем занимались 20 лет? 20 лет шла демодернизация? Значит, новой степени развития производительных сил нет.

Но, может быть, за эти 20 лет капитализма приумножились возможности страны? Страна расширилась? Вернулись территории, которые по непонятному признаку были отчуждены?

Капиталистический эксперимент провалился. Чуть раньше или чуть позже это придется признать.

Итак, 20 лет российского капитализма подходят к концу.

Но 500 лет проекта «Модерн» тоже подходят к концу.

К концу подходит время легитимности исторического капитализма. Потому что он легитимирован только проектом «Модерн», от которого он сам отказывается. Мы почти одновременно выходим из двух разных по длительности эпох – нашего 20-летия и 500-летия проекта «Модерн». Притом, что российский капитализм был конструкцией, очевидно сделанной под фиаско.

И еще одно: человечество подошло к очень важной черте. Вот была архаика, потом – феодализм (Премодерн), потом – Модерн. А сейчас мы подошли к некоей черте, и непонятно, что за ней. Что дальше?

Это не черта исчерпания определенного уклада. Это не черта исчерпания нашего эксперимента доморощенного. Это черта, которая когда-то была названа Фукуямой «концом истории». Это вопрос о том, есть ли идеалы, за которые какая-то часть человечества готова идти на крестную муку? Есть ли огонь, который кого-то может воспламенить? Есть ли человеческий материал, способный к воспламенению, который был бы не исламистским (то есть контрмодернистским), а другим? Жива ли история?

Вопрос о Сверхмодерне встает ребром. И последнее.

Проект – это великая цель, воодушевляющая людей, глубоко мотивирующая их на действия, трансформирующая их человеческую природу. Но стратегической, идеальной цели вообще не может быть, если нет Идеального. Цель рождается только в рамках такого Идеального, которое действительно функционирует в человеческом сознании, мобилизует его.

Если повреждено Идеальное (а в этом и была цель перестройки), то цель вроде как умом понимается, а человека по-настоящему не мобилизует.

Задача противника – обрушение Идеального вообще. Он этим и занялся, он не только советское Идеальное рушил. Он рушил Идеальное вообще. По крайней мере, он хотел лишить его мобилизующей силы.

Если Козырев прямо сказал: «Обсуждали национальную идею, потом решили: какая ни будет, начнется это чертово воодушевление, зачем оно нужно? И решили: пусть деньги будут национальной идеей...» На Совете Безопасности РФ решили, что деньги должны быть национальной идеей! Прямая формула криминального государства: золотой телец, город желтого дьявола.

Итак, если не будет восстановлена мобилизующая сила Идеального, то все наши проекты – это игрушки, и ничего больше.

Но восстановление Идеального не имеет права и не должно привести к потере государства, потому что в этом случае мы потеряем Родину. Государство – это средство, с помощью которого

народ продливает и развивает свое историческое предназначение. Только поняв это историческое предназначение до конца и приведя себя снова в состояние, когда Идеальное может быть подчинено этому историческому предназначению, можно стать народом. Но без государства русский народ не может.

Как противостоять разрушительным глобальным тенденциям?

Сейчас можно говорить только о начальной стадии развития той тенденции, которая описана в данном сценарии и прогнозе. Сформированы лишь некоторые предпосылки, динамика носит неустойчивый характер, процессы находятся в начальной фазе развертывания. Их (пока!) можно купировать или направить в другую, не столь угрожающую, сторону.

Однако отсутствует главное – сама готовность обсуждать наиболее негативные возможности, заложенные в описанных тенденциях. А без такого обсуждения нельзя включить механизмы, эти тенденции подавляющие и переламывающие.

В теории рисков есть правило, согласно которому риск является произведением вероятности определенного процесса на его опасность. Пусть даже вероятность описанного развертывания событий невелика. Если она не равна нулю (а многое говорит о том, что она не равна нулю), то опасность слишком велика для того, чтобы считать риск пренебрежимо малым. И потому стратегическая задача состоит не только и не столько в анализе процессов, способных привести к описанным прискорбным результатам, сколько в мобилизации усилий на адекватный вызову стратегический международный ответ.

Следует помнить, что для предотвращения опаснейших мировых поли-

тических катаклизмов часто требовались достаточно небольшие усилия. Однако эти усилия не были в нужный момент осуществлены.

Нельзя, чтобы мир вновь пережил нечто подобное.

Если выдвигаемая нами гипотеза, при всей ее нетипичности, справедлива, то возникает естественный вопрос: что делать? Ведь если нет ответа на этот вопрос, то рассмотрение подобных крайних гипотез представляет собой глас вопиющего в пустыне, и не более того. Меньше всего нам бы хотелось выступать в этой роли. Поэтому мы предлагаем вполне конкретную программу действий, состоящую из нескольких пунктов.

Первое. Предлагаемые нами соображения – не более чем эскиз. Каждый штрих в этом эскизе надо детализировать и проверять, проверять и детализировать. Необходима огромная коллективная работа для того, чтобы либо подтвердить (и, разумеется, скорректировать) нашу гипотезу, либо отвергнуть ее. Предположим, что гипотеза подтвердится. Что тогда?

Второе. Тогда надо сделать все возможное для того, чтобы превратившаяся в гипотезу модель была широко обсуждена во всем мире. Эту модель нельзя превращать в эзотерическое тайное знание. Она должна быть предъявлена максимально широким слоям общества, изложена на доступном, внятном

идеологическом языке, превращена в повестку дня, содержащую в себе как совокупность вызовов и угроз, так и совокупность ответов.

Третье. Вокруг такой идеологии может начаться объединительный процесс. Есть много социальных субъектов самого разного рода – государственных и негосударственных, для которых подобное развитие процесса несовместимо с фундаментальными интересами как идеального, так и прагматического характера. Пока угроза (или угрозы, вызовы и т. д.) не доказана и не проработана, не предъявлена обществу и не оформлена мировоззренчески до конца, нет никакой возможности политического объединения, создания широкого международного фронта сил.

На этом этапе мировоззрение (угроза, идеология ответа и т. д.) превращается в политику. Создается широкий фронт общественных сил.

Четвертое. Наличие общественных сил и союза интеллектуалов, способных доказательно говорить о данной угрозе, – вот то, что должно быть предъявлено государственным и иным силам в качестве предмета для рассмотрения. Это предъявление не должно иметь ничего общего с экстремизмом, радикализмом. Оно должно быть максимально мягким, дружелюбным, ориентированным на интеграцию в определенный блок сил и идей всех тех, кому это представляется важным и необходимым.

Пятое. В результате может сформироваться союз государств, спо-

собный предотвратить скатывание процесса в рассмотренное нами опаснейшее русло. Это может быть сделано как за счет торможения опасных тенденций, так и за счет предъявления обществу альтернативных тенденций.

Шестое. Союз государств – это важный, но не конечный этап. На наших глазах, к нашему глубокому сожалению, Организация Объединенных Наций претерпевает те метаморфозы, которые претерпевала ее предшественница – Лига Наций перед Второй мировой войной. Для того чтобы не допустить наихудшего, надо успеть либо укрепить ООН, либо создать весьма масштабные альтернативные международные организации.

Обратим внимание на то, что эти организации уже создаются де-факто. Отсутствие конструктивных альтернатив может сделать ООН жертвой альтернатив деструктивных.

Седьмое. Предлагаемые инструменты – не панацея и не самоцель. Это средства глобального противодействия глобальным тенденциям. Любая идеология – а тут речь идет о новой международной идеологии, – создается для того, чтобы объединить определенные силы. Объединяются же силы для того, чтобы управлять процессами – выводить эти процессы из опасного русла и вводить их в русло, отвечающее интересам всего человечества, постольку, поскольку человечество не утратило воли к развитию и приверженность к высочайшим гуманистическим идеалам.

После капитализма

(Из Манифеста движения «Суть времени»)*

Любое движение объединяет людей с разными взглядами и убеждениями. Это естественно и в каком-то смысле необходимо. Но это

* Полный текст документа: <http://eot.su/manifest>.

не имеет никакого отношения к всеядности: должно быть нечто, объединяющее людей, решивших вместе делать общее дело.

И это нечто даже не какой-то общий принцип, а некая рамка, очерчивающая общую для всех участников политическую, нравственную и экзистенциальную территорию.

Какова эта рамка для движения «Суть времени»?

Она складывается всего лишь четырьмя принципами.

Принцип № 1. Все мы относимся к краху СССР как к личной трагедии. Ответственные за этот крах силы лишили нас нашей Родины. Это особенно ясно теперь, когда всё те же силы стремятся добить до конца Россию, используя буквально те же приемы, которые позволили им организовать крах СССР.

Итак, потеря СССР для нас – это утрата. Боль этой утраты с годами не ослабевает. Даже наоборот. Ибо по прошествии времени лишь нарастает трагическое осознание того, как много мы тогда потеряли.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце», – говорил великий фламандец Тиль Уленшипель.

Пепел СССР стучит в наши сердца. Именно это нас объединяет.

Те, в чьи сердца не стучит этот пепел, не могут быть вместе с нами.

Разрушенный Советский Союз живет в наших сердцах. И поскольку он в них живет – СССР может быть восстановлен.

Способность хранить в сердце то, что исчезло в реальности, – главная предпосылка реванша. Да, именно реванша – мы говорим о нем, и только о нем.

Реванш – это осознание горечи поражения и готовность к победе. Только это, и ничего больше.

Мы переживаем крах СССР как поражение своего народа и свое личное поражение. Но мы не капитулировали. Мы готовы продолжить борьбу и победить.

Принцип № 2. Мы хотим знать, почему распался Советский Союз и кто виновен в этой трагедии. Мы понимаем, что ответ на этот вопрос крайне сложен. Что враг применил против нас сложное и коварное оружие. Что враг и теперь создает разного рода ложные цели и дымовые завесы. Мы не хотим простых ответов. Ибо понимаем, что простота тут хуже воровства.

Мы не пощадим сил ума и души для того, чтобы добраться до истины. Мы готовы учиться, брать новые и новые барьеры сложности в поисках окончательного ответа.

Не готовые дать окончательный ответ сегодня, мы дадим его завтра. В русских сказках говорится о семи парах стоптанных железных сапог. Если будет надо, мы стопчем семьдесят семь пар таких железных сапог. Ибо мы хотим окончательного ответа на свой вопрос. И мы этот ответ получим.

Принцип № 3. Мы хотим понять не только то, кто виновен в распаде СССР и в чем подлинный замысел сил, сумевших обеспечить его распад.

Мы хотим понять еще и то, как можно вернуть утраченное. Только ради этого мы и прорываемся к истине. Возвращение утраченного еще на порядок сложнее, чем получение ответа на вопрос о том, кто, как и почему отнял у нас любимое.

Мы не боимся и этой сложности. Мы хотим обрести настоящий, полноценный ответ на вопрос о том, как вернуть утраченное. И мы этот ответ обретем.

Принцип № 4. Без любви разум бессилён. Без разума любовь слепа.

Но и разума, и любви недостаточно. Мы хотим понимания природы своего поражения, понимания путей к победе – не просто для того, чтобы потешить свой ум и успокоить сердечную боль. Мы хотим не только понять, как вернуть утраченное. Мы хотим это утраченное вернуть.

Сердце и разум, даже объединившись, бессильны, если нет воли. У нас эта воля есть. Мы хотим бороться за то, чтобы вернуть утраченное. Мы не хотим экстаза, мы не будем биться в конвульсиях. Мы сможем остудить чувство, не потеряв при этом его. Наш разум может и будет брать один барьер сложности за другим.

Но все это для нас – не упражнения души и разума. Нам нужно любить и знать для того, чтобы действовать.

Вслед за Марксом мы говорим: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Вот и все, что нас объединяет. Только эти четыре принципа – и ничего другого. Они задают концептуальную, моральную, экзистенциальную, политическую рамку. Внутри нее мы чувствуем и мыслим по-разному. Мы лишь отправляемся в общий путь. Мы верим, что странствие в поисках утраченного сблизит нас. И при этом мы всегда будем оставаться разными. Это, повторяем, нормально и даже необходимо. По-разному мы переживаем утрату и понимаем природу этой утраты.

Но мы хотим вернуть утраченное. И мы его вернем.

Примечания

- ¹ Медоуз Д. и др. Пределы роста. Первый доклад Римскому клубу // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы/ сост. Д. М. Гвишиани, А. И. Колчин, Е. В. Нетесова, А. А. Сейтов. М., 1997. С. 123–143; Пестель Э. За пределами роста // Там же. С. 149–191; Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Первый доклад (отчет) Римского клуба // Там же. С. 197–253.
- ² Rice C. The future of a democratic Egypt // The Washington Post. 2011. 16. Febr.
- ³ Jauvert V. Les revelations d'un ancien conseiller de Carter. «Oui, la CIA est entree en Afghanistan avant les Russes...» // Le Nouvel Observateur. 1998. Janvier 15–21.
- ⁴ Gates R. M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. 1996. P. 145.

Международно-правовые основы уголовного преследования за преступление геноцида: проблемы становления

Тимур Дадуани

Впервые в истории человечества геноцид в качестве международного уголовно наказуемого деяния был зафиксирован в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 96 (I) от 11 декабря 1946 г.

Согласно этой резолюции, «геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп <...> такой отказ в признании права на существование оскорбляет человеческую совесть... противоречит нравственному закону... Геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром, и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию независимо от того, являются ли они частными лицами, государственными должностными лицами или государственными деятелями, и независимо от того, совершено ли преступление по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам»¹.

Следует подчеркнуть, что изложенная резолюция была принята Генеральной Ассамблеей единогласно и без обсуждения.

На уровне международного договора геноцид был объявлен международным преступлением 9 декабря 1948 г., т. е. за день до принятия Всеобщей декларации прав человека, принятием Генеральной Ассамблеей ООН (ГА ООН) Конвенции о предупрежде-

нии преступления геноцида и наказания за него. Согласно названной Конвенции, понятием «преступление геноцида» квалифицируются действия, совершенные с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую

ДАДУАНИ Тимур Гивиевич – аспирант кафедры международного права РУДН. E-mail: interlaw@rambler.ru

Ключевые слова: геноцид, преступление, уголовное преследование, международное право, договор, конвенция.

или религиозную группу как таковую (ст. II).

В упомянутой резолюции ГА ООН 96 (I) указывается на многочисленные преступления геноцида, «когда полностью или частично уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и прочие группы». Данное положение Конвенции констатирует, прежде всего, то, что становление международно-правовых и концептуальных основ уголовного преследования за деяния, квалифицированные позднее в качестве геноцида, связано с институтом международной защиты религиозных, а затем этнических/национальных меньшинств, проблема которых, начиная с Вестфальского мира 1648 г., приобрела международный характер*.

Во второй половине XIX и в 20-е годы XX в. обеспокоенность проблемой защиты этнических/национальных и религиозных меньшинств на территориях многих стран, прежде всего в Османской империи, нашла воплощение в концепции так называемой «гуманитарной интервенции»².

Один из важных аспектов международно-правового режима, установленного Версальским мирным договором (1919 г.), непосредственно связан с проблемой защиты этнических/национальных, языковых и религиозных групп от преступных деяний, квалифицированных позднее в качестве геноцида. В результате заключения ряда двусторонних, многосторонних соглашений, а также принятия односторонних актов государствами в виде деклараций, предусматривавших обязательства этих государств уважать права меньшинств на их территории

ях, в рамках Лиги Наций сформировалась международная система защиты меньшинств.

Данная система защиты распространилась приблизительно на 30 млн чел., говоривших на 36 языках, населявших 16 государств и составлявших почти 25 % населения Европы³.

С созданием указанной системы впервые в международной практике были отмечены серьезные коллективные попытки повсеместного введения уголовного преследования за преступления против меньшинств. При этом признавалось, что физическое истребление национальных меньшинств в пределах границ отдельно взятого государства, влечет за собой как государственную, так и индивидуальную ответственность.

Такому подходу мирового сообщества предшествовали весомые исторические предпосылки, а именно массовые убийства армян на территории Турции, оцененные в Консультативном заключении Международного Суда ООН (1951 г.) в качестве «наиболее яркого примера преступления геноцида»⁴.

Имеются в виду прежде всего трагические события, произошедшие 24 мая 1915 г., – резня армянского населения в Османской империи⁵.

Уместно напомнить, что правительства Франции, Великобритании и России выступили с совместным заявлением, в котором говорилось, что «перед лицом этих новых преступлений, совершенных Турцией против человечности и цивилизации, правительства коалиции публично информируют турецкое правительство, что за совершение названных преступлений будут нести личную ответственность все члены правительства Османской Турции, а также его официальные представители, причастные к совершению массовых убийств населения»⁶.

* Оснабрюкский договор от 14 октября 1648 г. и Мюнстерский договор от 14 октября 1648 г., образующие Вестфальский мир 1648 г.

Специалисты считают, что это было первое употребление в рамках международного права термина «преступление против человечности».

Необходимо также напомнить, что на Парижской мирной конференции (1919 г.) министр иностранных дел Греции предложил ввести новую категорию военных преступлений, которую он назвал «преступления против законов человечности». Предполагалось, что под эту категорию подпадет и резня армянского населения в Турции.

Итоги этих попыток были следующие. В соответствии со ст. 228–230 Версальского мирного договора Германия признавала право государств-победителей преследовать в судебном порядке немецких подданных и привлекать их к уголовной ответственности за нарушение законов и обычаев войны при помощи военных трибуналов союзных держав. Следует заметить, что по настоянию американской делегации в Версальском мирном договоре не упоминалось о «преступлениях против законов человечности». Впоследствии новое правительство Германии проголосовало за принятие Версальского мирного договора, но с определенными оговорками. В частности, оно не согласилось с положениями о наказании военных преступников, ссылаясь на то, что Уголовный кодекс Германии запрещал выдавать немецких граждан иностранным государствам для судебного преследования и наказания⁷.

В результате в судебном порядке были рассмотрены дела лишь незначительной группы немецких солдат за совершенные ими зверства в лагерях военнопленных и за затопление плавающих госпиталей противника⁸.

В отношении Турции Союзные державы были намерены подвергнуть судебному преследованию лиц, виновных

в жестоком обращении с военнопленными, большинство из которых были англичанами, а также в «депортации и массовых убийствах» (имелось в виду армянское население).

18 января 1919 г. Верховный комиссар Великобритании адмирал Калторп проинформировал министра иностранных дел Турции о том, что «правительство Его Величества намерено добиваться должного наказания тех, кто несет ответственность за массовые убийства армянского населения».

Под давлением со стороны военной администрации Союзных держав турецкие власти задержали и поместили под стражу десятки политических руководителей страны, но впоследствии многих из них освободили в результате начавшихся массовых демонстраций протеста и в силу других обстоятельств.

В соответствии с положениями Севрского мирного договора, подписанного 10 августа 1920 г., Турция признала право на судебное разбирательство (ст. 226) и брала на себя обязательство выдавать «всех лиц, обвиняемых в совершении действий, нарушающих законы и обычаи войны, подтвержденные либо личным именем, либо занимаемой должностью в органах управления Турции»⁹.

Однако Севрский договор так и не был ратифицирован. Он был заменен Лозаннским договором, подписанным 24 июля 1923 г., в который вошла Декларация об амнистии в отношении всех преступлений, совершенных в период с 1 августа 1914 г. по 20 ноября 1922 г.¹⁰

Все попытки, предпринятые после окончания Первой мировой войны, организовать судебное преследование лиц, причастных к совершению военных преступлений и преступлений против человечности, были обречены

на провал. Вместе с тем следует подчеркнуть, что на протяжении последующих двух десятилетий специалисты в области уголовного права работали над рядом предложений, касавшихся принятия мер по наказанию виновных в совершении международных преступлений.

Первое из таких предложений поступило от Консультативного комитета юристов, созданного в 1920 г. под эгидой Совета Лиги Наций. Задача состояла в том, чтобы создать систему международных судебных учреждений. Один из членов Консультативного комитета – барон Декамп (Бельгия) – предложил создать «Верховный суд международного правосудия».

Он заимствовал формулировку оговорки Ф. Ф. Мартенса из преамбулы к Гаагской конвенции (IV, 1907 г.). Барон Декамп отмечал, что юрисдикция суда может включать в себя не только нормы, «признанные всеми цивилизованными нациями, но также запросы, вытекающие из требований общественного сознания, а также правового сознания цивилизованных стран».

Однако Третий Комитет Ассамблеи Лиги Наций посчитал идеи Декамп «преждевременными»¹¹.

Ассоциация международного права и Международная ассоциация уголовного права также занимались изучением вопроса о международной уголовной юрисдикции. Их работа в данном направлении завершилась подписанием в 1937 г. Конвенции Лиги Наций, рассматривающей возможность создания международного уголовного суда¹².

По причине нератификации достаточным числом государств названной Конвенции она в силу так и не вступила. Годом позже на проходившей в Лиме восьмой Международной конференции американских государств был рассмотрен вопрос об уголовной ответственности «за преследование людей по расовым или религиозным мотивам»¹³.

Следует подчеркнуть, что термин «геноцид» (от греч. *génos* – род, племя и лат. *caedo* – убивать) впервые был введен в научный оборот профессором Рафаэлем Лемкином в его книге, опубликованной в 1944 г.¹⁴

В качестве возможного альтернативного варианта данному неологизму профессор Р. Лемкин рассматривал также использование греческого термина «этнос» (*ethnos*), который в целом синонимичен термину «генос» (*génos*).

Профессор Р. Лемкин предложил следующее определение понятия геноцида: «Скоординированный план по осуществлению действий, направленных на уничтожение основ жизни национальных групп, с целью уничтожения самих этих групп. Целью данного плана является уничтожение политических и социальных институтов культуры, языка, национальных чувств, религии и экономических основ существования национальных групп, а также ликвидация личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни тех, кто входит в состав этих групп. Геноцид направлен против национальной группы, понимаемой как целостное образование, и соответствующие действия направлены против людей, рассматриваемых не в качестве отдельных индивидуумов, а членов национальной группы»¹⁴.

Одна из глав книги Р. Лемкина посвящена анализу преступлений геноцида.

Ученый категоризировал понятие «геноцид». Основывая свои примеры на практике действий нацистов в оккупированной Европе, ученый подчеркивал, что преступления геноцида совершались при помощи одновременного подрыва различных аспектов и форм жизни народов оккупированных стран:

– в политической области (путем уничтожения институтов местного самоуправления и насильственного навязывания)

звания модели управления немецкого типа, а также путем искусственного создания поселений немецкого населения на оккупированных территориях);

– в социальной области (путем разрушения социального единства нации с помощью убийств или депортации целых групп населения, например, интеллигенции, из рядов которой генерируются духовные лидеры нации – согласно теории Гитлера, изложенной в «*Mein Kampf*», «самые высокие умы могут быть ликвидированы, если к их носителям применить резиновые дубинки и забить до смерти»);

– в сфере культуры (наложив запрет на деятельность учреждений культуры или вовсе их уничтожив, запретив какую-либо культурную деятельность);

– навязав свою систему образования, заменив ею обучение в сфере либеральных видов искусств с тем, чтобы предотвратить возможность развития и внедрения в умы гуманистических идеалов, что, по мнению оккупационных властей, опасно, так как способствует росту национального самосознания);

– в экономической области (обеспечив приток капиталов в руки немцев и запретив ведение торговых операций тем, кто не поддерживает «безоговорочно» идеологию пангерманизма);

– в области народонаселения (проводя политику уменьшения доли коренного населения и поощряя политику увеличения численности немецкого населения в оккупированных странах);

– в области контроля над физической жизнедеятельностью населения (путем введения рациона, обрекающего на голодное существование лиц не германского происхождения, а также путем массового истребления людей, главным образом евреев, поляков, словаков и русских);

– в религиозной сфере (путем активного вмешательства в дела церкви, которая во многих странах является источником пополнения кадров национальной элиты не только в духовной сфере, но также и в политической);

– в области морали (путем создания атмосферы упадка нравов с помощью распространения порнографической литературы и тиражирования эротических фильмов, а также активно внедряя практику чрезмерного употребления алкогольных напитков)¹⁴.

Профессор Р. Лемкин указывал на две фазы совершения преступления геноцида:

– *первая* из них – разрушение национальной модели существования угнетаемой национально-этнической группы;

– *вторая* – в навязывании этнической группе национальной модели нации-угнетателя.

Ученый ссылаясь на результаты работы, созданной в 1919 г. Комиссии по расследованию фактов военных преступлений, которая в качестве определения данного феномена использовала термин «денационализация».

Ученый указывал на наличие «различных методов осуществления геноцида в разных сферах», а именно в политической, социальной, культурной, экономической, биологической, физической, религиозной и моральной областях.

Политический геноцид (не надо путать с геноцидом политических групп, который профессор Р. Лемкин в это понятие не включал) означает разрушение политических институтов национально-этнической группы, включая такую практику, как насильственное изменение имен и фамилий и другие виды принудительной «германизации». По поводу физического уничтожения представителей таких групп профессор Р. Лемкин отмечал, что оно выражает-

ся в проведении политики расовой дискриминации в форме ограниченного доступа к продовольствию и опасного для жизни ограниченного медицинского обслуживания, а также непосредственно в массовых убийствах людей¹⁴.

Глава книги профессора Р. Лемкина, посвященная геноциду, заканчивается «рекомендациями на будущее». В них содержится призыв к «запрещению геноцида как в военное, так и в мирное время». Ученый настаивал на том, что существует прямая связь между геноцидом и растущей потребностью в обеспечении защиты национальных меньшинств.

Профессор Р. Лемкин призывал к пересмотру Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. для включения в них пунктов, содержащих определение геноцида. Ученый считал, что, с точки зрения *de lege ferenda*, определение геноцида, зафиксированное в Гаагских конвенциях, должно состоять из двух частей. В первой речь шла бы о действиях, которые представляют угрозу для жизни, свободы, здоровья, телесной целостности человека, экономического существования, чести и достоинства лиц, принадлежащих к определенной национальной, религиозной или расовой группе, когда они совершаются. А во второй части этого раздела речь могла бы идти о любой политике, направленной на уничтожение подобных групп.

По мнению профессора Р. Лемкина, текст Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. должен быть изменен таким образом, чтобы в него можно было бы включить пункт об учреждении международного контрольного органа, наделенного особыми полномочиями, например, правом посещения оккупированных стран и проведения расследований в части, касающейся того, каким образом оккупационные власти обращаются с местным населением.

В августе 1945 г. четырьмя государствами – Великобританией, СССР, США и Францией – было подписано Соглашение о преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «Оси» и в качестве приложения к Соглашению был утвержден Устав Международного военного трибунала (МВТ)¹⁵.

Ст. 6 Устава МВТ определяет «действия, которые являются преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Трибунала и влекущими индивидуальную ответственность». При этом п. «а» ст. 6 Устава МВТ определяет «преступления против мира», п. «b» – «военные преступления», п. «с» – «преступления против человечности».

Ссылаясь на п. «с» ст. 6 Устава, МВТ предъявил подсудимым обвинения в «умышленном и систематическом геноциде, а именно: в истреблении расовых и национальных групп мирного населения на ряде оккупированных территорий в целях уничтожения определенных рас и групп людей, а также национальных, расовых и религиозных групп, главным образом, евреев, поляков и цыган»¹⁶. Впоследствии в документах Комиссии ООН по расследованию военных преступлений было отмечено, что «путем включения этого пункта обвинение сделало попытку ввести в международное право и утвердить в нем новый вид международного преступления»⁶.

Во время Нюрнбергского судебного процесса обвинитель от Великобритании напомнил одному из обвиняемых – К. фон Нейрату, что тот обвиняется в геноциде. Данное преступление, по мнению обвинителя, заключалось в истреблении расовых и национальных групп или было, как это сформулировано в книге профессора Р. Лемкина, «скоординированным планом по осуществлению действий, направленных

на уничтожение основ жизни национальных групп, в целях уничтожения самих этих групп»¹⁷.

В своем заключительном выступлении обвинитель от Франции заявил следующее: «Это преступление настолько чудовищное, с которым человечество еще не сталкивалось с раннего христианства до зарождения гитлеризма, что лучшего термина, чем „геноцид“ для его определения не найти»¹⁸.

Обвинитель от Великобритании также использовал данный термин в своем выступлении на процессе: «Геноцид не ограничивался истреблением еврейского населения в Европе или цыган. В различных формах он осуществлялся в Югославии, применялся по отношению к негерманскому населению Эльзаса и Лотарингии, а также в отношении народов Нидерландов и Норвегии».

В ходе судебного процесса он также дал следующие пояснения: «В интересах достижения целей геноцида нацисты также использовали различные, как они их называли, биологические методы. Они намеренно ограничивали рождаемость в оккупированных странах путем стерилизации женщин, кастрации мужчин, осуществления в принудительном порядке аборт, путем разделения супружеских пар, организации отдельного проживания мужчин и женщин, препятствуя заключению браков»¹⁷.

И хотя в оглашенном (с 30 сентября по 1 октября 1946 г.) заключительном обвинительном акте процесса над главными военными преступниками термин «геноцид» не упоминался, в нем имеются пространные объяснения того, что фактически является преступлением геноцида. Уже позже профессор Р. Лемкин писал, что «свидетельства, представленные на Нюрнбергском процессе, служили полным подтверждением правильности концепции геноцида»¹⁹.

Спустя более полувека на процессе Международного уголовного трибунала по Руанде было заявлено, что «преступления, уголовным преследованием кото-

рых занимался Нюрнбергский трибунал, а именно холокост еврейского населения или то, что вошло в историю как „Окончательное решение“, являются типичными случаями геноцида, однако они не могли быть так названы, поскольку преступление геноцида было признано как таковое лишь годы спустя»²⁰.

9 декабря 1948 г. ГА ООН приняла Конвенцию «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

В ст. II названной Конвенции под геноцидом понимаются «следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»²¹.

В ст. VI указанной Конвенции говорится о том, что лица, обвиняемые в совершении геноцида, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или «таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении Сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда».

16 июля 1998 г. на Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой ООН был принят Статут Международного уголовного суда (МУС), который вступил в силу в 2002 г. В соответствии со ст. 5 Статута юрисдикция МУС ограничивается «самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего мирового сообщества». Среди таких

преступлений в ст. 5 Статута первым упоминается преступление геноцида²².

Для сравнения: на данный момент участниками Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него являются 108 государств, а участниками Статута МУС – 114.

Поскольку преступление геноцида относится к «самым серьезным пре-

ступлениям, вызывающим озабоченность всего мирового сообщества» (ст. 5 Статута МУС) и борьба с этим преступлением составляет обязательство *erga omnes*, все государства – члены ООН обязаны присоединиться к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Статуту МУС.

Примечания

- 1 UN Doc. GA Res. 96 (I), 11 December 1946.
- 2 *Verwey W. D.* Humanitarian Intervention under International Law // *Netherland International Law Review*. Rockville, 1985.
- 3 *Жвания Г. Е.* Международно-правовые гарантии защиты национальных меньшинств: исторический очерк. Тбилиси, 1959. С. 67.
- 4 Reservations to the Convention on the Prevention of the Genocide (Advisory Opinion). Pleading. Oral Arguments. Documents. 1951. P. 25.
- 5 *Taner Akcam.* A Shameful Act: The Armenian Genocide and the Questions of Turkish Responsibility. N.Y.: Holt, 2007.
- 6 History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War. L.: His Majesty's Stationery Office, 1948. P. 35, 197.
- 7 *Goldberg G.* The Peace to End Peace: The Paris Peace Conference of 1919. N.Y.: Harcourt, Bracc and World, 1969. P. 151.
- 8 *Willis J. F.* Prologue to Nuremberg: The Politics and Diplomacy of Punishing War Criminals of the First World War. Westport, CT: Greenwood Press, 1982.
- 9 UKTS. 11, 1920.
- 10 Treaty of Lausanne between Principal Allied and Associated Powers and Turkey // LNTS. 1923. Vol. 28. № 11.
- 11 Question of International Criminal Jurisdiction // UN Doc. A/CN.4/15 (1950). P. 14–17.
- 12 Convention for the Creation of an International Criminal Court, League of Nations // OJ Spec. Supp. № 156 (1936), LN Doc. C. 547 (I). M. 384 (I). 1937. V. (1938).
- 13 The International Conference of the American States/ *Scott J. B.* (ed.). Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1940.
- 14 *Lemkin R.* Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. Washington: Carnegie Endowment for World Peace, 1944. P. 79, XI–XII, 82–90.
- 15 Agreement for the Prosecution and Punishment of Major War Criminals of the European Axis, and Establishing the Charter of the International Military Tribunal (IMT), annex // UNTS. 1951. Vol. 279. № 82.
- 16 *France et al. v. Goering et al.* // IMT. 1946. Vol. 203. № 22. P. 45–46.
- 17 17 IMT 61 (1947).
- 18 19 IMT 531 (1947).
- 19 *Lemkin R.* Genocide as a Crime in International Law // *American Journal of International Law*. 1947. Vol. 41. P. 147.
- 20 *Prosecutor v. Kambanda* (Case № ICTR 97–23–9). Judgment and Sentence. 4 September 1998. Para. 16.
- 21 Права человека: сб. междунар. договоров. Организация Объединенных Наций. Н. – Й., Женева, 2002. Т. II. С. 723.
- 22 Международные акты о правах человека. Сб. документов / сост. В. А. Каргашкин, Е. А. Лукашева. М., 2002. С. 516.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents

Editorial	4
The October Revolution in the context of historical contradictions between Russia and the West	6
V. Pavlenko	

The article represents itself the comprehensive and renovated variant of the author's report at the round-table discussion in the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (2011, February 1). While examining the project basis of the present global processes, the author proves, that their main contest, as well as the whole of the 1500-2000 year's events, consists of the uninterrupted competition between Russia and the West. The central aim of the leading West world's power centers is the our country's destruction, because of its historical role of the main artificial obstacle in the way to the Anglo-Saxon world supremacy. The article shows the close connection of the "global elite" and the Nazy's followers. In conclusion the author stresses that the prevention of such a destructive scenario of "the End of History" is possible only with the help of new Russia's global project, which will be capable to re-establish our historical continuity..

Key words: Russia, the West, civilization, global governance, global project, project's transformation, project's continuity, project's expansion, Anglo-Saxon supremacy, Marxist theory of state.

About the author: **Pavlenko Vladimir B.** – is a Doctor of Science (Politology).

Military parade in the besieged capital	40
A. Tsvetkov	

Based on documentary material, the author showed the military background of the people of the Red Army on November 7, 1941 on Red Square in Moscow, preparing for him and his conduct.

Key words: military parade, a state of siege, the plans of the parties, the participants in the parade, we IV Stalin's troops march..

About the author: **Tsvetkov Anatoly Isaakovich** – a veteran of World War II, Doctor of Military Sciences, professor, Honored Scientist of Russian Federation.

The Moscow Battle: Fundamental Changes in Consciousness of the People and the Army*

45

V. Litvinenko

The article is devoted to the Moscow battle, which represents itself to be one of the most important events of the Great Patriotic War and the whole of the Second World War. Its critical character for moral spirit of the people and Army is shown by the author together with the mobilization role of military parade in the Red Square on November 7, 1941. The article also deals with the questions of international resonance and opinion round the Soviet Army's counteroffensive in the environs of Moscow in December of 1941.

Key words: Great Patriotic War, 1941, the Moscow Battle, Military Parade on November 7, 1941, fundamental change, moral spirit.

About the author: **Litvinenko Vladimir A.** – Candidate of Philosophy, the History and Cultural Studies Chair's senior lecturer of the Moscow State Humanitarian University, named after Mikhail A. Sholokhov.

The Parade which was Became the Legende*

55

H. Senyavskaya

The Publication of documents and memoirs is devoted to such an unique event of national history as the Military Parade, which took place on November 7, 1941 in the Red Square of Moscow in the honor of 24th anniversary of the Great October socialist revolution. This historical action is considered to be a symbol of national firmness and belief to the future victory, which was manifested even in the most difficult days of the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, 1941, Military Parade on November 7, Moscow, Red Square, moral spirit of the people and Army.

About the author: **Senyavskaya Helen S.** – D-r of History, the chief scientific collaborator of the Russia's History Institute, Professor of the Russia modern history's chair of the Russian State Humanitarian University, the State's premium laureate, the Academician of the Academy of Military Sciences.

NATO: fiction and realities

73

V. Shtol

Referring to the opinion, distributed by certain circles that NATO is no more a threat to Russia, the author brings some data, showing the opposite that is steadily increase of NATO's military potential and makes a conclusion that Russia should never forget that NATO is not a philanthropic organization but a military-political alliance with all the consequence ensuing the reform and so we must treat it proper way.

Key words: NATO, MOOTG, Concept of Fast Global Strike, Global Strike Joint Integrating Concept.

About the author: **Shtol Vladimir Vladimirovich** – doctor of political sciences, professor.

Where the Tunisian "revolution" is going? A torrid summer after a stormy spring

79

M. Vidyasova

The article develops, taking into consideration new data bases and the peculiarities of the current situation, the issue of the Tunisian "revolution" which has been studied by the revue "Observer" (№ 7, 2011). The author does not try to answer all the questions arising from the recent events in Tunisia and in the rest of the so called Arab World which is not a homogeneous entity, though the idea of the common Arab Nation is still vivid. This idea is now popularized by some Tunisian political parties the whole

* The article is prepared with the support of the Russia's Humanitarian Scientific Foundation. The Project №11-01-00363a.

number of which dramatically increased ten-fold only during the March-June of 2011. They are to present their candidates to the Constitutive Assembly on October the 23th (the date of elections was twice changed). Meanwhile de-facto the electoral campaign has already started.

Key words: Tunisia, revolution, political parties, modernity, Islam, islamisme.

About the author: **Vidyasova Maria Fedorovna** – doctor of History (Es-Science), a specialist in Arabic studies, full professor, the head of the chair "Oriental Politics" of the Moscow Lomonossov State University, Institute of the Afro-Asian countries.

Political Tsunami. World Project's Competition and the Models of the Future

97

S. Kurginyan

The article of S.E.Kurginyan – the well-known politologist – deals with the problems of the world project's competition, which is examining in the light of the present transformation of North Africa and Middle East regions. The author notes the support of "revolutionaries" by the main Anglo-Saxon centers of the West, especially by the USA. So the very interesting and original hypothesis about the close correlation's existence between the Post-Modernist tendencies, which are dominating in the West, and the Counter-Modernity of the radical Islam is suggested in the article. The author opposes the perspectives of such an Order the necessity of advancing by Russia the new world project of "the Over-Modernity" and the connecting in this project the Soviet ideals and the practical experience of the state, political, social and economic construction in the USSR with some new elements of Communism.

Key words: World project's competition, world order, Modernity, Post-Modernity, Counter-Modernity, Over-Modernity, modernization, soviet experience, Arab's revolutions, post-capitalism, Communism, association's principles.

About the author: **Kurginyan Sergey E.** – the soviet and russian geophysicist, analyst, politologist and theatrical producer, the "The Experimental Creative Center" International public Fund's (the Center of Kurginyan) President, "the XXI Century" scientific and publicistic journal's and "the Integral Analysis School" anthology's Editor-in-chief, the "On Boards" Theater-Studio's Leader and Producer.

International legal bases of criminal prosecution for the crimes of genocide: the problems of formation

119

T. Daduani

This article covers the problems of formation of international legal bases of criminal prosecution for the crimes of genocide. According to modern international law such crimes are one of the most serious ones which concerns world community and are fold under jurisdiction of International Criminal Court.

Key words: genocide, crime, criminal prosecution, international law, treaty, convention.

About the author: **Daduani T.G.** – post-graduate student of the Department of International Law Peoples' Friendship University of Russia.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в [Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий](#), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте observer@ru.ru или предоставляется на дискете в формате Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кеглем 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала.)

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

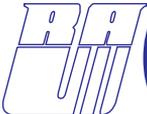
В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте <http://www.rau.su>

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER Тел.: (495) 959-22-53
E-mail: observer@nasled.ru

Дизайн Юданова Н. И.

Верстка Беленький Л. М.

Интернет-издание, компьютерное обеспечение,
маркетинг, реализация, реклама
Королев Н. В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы: **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.
E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: <http://www.rau.ru>

Подписано в печать 11.10.2011. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 198.